

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2023'3

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
М.И. Строкова, М.А. Шпак

Журнальная верстка:

ООО “Верди”

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Marina Strokova, Maria Shpak

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Харитонов Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of the EU Studies, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтун Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the RAS, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Исторический нарратив как вызов для национальных государств
 Фененко А.В.14

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Великобритания в многосторонних военно-политических структурах
 Алешин А.А.35

Климатическая политика Великобритании до референдума о Брексите
 Андреева Т.Н.49

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Французская защита: внешняя политика Э. Макрона в 2022–2023 гг.
 Зуева К.П., Тимофеев П.П.62

Деволюция как фактор политической субъектности британских регионов после Брексита: кейсы Шотландии и Уэльса
 Шейн С.А., Белоус Ю.А., Чуприянова П.И., Семенова Н.О., Королёва Л.В.79

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

THEORY AND METHODOLOGY

Historical Narrative as a Challenge for Nation-States
Fenenko A.V. 14

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

The UK in Multilateral Military-Political Structures
Aleshin A.A. 35

The UK Climate Change Policy Before Brexit Referendum
Andreeva T.N. 49

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

The French Defense: Macron’s Foreign Policy in 2022–2023
Zueva K.P., Timofeev P.P. 62

**Devolution as a Post-Brexit Factor of the British Regions Political Actorness:
The Cases of Scotland and Wales**
Shein S.A., Belous Yu.A., Chupriyanova P.I., Semenova N.O., Koroleva L.V. 79

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию третий в 2023 г. выпуск нашего журнала. В этом выпуске три рубрики – **“Теория и методология”**, **“Глобальная и региональная безопасность”**, **“Динамика социальных и политических пространств”**. В фокусе внимания авторов – исторические дискурсы современных национальных государств с точки зрения формирования национальной (национально-государственной) идентичности и влияния на положение государства в системе международных отношений; участие Великобритании в многосторонних военно-политических структурах для обеспечения обороноспособности, большей субъектности и влияния в Европе и в мире с опорой на “особые отношения” с США; история британской политики торможения глобального изменения климата с 1990-х годов до решения страны о выходе из Европейского союза; ключевые факторы, которые оказали особое влияние на внешнюю политику Франции в 2022–2023 гг. в четырех ее проблемных полях: развитии европейской интеграции, кризисе безопасности в Европе, узле противоречий в Индо-Тихоокеанском регионе и ситуации в Африке; воздействие Брекзита на динамику процесса деволюции в Великобритании через призму возможностей и ограничений для британских регионов добиться для себя большей политической субъектности.

Раздел **“Теория и методология”** представлен исследованием нашего коллеги и постоянного автора журнала из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **“Исторический нарратив как вызов для национальных государств”**. На этот раз Алексей Валериевич Фененко, доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики, обратился к изучению исторических дискурсов современных национальных государств. Он проанализировал по-настоящему огромный массив работ ученых-историков (это подтверждает внушительный список использованной литературы), интерпретируя рассматриваемых в них проблемы генезиса национальных государств, формирования и развития государственности как научный дискурс и выявляя динамику и даже случаи пересмотра последнего под влиянием как научных открытий, так и меняющихся политических обстоятельств в процессе государственного строительства.

Эти исторические дискурсы и нарративы (по мнению автора, эти понятия нельзя считать синонимичными, а следует развести) дополняют и даже способны формировать соответствующий общественно-политический дискурс, тем самым структурируя национальное (национально-государственное) самосознание политической нации. Автор рассматривает в своем исследовании две взаимосвязанные научные проблемы: 1) воздействие “исторического дискурса” на формирование национальной (национально-государственной) идентичности; 2) влияние “исторического дискурса” на положение государства в системе международных отношений. Ему удалось выявить и охарактеризовать три ключевые типа исторического дискурса на примере различных стран, как западных, так и незападных: так называемые проблемный (Франция, Британия), сконструированный (Италия, Германия) и выбранный (Россия, Китай). Как полагает автор, исторический дискурс не стоит рассматривать упрощенно и политизированно – как фальсификацию и даже подтасовку фактов в угоду политической конъюнктуре: исторический дискурс, скорее, смотрит на факты с нового, необычного ракурса.

Статья интересна помимо прочего и тем, что А.В. Фененко изучает научные дискурсы, используя в том числе категорию идентичности, пусть и по-иному, чем это делают в ИМЭМО РАН, где также исследуют научные и общественно-политические дискурсы по различной тематике в рамках получившей признание научной школы идентитарных исследований [см. фундаментальные работы ИМЭМО РАН по данной тематике: 1; 2; 3].

Рубрика **“Глобальная и региональная безопасность”** оказалась в этом выпуске тематической – две статьи этой рубрики посвящены Великобритании, ее участию в многосторонних военно-политических структурах, а также динамике и сложностям реализации климатической политики страны (кстати, в настоящем выпуске журнала еще одна статья, знакомящая читателей с проблемами этнополитической конфликтности в современной Британии, представлена в рубрике **“Динамика социальных и политических пространств”**).

Автор первой статьи этой рубрики **“Великобритания в многосторонних военно-политических структурах”** – Александр Андреевич Алешин, кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем. Он предлагает использовать понятие **“многосторонние военно-политические структуры”** в контексте объяснения того, почему глобальные интересы и внешнеполитические амбиции, имевшие результатом выход страны из состава Европейского союза в надежде добиться большей самостоятельности для себя в международных делах, не предполагают отказа британского высшего политического руководства от приоритетного для себя многостороннего сотрудничества в военно-политической сфере.

Автор концептуализировал само явление многосторонних военно-политических структур в современном мире, изучил и классифицировал сложившиеся многосторонние военно-политические структуры с участием Британии в различных регионах мира, дал оценку роли данных структур в британской внешней политике в контексте трансформации миропорядка и новой после выхода из Европейского союза роли страны в мире. В итоге он пришел к выводу о том, что именно многосторонние форматы позволяют Лондону достичь большего, по сравнению с двусторонними связями, влияния и дают возможность оставаться активным игроком не только в Европе, но и в мире с опорой на **“особые отношения”** с США. Такие форматы способствуют не только более эффективному использованию имеющихся у Британии материальных и нематериальных ресурсов, но и результативному сдерживанию стратегических на данный момент соперников, а также действенной реализации ее политики **“мягкой силы”**.

Вторая статья рубрики – **“Климатическая политика Великобритании до референдума о Брексите”**. Татьяна Николаевна Андреева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН провела детальное исследование британской политики торможения глобального изменения климата с 1990-х годов вплоть до решения страны о выходе из Европейского союза, выделив ключевые этапы этой политики на основе электоральных циклов, с учетом партийно-идеологических предпочтений британских правительственных элит. Эмпирической базой исследования стали официальные документы и Белые книги британского правительства, Министерства энергетики и борьбы с изменением климата, Министерства по вопросам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства и британского МИД.

По мнению автора, разработка и реализация программ в сфере энергоэффективности и диверсификация национальной энергетики в сторону быстрого внедрения низкоуглеродных технологий (атомной и возобновляемой энергетики) стали главной движущей силой в деле сокращения эмиссии парниковых газов как важной части национальных, европейских и международных усилий по решению глобальной проблемы изменения климата. При этом Великобритания, организуя многосторонние усилия по линии ООН и до недавнего времени Европейского союза в борьбе с потеплением климата и самым активным образом участвуя в формировании региональной и глобальной климатической повестки, стремится играть роль лидера, показывая пример другим странам мира в деле сокращения собственной эмиссии парниковых газов благодаря увеличению энергоэффективности домохозяйств, широкому внедрению ресурсосберегающих технологий и диверсификации национального энергетического сектора путем все более широкого использования возобновляемых источников энергии, таких как ветер и солнце, вместо угля, нефти и газа.

Рубрику **“Динамика социальных и политических пространств”** открывает совместная статья сотрудников отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН Зуевой Киры Павловны, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника сектора политических проблем европейской интеграции, и Тимофеева Павла Петровича, кандидата политических наук, заведующего сектором региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований, на тему **“Французская защита: внешняя политика Э. Макрона в 2022–2023 гг.”**. Ключевой вопрос, который задали себе авторы при анализе второго мандата Э. Макрона, заключался в следующем: что окажется доминирующим в содержании этого нового курса – преемственность или перемены.

Авторы, используя системный и сравнительный подходы, анализируют четыре проблемных поля внешнеполитического курса Франции после переизбрания президента Э. Макрона в 2022 г.: развитие европейской интеграции, кризис безопасности в Европе, узел противоречий в Индо-Тихоокеанском регионе и ситуацию в Африке. Им удалось выявить три ключевых фактора, которые оказали особое влияние на внешнюю политику Франции в 2022–2023 гг., а именно существенным образом сузили свободу маневра Франции в Европе, Индо-Тихоокеанском регионе и на африканском континенте и привели к корректировке предыдущего курса Э. Макрона. Это переход украинского кризиса в стадию полномасштабных боевых действий, обострение американо-китайских отношений и усиление международной конкуренции за влияние в Африке. Имели значение и негативные для главы французского государства внутривнутриполитические обстоятельства: итоги всеобщих парламентских выборов 2022 г., лишившие политическую партию президента абсолютного большинства в Национальном собрании и тем самым существенно ограничившие его свободу маневра при проведении внутренних реформ, а также массовые протесты 2023 г., связанные с пенсионной реформой и неблагоприятной обстановкой в пригородах Парижа.

Вторая статья рубрики – **“Деволуция как фактор политической субъектности британских регионов после Брексита: кейсы Шотландии и Уэльса”**. Ее авторы – сотрудники Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета **“Высшая школа экономики”** Шейн Сергей Александрович, кандидат политических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения, научный сотрудник Центра, Белоус Юлия Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник и заместитель директора Центра, Королёва Лолита Витальевна, стажер-исследователь Центра, Чуприянова Полина Игоревна, студент факультета мировой политики и мировой экономики **“Высшей школы экономики”**, программный координатор Российского совета по международным делам (РСМД), Семенова Наталья Олеговна, студент факультета мировой политики и мировой экономики **“Высшей школы экономики”**.

Авторы рассматривают Брекзит как глубокое политико-институциональное потрясение для Соединенного Королевства, которое к тому же существенным образом изменило контекст функционирования британских этнорегиональных автономий, прежде всего трансформировало параметры политической субъектности британских регионов (так называемых стран Соединенного Королевства) в условиях продолжающейся деволуции – децентрализации британского государства, формально остающегося унитарным. В ситуации перераспределения полномочий после выхода страны из Европейского союза сложившаяся в Великобритании деволуционная рамка с асимметричными отношениями центра и регионов, а также половинчатым характером проведенных преобразований по передаче административных и законодательных полномочий с национального на региональный уровень управления создала очевидные институциональные барьеры для расширения политической субъектности этнорегиональных автономий страны и фактически стала основанием для попыток **“мягкой рецентрализации”** со стороны центральных властей.

В рамках процедуры выхода Великобритании из Европейского союза регионам не удалось получить законодательных полномочий по вопросам, которые ранее были в ведении ЕС и, как им представлялось, должны были быть **“возвращены”** именно на региональный уровень управления. При этом работа совместного министерского комитета по переговорам с Евросоюзом, куда вошли представители не только национального

правительства, но и региональных администраций, свелась к коммуникации и консультациям центра и регионов и не предполагала создания механизмов согласования интересов властей различного территориального уровня при разработке проекта выхода из Европейского союза.

В результате исследования авторы пришли к выводу о том, что запрос на расширение политической субъектности британских регионов после Брекзита не приводит к росту полномочий и предпочтений региональных администраций, исходя из существующей деволюционной рамки, которая ограничивает возможности регионов бороться за свой статус, полномочия и предпочтения в рамках существующей политической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia*. Moscow, Ves Mir, 2017. 992 p. (In Russ.)].
2. Семенов И.С., отв. ред., Лапкин В.В., В.И. Пантин В.И., ред. *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. Москва, Весь Мир, 2020. 384 с. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I., eds. *The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context*. Moscow, Ves Mir, 2020. 384 p. (In Russ.)].
3. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves Mir, 2023. 512 p. (In Russ.)].

Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

© ФЕНЕНКО А.В., 2023

ФЕНЕНКО Алексей Валериевич, доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51 (afenenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596

Фененко А.В. Исторический нарратив как вызов для национальных государств. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 3, сс. 14-34. DOI: 10.20542/afij-2023-3-14-34

DOI: 10.20542/afij-2023-3-14-34

EDN: VDVA AA

УДК: 303.01+321.01

Поступила в редакцию 28.07.2023.

После доработки 15.09.2023.

Принята к публикации 27.10.2023.

За минувшие 40 лет в исторической науке утвердились понятия “исторический нарратив” и “исторический дискурс”. Первый означает интерпретацию текста его автором или рассказчиком; второй – совокупность концептуально связанных друг с другом исторических текстов, интегрированных в определенный исторический контекст. Теория исторического дискурса подвела современных историков к выводу о том, что сама современная историография национальных (национально-территориальных) государств есть не что иное, как определенный дискурс. Этот научный дискурс дополняет и/или формирует соответствующий общественно-политический дискурс и структурирует национальное (национально-государственное) самосознание политической нации. Его пересмотр под влиянием научных открытий или меняющихся политических обстоятельств может привести к трудно прогнозируемым последствиям. Нарратив подачи и интерпретации национальной истории, в целом возникший в начале XIX в., был создан под задачи конкретного национального государства и закреплен через систему массового обязательного образования. Поэтому автор, используя теорию исторического дискурса, рассмотрел в своем исследовании две взаимосвязанные научные проблемы: 1) воздействие “исторического дискурса” на формирование национальной (национально-государственной) идентичности; 2) влияние “исторического дискурса” на положение государства в системе международных отношений. Автор выявил и охарактеризовал три ключевые типа исторического дискурса на примере различных стран, как западных, так и незападных: так называемые проблемный (Франция, Британия), сконструированный (Италия, Германия) и выбранный (Россия, Китай). Автор показывает, что в современной политической теории национальные государства часто предстают чем-то постоянным, существующим чуть ли не со времен средневековья. Между тем процесс формирования национальных государств не завершен, и это потребует переформатирования как существующих дискурсов национальных историй, так и создания новых.

Ключевые слова: нарратив, дискурс, теория исторического дискурса, конструктивизм, конструкт, национальная идентичность, историография, национальное государство, этнос, нация.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

HISTORICAL NARRATIVE AS A CHALLENGE FOR NATION-STATES

Received 28.07.2023. Revised 15.09.2023. Accepted 27.10.2023.

Alexey V. FENENKO (afenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596,

School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-52, Moscow 119991, Russian Federation.

Over the past forty years, the concepts of 'historical narrative' and 'historical discourse' became present in historical science. The former means the interpretation of a text by its author or narrator, whereas the latter stands for a set of conceptually related historical texts integrated into a particular historical context. Analysing the theory of historical discourse, modern scholars came to the conclusion that the contemporary historiography of nation-states (national and territorial states) is nothing but a certain discourse. This scientific discourse broadens and/or forms a corresponding sociopolitical discourse, and it also brings structure to the national (national and state) self-identity of a political nation. New scientific findings and shifts in the political environment lead to certain changes in this discourse, and these changes may have hard-to-predict consequences. The narrative of the presentation and interpretation of national history, which emerged in the early 19th century, was created for the purposes of a specific nation-state and it was integrated into the compulsory education. Therefore, with the use of the historical discourse theory, the author considers two interrelated problems: 1) the impact of 'historical discourse' on the formation of national (national and territorial) identity; 2) the impact of 'historical discourse' on the position of the state in the system of international relations. The author goes on to show three key types of historical discourse based on the example of different countries, both Western and not: the so-called problematic (France, Britain), constructed (Italy, Germany) and selected (Russia, China). The author makes it evident that nation-states in modern political theory seem as a constant, coming from medieval even. Meanwhile, the formation of nation-states is incomplete and for its completion both reforming of existing national history discourses and creating new ones are required.

Keywords: narrative, discourse, historical discourse theory, constructivism, construct, national identity, historiography, nation-state, ethnicity, nation.

About the author: Alexey V. FENENKO, Doct. Sci. (Polit.), Professor, Chair of International Security, School of World Politics.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире дискуссии об исторической памяти стали неотъемлемой частью международных отношений [1; 2]. В самом общем смысле под исторической памятью принято понимать систему социокультурных методов и институтов, контролирующих и преобразующих важное для настоящего момента социальное знание в информацию о прошлом для передачи новым поколениям "накопленного общественного опыта" [3]. "Горизонт времени" при изучении проблем исторической памяти, однако, не очень широк и ограничивается в основном XX в. В среде историков и международников дискуссии об этом явлении затрагивают преимущественно недавние события вроде Второй мировой войны, репрессий 1930-х годов в нашей стране или распада СССР [4; 5]. Более ранний период обычно остается в стороне от историко-политических дискуссий, а времена Античности или Средневековья кажутся нашему современнику и вовсе иной цивилизацией, которая "выпадает" из контекста исторической памяти. В действительности переосмысление итогов античной и средневековой истории может стать колоссальным вызовом для современных государств, и в эпоху "войн памяти" следует быть готовым к нему заранее.

Гипотеза автора заключается в следующем. Успехи этнологии XX в. доказали иллюзорный характер многих исторических реконструкций, созданных историографией национальных государств (в Европе XIX в., а в странах Азии – в XX в.) и направленных на поиски у каждого народа дальних предков: возводить французов к галлам и франкам, немцев к готам или гуннам, итальянцев к древним римлянам, датчан и шведов – к викингам и т.д. Поскольку в современном мире нет большинства древних и средневековых народов, которые давно утратили свои языки, культуру, самосознание и антропологический тип, то искусственные схемы преемственности по отношению к ним современных национальных государств могут распасться, что поставит под сомнение сам дискурс национального самосознания. В этой связи возникает необходимость проанализировать¹ две взаимосвязанные проблемы: 1) воздействие “исторического нарратива” на формирование национальной идентичности; 2) влияние “исторического дискурса” на положение государства в системе международных отношений.

НАРРАТИВ И ДИСКУРС

Появление “войн памяти” и “дипломатии памяти” стало возможным благодаря разработке в исторической науке концепта “исторического нарратива” [6; 7]. В XIX в. в историческом познании преобладала методология позитивизма, предполагавшая вычленение фактов из источников с их последующим построением в определенную хронологическую схему. Успехи гуманитарных наук, прежде всего, диахронических исследований в языкознании и культурологии, доказали, что механически выделить факты из источника невозможно: современные исследователи зачастую не понимают культурного поля и смыслов, вложенных в соответствующие текстуальные образы. Исследователь может только интерпретировать прошлое, предполагая, что он частично познал смысл источников определенной эпохи. Совокупность ее устоявшихся интерпретаций в исторической науке получило название исторического нарратива (от англ. *narrative* – рассказ).

Исторический нарратив возникает там и тогда, когда в рассказ о фактах добавляются субъективная позиция и эмоциональные оценки автора текста (“нарративатора”). Нарратив – это, в терминах американского философа Артура Данта, “объясняющий рассказ” [8, сс. 194-195]. Он должен привлечь внимание читателя к событию и потому фокусирует внимание на определенных его моментах и интерпретациях. Автор нарратива сам устанавливает систему образов, смысловые коннотации и причинно-следственные связи между событиями текста и метатекста как совокупности текста и сопутствующих смыслов из связанных с ним текстов.

Классический пример – источники по древнерусской истории. В конце прошлого века отечественные историки доказали, что русские летописи нельзя воспринимать буквально [9; 10; 11]. Русские летописцы, будучи глубоко верующими людьми, чаще всего писали историю не такой, какой она была, а для Страшного Суда – такой, какой она должна предстать перед Богом [10, с. 12]. Тексты древнерусских летописей насыщены библейскими аллюзиями и аналогиями, понять которые невозможно без знания Библии. Соответственно реальные события, изложенные в подобных текстах, были заметно “библейзированы”, то есть подогнаны под библейские тексты. Аналогично средневековые западноевропейские хроники также писались “под Библию”, а труды мусульманских летописцев – “под Коран”.

Теория “исторического нарратива”, по мнению голландского историка Франклина Рудольфа Анкерсмита, разделила историческую науку на “традиционную” и “новую”, в основе которых лежит разное понимание исторической реальности. Традиционная историография основывалась на постулате “прозрачности” текста, согласно которому текст исторического сочинения представляет адекватную картину исторического прошлого и адекватно выражает намерения автора. “Новая” историография основана на том, что текст не всегда дает адекватную картину реальности вследствие субъективных или объективных искажений.

¹ Тезисы статьи были представлены автором 25 апреля 2023 г. в ходе пятого заседания междисциплинарного методологического семинара “Структура факта” на тему “Исторический нарратив как вызов для национальных государств”. Факультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Available at: <https://fmp.msu.ru/nayka/naucnie-meropriyatiya/item/6418-struktura-fakta-istoricheskij-narrativ-kak-vyzov-dlya-natsionalnykh-gosudarstv> (accessed 30.05.2023).

«Если раньше, – указывает Ф.Р. Анкерсмит, – саморефлексия историка была направлена на выработку “корректных” методов исторического познания, позволяющих, как полагали, получить достоверные знания о прошлом, то теперь под вопрос ставится сама возможность исторического познания; объектом изучения становится не историческое прошлое, а историографическая традиция как таковая» [12, p. 5].

Исторический нарратив быстро перерос в исторический дискурс как совокупность концептуально связанных исторических текстов, интегрированных в определенный исторический контекст. Основы этой теории заложил немецкий философ Фридрих Ницше (1844–1900), но в окончательной форме разработал французский культуролог Мишель Фуко (1926–1984). Дискурс, по его мнению, создается совокупностью последовательностей знаков, представляющих собой высказывание; в этом смысле дискурс – это совокупность высказываний, которые подчиняются одной и той же системе формирования [13, сс. 276–278]. Американский историк Хейден Уайт (1928–2018) в работах “Метаистория” (1973) и “Тропинки дискурса” (1978) выявил структуру исторического дискурса [14; 15]. Согласно Уайту, исторический процесс лишен смысла: историк анализирует определенный набор текстов и по-своему переосмысливает их в виде литературных моделей (романа, трагедии, эпоса и т.п.), то есть самостоятельно придает им значение.

Перерастание исторического нарратива в исторический дискурс показал датский исследователь Якоб Торфинг. По его мнению, теория дискурса с начала 1970-х годов прошла в своем развитии три этапа [16, pp. 1–32]:

- узко-лингвистический: исследователи трактовали дискурс как текстовую единицу разговорного и письменного языка;
- система социальных практик: вид деятельности, в ходе которой конкретно-исторический субъект, воздействуя через институты на систему общественных отношений, меняет общество и развивается сам;
- социальное конструирование: воздействия на социальную реальность с целью утверждения в ней новых смыслов и значений, институциональных образований, социальных конструкторов, технологий.

Классификация Я. Торфинга глубже классификации нидерландского лингвиста Тёна Адриануса ван Дейка, выделявшего три типа дискурса: аргументативный, риторический и нарративный [17]. На основе теории Я. Торфинга можно выделить три типа исторического дискурса.

Первый тип – осмысление дискурса как текстовой единицы. Основы такого понимания дискурса заложил французский философ Жак Деррида (1930–2004), создатель метода текстуальной деконструкции [18]. Французский философ отказался от интерпретации текста как чисто лингвистического явления (в этом его позиция сходна с теорией текста советского литературоведа и лингвиста М.М. Бахтина [19]), распространив понятие текста и на неязыковые семиотические объекты, на весь мир, рассматриваемый в категориях “интертекста” или “метатекста”. Голландский литературный критик Доуве Фоккема (1931–2011) определил текст как семантическое поле, в котором автор выражал ценности и представления своего времени [20]. Задачу исследователя Фоккема видел в выявлении определенных кодов, понимаемых как системы предпочтительного выбора автором семантических и синтаксических средств (в нашей стране схожую с Фоккемой позицию занимал основатель семиотической школы Ю.М. Лотман [21, с. 141–287]). Еще дальше пошел американский исследователь Лайонел Госсман, предложивший двухуровневую структуру исторического нарратива: 1) “нижний этаж” (вертикальный или систематический) – подстрочные примечания и отсылки к источникам; 2) “верхний” (горизонтальный или синтагматический) – последовательности событий, сюжета и типа дискурса [22]. По Госсману соотношение двух “этажей” текста показывает, что позаимствовал автор у предшественников и “духа времени” и как он переосмыслил их в своем произведении.

На данном этапе изучения исторического нарратива появились намеченные Д. Фоккемой методики изучения авторского намерения. Различные исследователи выделили в нем четыре компонента: 1) личные взгляды автора текста (включая политические); 2) влияние на автора системы образования своего времени; 3) зависимость автора от социокультурного контекста своей эпохи; 4) включенность автора в идейно-политические

споры своего периода. В начале 1990-х годов в рамках исследований исторического дискурса произошел раскол. Одна группа исследователей провозгласила, что история как объективная реальность не познаваема: познаваемы только взгляды авторов исторических текстов. Другая группа полагала, что методики работы с историческим нарративом приблизят историков к познанию исторического процесса.

Второй тип – понимание дискурса как социальной практики. Здесь исторический дискурс приобрел социально-политическое значение, воплощением которого стала концепция “мест памяти” (фр. *lieu de mémoire*). Введенная в начале 1980-х годов французским историком Пьером Нора [23, с. 26], она предусматривала единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности. Места, в которых, по мнению П. Нора, воплощена национальная память, – это памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова. Главная функция подобных “мест памяти” заключается в том, чтобы сохранять память группы людей и тем самым создавать представления общества о самом себе и своей истории.

Большинство “мест памяти” не являются в современном мире аутентичными, то есть сохраняющими непрерывную память о событии с того момента, как оно произошло. Фактически мы зачастую имеем дело не с памятью о реальном историческом событии, а с памятью о его образе, созданном в последующие времена. Но если это так, то самосознание может строиться на совокупности иллюзорных образов. Подвижка этих образов, выполненная даже с научными целями, может привести к катастрофическому распаду национального самосознания, как, например, это произошло с образом Гражданской войны в СССР.

Третий тип – восприятие исторического дискурса как *социального конструирования*. Концепция “памятных мест” и их деконструкция подвели исследователей к проблеме, что сама историография современных национальных государств – это не что иное как дискурс, сложившийся в определенный период времени. В школьных и даже вузовских учебниках истории мы читаем разделы “История Германии”, “История Италии”, “История Индии”, “История Саудовской Аравии”, редко задумываясь над тем, как давно существуют эти государства в их современном качестве. Аналогичными дискурсами выступают также традиции подачи в исторической науке истории ряда стран (Германии, Италии, Югославии) как едва ли не вечного стремления к объединению. В действительности вопрос о том, насколько, например, жители средневековой Венеции, Флоренции и Сицилийского королевства или Пруссии и Баварии ощущали себя единым народом, остается, мягко говоря, дискуссионным.

Отдельную проблему представляет условность современных названий античных и средневековых государств. Подобным историческим эвфемизмом выступает Шумеро-Аккадское царство конца III тыс. до н.э.: Аккад был главным городом завоеванного его правителями Шумера, а их титул звучал в приблизительном переводе как “Сильный муж четырех сторон света”. Для современников не существовало названия “Византийская империя” – она была по-прежнему существовавшей Римской (Ромейской) империей. Священная Римская империя германской нации изначально была просто Римской: Оттон I короновался в 962 г. как император римлян и франков (лат. *Imperator Romanorum et Francorum*). “Священной” она официально стала в 1254 г., а Священной Римской империей германской нации – только в 1512 г. Не было и таких названий, как “держава готов”, “держава гуннов”, “королевство вандалов”, все эти термины возникли в историографии XVIII–XIX вв. Говоря о политике того или иного государства в прошлом, не стоит забывать, что само его название может быть конструктом историков, в то время как современники могли воспринимать его иначе.

Современная историческая наука, будучи наследницей романтической историографии XIX в., предпочитает длинные временные схемы происхождения государств. Сомнения в том, связано ли, например, Древнерусское государство с современной Россией, а Западно-Франкское королевство с современной Францией в общественно-политическом дискурсе не приветствуются. В Европе XVIII в., напротив, предпочтение отдавалось “короткому нарративу”: взгляд на свою страну как на нечто новое, не обремененное традициями, позволяющее

быстро построить принципиально новое общество на рациональных античных основах [24, сс. 24-27]. Утверждалось, что “настоящая Россия началась с Петра”, “Франция – это новый Рим”, “надо преодолеть тьму Средневековья” и т.д. Соответственно в современной культуре и европейской культуре XVIII в. разное отношение к “памятным местам”: в первом случае они имеют почти сакральную ценность; во втором рассматриваются как наследие некой темной и не очень ценной эпохи, от которого надо избавиться ради построения лучшего будущего.

Исторический дискурс – это не фальсификация и не подтасовка исторических фактов в угоду политической конъюнктуре. (Хотя точки зрения постмодернистской философии термин “подтасовка” неуместен: по-своему интерпретируют факты все историки, будучи детьми своего времени и социума). Подтасовка является достоянием политической пропаганды, другой вопрос – топорной или уточненной. Исторический дискурс не подтасовывает факты, а всего лишь смотрит на них с нового, необычного, ракурса. Например, для немецких историков начала XX в. власть готов над племенами Приднепровья была доказательством изначально германского характера этой территории. Представитель теории исторического нарратива задал бы иной вопрос: “Насколько готов можно считать предками современных немцев, а антов – славян, или это были абсолютно другие, исчезнувшие ныне народы?”. Дискуссия потеряла политическую остроту, как только мы по-другому сформулировали исследовательский вопрос. Но одновременно он породит другие, не менее острые дискуссии в Германии, России и на Украине: “Насколько целесообразно отказаться от наследия готов или антов в нашей истории?”

Теория исторического дискурса подвела современных историков к выводу о том, что сама историография национальных государств есть не что иное, как определенный дискурс. Этот дискурс во многом обеспечивает их национальное самосознание, и его пересмотр может привести к трудно прогнозируемым последствиям. Здесь теория исторического дискурса оказалась близка конструктивистской школе в теории международных отношений и вышла на международный уровень.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТЕОРИИ КОНСТРУКТИВИЗМА

Теория конструктивизма возникла в науке о международных отношениях в 1980-х годах как реакция на недостатки двух традиционных школ – реализма и либерализма. Условным рубежом в ее основании принято считать 1989 г., когда американский историк Николас Онуф опубликовал работу “Мир, который мы создаем” [25]. Принципиально новых положений в теории Онуфа не было: он привнес в международные отношения восходящее к немецкому социологу М. Веберу понятие “конструкт” как производный человеческим сознанием идеальный объект или классификационно-оценочный шаблон, посредством которого человек воспринимает мир [26, сс. 577-578]. “Любое сообщество конституируется через определение своих внешних границ, которое и создает общность между членами группы”, – отмечал российский исследователь В.Е. Морозов [27, с. 82]. Иначе говоря, конструктивизм вышел на новую для международников проблему: как государства определяют свои границы, формируют свою идентичность и определяют свое отношение к другим государствам.

Методологические проблемы конструкта в международных отношениях попытался выделить немецкий политолог Александр Вендт [28]. Он сформулировал три постулата теории конструктивизма: 1) государства являются ключевыми единицами анализа международных отношений; 2) ключевые структуры в системе государств носят интерсубъективный характер; 3) государственные интересы и приоритеты в значительной степени конструируются этими социальными структурами. Эти положения Вендта отличались от идей реалистов и либералов: от первых – тем, что их не создает некая система извне, от вторых – тем, что государственные интересы не детерминированы внутренней политикой. Однако концепция Вендта, как и школа политического реализма, рассматривала национальные государства как целостные и внутренне консенсусные общности.

Недовольство ряда исследователей теорией Вендта привело к появлению более радикальной формы конструктивизма. Первоначально “радикалы” сгруппировались вокруг

так называемой Копенгагенской школы. Она уделяла особое внимание невоенным аспектам безопасности. В рамках Копенгагенской школы зародились теории: 1) секторальной безопасности (военной, политической, экологической) и 2) “секьюритизации” (перевода любой нейтральной темы в область безопасности) [29]. В работах ее представителей «безопасность трактуется не как реальное состояние дел, а как дискурсивная практика, направленная на модификацию иерархии политических приоритетов. Если какая-то проблема “секьюритизируется” (включается в орбиту дискурса безопасности), то это означает, что ей приписывается наивысший приоритет, статус экзистенциальной угрозы, требующей со стороны общества чрезвычайных мер противодействия» [30, с. 90]. Но если государства и их интересы – конструируемая общность, то понимание ими безопасности, национальных интересов и национальной идентичности могут меняться. Подобные перемены влекут за собой изменения территориальной привязки государств, их границ и форм политической идентичности. Представим, например, что элиты неких стран откажутся считать их границы за абсолютную ценность, как это сделало, например, руководство СССР в конце 1980-х годов.

Копенгагенская школа создала потенциал для появления еще более радикального направления в конструктивизме. Так, норвежские исследователи Фредерик Барт и Ивэр Нойманн [31], сфокусировав внимание на изучении проблем конструирования национальных идентичностей, выдвинули на первый план оппозицию “Я–Другой”, отражающую изучение механизма конструирования этнических общностей. Согласно Барту и Нойманну, определение собственных границ общностью (например, государства), возможно только посредством противопоставления себя другим идентичностям. Отсюда появилась волна работ о возможностях искусственного конструирования новых региональных идентичностей.

Здесь Копенгагенская школа сомкнулась с тем пониманием исторического нарратива, которое сложилось в западной исторической науке. Процесс “секьюритизации”, выявленный ее классиками Оле Вейвером и Барри Бузаном [31, pp. 25-26], многократно изучен в научной литературе, однако на него можно посмотреть и в неожиданном ракурсе. Четырехчленная схема “субъект” (кто переводит проблему в ранг проблем безопасности) – объект (проблема, переведенная в ранг опасных) – референтная группа (кому угрожает проблема) – аудитория (кого убеждают в необходимости принять проблему как угрозу безопасности) очень похожа на создание исторического нарратива. В обоих случаях мы имеем дело с объективной реальностью, которая была иначе интерпретирована определенными субъектами в политических целях, причем настолько, что отделить субъективную трактовку от объективной истины стало невозможно.

Подобно историческому нарративу, конструктивизм – не фальсификация исторических фактов, а смена правил игры, взгляд на проблему с нового ракурса. “Секьюритизация – это управляемая правилами практика, успех которой не обязательно зависит от существования реальной угрозы, но от дискурсивной способности эффективно придать развитию такой специфический облик”, – отмечал французский исследователь Тьерри Браспеннинг-Бальзак [32]. Другое дело, что этот новый облик прошлого может оказаться разрушительным для национальной идентичности. Аналогично и смена идентичности – это смена правил игры, которая может происходить даже незаметно для современников и не всегда осознаваться потомками.

Концепция “мнемонической дипломатии” [5, с. 92] как межгосударственных отношений, выстроенных вокруг проблем исторической памяти, представляет собой политический вариант теории исторического дискурса. Во-первых, государства редко спорят о самих исторических фактах: чаще речь идет о споре вокруг образа фактов, сложившего позднее. Во-вторых, как отмечает российский исследователь Д.В. Ефременко [33], государства осуществляют селекцию нарративов и практик, часть которых не признается полезной для поддержания идентичности в качестве основы дееспособности политического актора. В-третьих, исторические факты в период дискуссий чаще всего отсекаются от определенного исторического контекста, который не допускается в информационное поле. Иначе говоря, существуют некие правила исключения сюжетов из дискурса, нарушение которых может привести к не очень предсказуемым последствиям.

Эти правила могут быть негласной выборкой сюжетов, которые сохранились и которые не сохранились в массовом сознании. Отечественная война 1812 г., например, – важное памятное место в самосознании русского народа. При этом мы почти не помним, что в СССР до середины 1930-х годов эта война рассматривалась как “реакционная”, что привело к массовому сносу ее памятников. Историки и политики продолжают спорить о законности или незаконности пакта Молотова–Риббентропа 1939 г. и советско-германского раздела Восточной Европы. Однако при этом крайне редко можно увидеть постановку вопроса о том, что сами восточноевропейские страны (включая Польшу и прибалтийские государства) были созданы Антантой всего за 20 лет до этих событий. До Первой мировой войны в Восточной Европе было три империи – Российская, Германская и Австро-Венгерская. Можно ли посмотреть на пакт Молотова–Риббентропа как на попытку восстановления подобия границ 1914 г. в Восточной Европе? Этот вопрос тянет за собой другие: 1) насколько законно Антанта создала восточноевропейские страны из российских, германских и австрийских территорий? 2) почему итоги Первой мировой войны должны рассматриваться как абсолютная вечная ценность, не подлежащая сомнению, если победители в ней не считали ценностью границы 1914 г.?

Возникает интересная схема конструирования исторической памяти. Сначала происходит некое событие, затем через некоторое время память о нем возрождается, но в контексте или вне контекста его исторической эпохи. Так, Отечественная война 1812 г. воспринимается в российском общественном сознании как часть наполеоновских войн, а события кануна Второй мировой войны в общественном сознании стран Восточной Европы (а по факту и нашей страны) отрезаны от итогов Первой мировой войны. При появлении альтернативных дискурсов (не фальсификации, а именно альтернативных дискурсов) трактовки событий зачастую блокируются на уровне образования, общественного сознания и даже законодательно [34]. Прорыв альтернативных дискурсов может привести к распаду исторической памяти и самой мнемонической дипломатии. Например, охватившая Россию волна разоблачений в отношении революции 1917 г. неожиданно разрушила в середине 1990-х годов антисталинский дискурс XX съезда КПСС по логике: если сами революционеры были преступниками и палачами, а Октябрьская революция – главным “злом” в истории, то заслуживают ли они сочувствия как жертвы репрессий 1930-х годов? Дискуссия об этих проблемах была срочно заменена на привычную полемику по проблемам сталинизма.

Здесь конструктивизму пока не хватило исторической основы – той самой теории исторического дискурса, которая до настоящего времени определяет самосознание национальных государств. Нарратив подачи национальной истории, возникший в начале XIX в., был создан под задачи национального государства и закреплен через массовую систему образования. Он, строго говоря, решал комплекс не только научных, но и политических, задач:

- обоснование легитимности существования данного государства;
- распространение его идентичности в массовом сознании;
- утверждение идеи неизменности существования данного государства в его текущей форме;
- определение законности границ данного государства или его претензий на иные территории.

Создание идентичности национальных государств происходит примерно по одинаковой схеме. Сформировавшееся национальное государство создает единый дискурс своей истории, который постепенно закрепляется через государственную систему образования. Этот дискурс легитимирует территориальную привязку данного государства, его границы, а также формирует излюбленную конструктивистами оппозицию “Я–Другой”. В рамках этого дискурса решается вопрос об отношении преобладающей нации с различными этническими меньшинствами и группами данной страны. На базе утвержденного дискурса национальной истории вырастает несколько поколений, рассматривающих текущее государство как заданную общность, отделенную культурой, языком и историей от других подобных общностей. Иначе говоря, через одно-два поколения жители данной страны ощущают свою сопричастность к истории и культуре национального государства, а само это государство считают “своим”.

Но и разрушение идентичности национальных государств происходит зачастую по похожей схеме. Сначала из-за нарастающих критических исследований происходит разрушение господствующего дискурса национальной истории. После этого происходит самораспад единой государственной системы образования на фрагментированные сюжеты. Под сомнением оказываются границы государства, политическая система, его территориальная привязка. Если ситуация не будет переломлена или не появится новый позитивный дискурс, процесс может привести к распаду национального государства и/или его изменению до нового состояния.

ДИСКУРС ПРОБЛЕМНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Первый тип исторического дискурса можно назвать **проблемная идентичность**. Этот дискурс содержит в себе много дискуссионных вопросов.

Классическим примером выступает **Франция**. Дискурс понимания французской истории зародился в период Реставрации Бурбонов и отражал политическую борьбу того времени. У его истоков стоял историк-роялист Франсуа Доминик де Рейно, граф де Монлозье (1755–1838). По его мнению, история Франции началась с завоевания римской Галлии германским племенем франков в конце V в. Французские аристократы выступали соответственно потомками германцев-франков, а третье сословие – галло-римлян, которые так и не смогли ассимилироваться друг с другом [35, pp. 113, 164]. Французская революция 1789–1799 гг. была для Монлозье восстанием покоренных галло-римлян против потомков франков [35, сс. 61-62, 79]. Либеральные историки эпохи Реставрации – Огюстен Тьерри (1795–1856), Франсуа Гизо (1787–1874) и Адольф Тьер (1797–1877) – полемизировали с Монлозье относительно оценки этих процессов. Однако они положили идею Монлозье о германском завоевании галло-римлян в основу дискурса французской истории и трактовали Французскую революцию как восстание потомков галло-римлян против потомков германцев [36, сс. 3, 17]. Тьер и вовсе видел империю Наполеона I как возрождение старой, настоящей Римской империи в противовес германской Священной Римской империи [37].

В XIX в. на этой основе сложилась стройная схема французской средневековой истории, закреплённая в школьных и университетских курсах. Согласно этой схеме началом собственно французской истории стало франкское завоевание Галлии в конце V в., Франция выделилась из состава Франкской империи в 843 г. как Западно-Франкское королевство, французские короли из династии Капетингов объединили Францию через противостояние с Англией в XII–XV вв. Однако во второй половине XX в. эта внешне стройная схема французской истории (“дискурс Монлозье”) стала все менее соответствовать новым исследованиям.

Прежде всего была поставлена новая проблема: “Корректно ли считать Франкское государство прямым предшественником современной Франции или это была история принципиально иного народа?” Франкское государство следует изначально рассматривать в одном ряду с варварскими королевствами, созданными на руинах Западной Римской империи в V–VI вв. германскими племенами: остготами, вестготами, англами, саксами, аланами, вандалами и т.д. Франкский язык относится к группе германских, а не романских языков и не был прямым предшественником возникшего в середине IX в. старофранцузского языка. Около 800 г. франки создали Франкскую империю, включавшую в себя территории современных Франции, северо-восточной Испании, северной половины Италии, Швейцарии, Люксембурга, Бельгии, Нидерландов, Западной Германии, Австрии и частично Словении. Условной столицей франков был не Париж или Орлеан, а Аахен (запад современной Германии).

Спорной остается и хронологическая граница перехода от Франкской империи к собственно Франции. До середины XX в. ею было принято считать Верденский договор 843 г., разделивший Франкскую империю на Западно-Франкское, Средне-Франкское и Восточно-Франкское королевства. Однако исследования французского историка Лорана Тейса [38] потребовали пересмотреть эту схему. Распада Франкской империи в 843 г. как такого не было: император, получивший свои владения в виде Средне-Франкского королевства,

сохранял главенствующее положение в отношении западно- и восточнофранкских королей. До начала X в. короли различных франкских образований пытались воссоздать империю Карла Великого и на короткие периоды времени приближались к реализации этой цели.

Восточно-Франкское королевство, эволюционировавшее около 919 г. в Германию, восстановило Римскую империю в 962 г. Ее императоры из династии Людольфingов (Саксонской династии) стремились присоединить к своему имперскому проекту и Западно-Франкское королевство. Это вызвало раскол в его элите: короли их династии Каролингов соглашались на включение в имперскую орбиту, графы Робертины (Капетинги) видели Западно-Франкское королевство самостоятельным государством. Приход к власти Капетингов в 987 г. был антиимперским проектом, то есть Франция родилась как оппозиция франкскому наследству, а не его продолжение. Впрочем, королевство формально оставалось Западно-Франкским: первым королем Франции стал Филипп II Август в 1180 г., а это уже конец XII в. Получается, что “дискурс Монлозье”, вокруг которого спорили весь XIX в., был историей не Франции, а иного государства и народа.

Но и конец XII в. – дата условная. В последние десятилетия в историографии произошел скачок в изучении истории южной Франции, которая долгое время оставалась *terra incognita* для историков. Здесь еще в IX в. появились государственные образования, только номинально связанные с западно-франкской короной: Аквитанское королевство середины IX в., Окситанская держава второй половины IX в. (современные южная Франция и северная Испания), держава Рамнульфидов X в. (Пуатье, Аквитания и Овернь), Аквитанское герцогство XI в. Аквитания (в широком смысле слова) имела собственный язык (*langue d'oc* в противовес северному старофранцузскому *langue d'oïl*), была родиной того типа культуры, который принято называть Высоким средневековьем. Такие категории европейской средневековой культуры, как куртуазность, рыцарский роман, поэзия трубадуров, восходят к юго-западной Франции. В рамках Ключийского аббатства, созданного в X в., зародился и проект автономии церкви от светской власти, реализованный позднее в политике католической теократии. В дальнейшем Аквитанская держава объединилась с Англией, и составляла с ней единое целое до условного окончания Столетней войны в 1453 г.

Изменение взгляда на французскую историю создает проблемный дискурс истории **Великобритании**. Ее историография сложилась на рубеже XVIII–XIX вв., то есть в период противостояния с Францией. Именно в Великобритании зародилась романтическая культура с характерным для нее обращением к средневековью в противовес французской культуре Просвещения с присущим ей культом античности. В работах историков Генри Галлама (1777–1859), Генри Томаса Бокля (1821–1862), Томаса Карлейля (1795–1881) была выработана схема английской истории: король Альфред Великий (871–900) создал из серии англосаксонских королевств единую Англию, затем она была завоевана в 1066 г. герцогом Вильгельмом Нормандским и попала под власть французского дворянства, затем английские короли владели на континенте примерно двумя третями Франции, но потеряли свои владения в результате Столетней войны (1337–1453).

Но изучение истории викингов позволило по-новому посмотреть на так называемое нормандское завоевание Англии. При короле Кнуде Великом (1016–1035) Англия входила в состав его владений наряду с Данией и Норвегией, составляя так называемую Империю Северного моря. Нормандию передал норманнам в 911 г. король западных франков Карл III (893–922), и она пользовалась расширенным иммунитетом в составе королевства. Не было ли нормандское завоевание Англии очередной попыткой создания “Нормандской державы” вместо “Империи Северного моря”?

В историографии стало банальным говорить о том, что завоевание Англии Вильгельмом Нормандским создало единую англо-французскую систему. Однако король Англии, будучи одновременно герцогом Нормандским, являлся вассалом не короля Франции, а короля западных франков, что не одно и то же. Сюзеренитет западно-франкской короны распространялся на Нормандию, но не на Англию, хотя вассалитет герцога Нормандского подчеркивал его более низкое положение в феодальной иерархии по отношению к королю западных франков. Англия как бы включилась через Нормандию в феодальную систему Западно-Франкского королевства на правах ее особого члена. Но

в таком случае правомерно ли рассматривать историю средневековых Англии и Франции как двух самостоятельных государств, или они были частями единой системы?

В середине XII в. Аквитанское герцогство соединилось с Англией и составило объединение, получившее условное название “Анжуйская держава” (“Анжуйская монархия”) в составе Англии, герцогства Нормандии, Бретани, графства Анжу, Турени, Мэна, графства Пуатье, герцогств Аквитании и Гаскони. В вассальной зависимости от ее королей оказались графства Ла-Марш, Перигор, Овернь, а также виконтство Лимож. Анжуйский двор не имел ни англосаксонской, ни французской идентичности. Языком знати со времен норманнского завоевания был англо-нормандский диалект старофранцузского языка, в то время как староанглийский считался языком простого народа. В Анжуйской державе укрепилась космополитическая культура, которая делала упор на христианских и сословных, а не национальных компонентах. Выражением новой идентичности стал “бретонский цикл” (артуровские, тристановские и античные) рыцарских романов: их основу составляли сюжеты из истории кельтских королевств Британских островов V–VII вв., но антураж и образы подавались как Анжуйская держава с ее рыцарской куртуазной культурой. Последующие 300 лет стали борьбой Плантагенетов и Капетингов за наследство Анжуйской державы, по итогам которой и появились Франция и Англия.

В историографии XIX в. Столетняя война (1337–1453) осмыслялась как конфликт двух королевств – Англии и Франции. В XX в. исследователи показали, что понятия “Англия” и “Франция” были условными: они были единой политической системой, в которой король Англии был родственником и вассалом короля Франции в качестве герцога Гиени (осколка Анжуйской державы). Фактически это был конфликт двух боковых ветвей династии Капетингов за ее наследство. В его ходе английские короли то воссоздавали Анжуйскую державу (проект Великой Аквитании), то пытались создать единое Англо-Французское королевство. В период конфликтов возвысился третий игрок – Бургундия, создавший собственное квазигосударство, объединенное с историческими Нидерландами. Столетняя война переросла для французских королей в войны с Бургундией, а для английских королей – в Войну алой и белой розы, где по сути соперничали два пути развития Англии – ее ограничение Британскими островами или восстановление владений на континенте. Только к концу XV в. англо-французская система окончательно разделилась на Англию (ограниченную территорией Британских островов) и Францию как сугубо континентальное государство.

Здесь встает этнополитическая проблема: с какого момента возникли англичане и французы в их современном качестве? Исследователи все чаще стали задавать вопросы: не были ли средневековые бургундцы, аквитанцы, бретонцы, особыми народами (этносамы), принудительно ассимилированными французскими королями в ходе борьбы? Аналогичный вопрос вызывает и элита Анжуйской державы: историки стремятся подобрать ей термин – англо-норманны, англо-анжуйцы, норманно-анжуйцы, норманно-аквитанцы и т.д. Получается, что современные англичане и французы – довольно молодые народы, окончательно сложившиеся только в XVI–XVII вв. Становление их идентичности произошло за счет ликвидации идентичности целой серии этносов и их культур, что само по себе порождало скрытость и недоговоренность в классических дискурсах истории.

Впрочем, в XVI–XVII вв. государственность Франции и Англии была подвижной. Французские короли в XVI в. сначала пытались присоединить к себе части Апеннинского полуострова, затем в рамках Религиозных войн заново подчиняли себе юг Франции. (Интересный вопрос: если бы Итальянские войны оказались успешными для французских королей, новая Франция с итальянскими владениями была бы Францией или каким-то новым образованием?). Англия в XVI в. на короткий период вошла в личную унию с Испанией, а Шотландия с Францией. Единая Великобритания – это изначально был проект XVII в. шотландской династии Стюартов, объединившей королевства Англии, Шотландии и Ирландии. Великобритания берет свое начало только с 1707 г. – момента слияния Англии и Шотландии в единое государство – Королевство Великобритания (*Kingdom of Great Britain*) – под воздействием Войны за испанское наследство (1701–1714). В 1801 г. Королевство Великобритания было преобразовано в Соединенное королевство Великобритании и Ирландии.

Проблемный дискурс меняет понимание истории, приближая ее к методологии естественных наук. Набор незыблемых истин заменяется дискуссиями по ключевым проблемам истории. Но дискуссии неизбежно ставят вопрос о том, насколько прочны и окончательны современные формы государственности этих стран. В контексте подъема региональных идентичностей (вроде шотландского и ирландского национализма в Британии) эти вопросы могут принять болезненный характер.

ДИСКУРС СКОНСТРУИРОВАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Второй тип национального исторического дискурса – страны со **сконструированной идентичностью**. Речь идет о государствах, возникших по историческим меркам относительно поздно и потому вынужденных конструировать собственные дискурсы национальной истории.

Примером такого конструирования стала **Италия**. Со времени краха Королевства остготов в середине VI в. на Апеннинском полуострове не существовало единого государства. Идея единой Италии была экспортирована на Апеннинский полуостров Наполеоном Бонапартом, который 28 мая 1805 г. короновался в качестве короля Италии (причем даже это Итальянское королевство не охватывало все Апеннины). После его поражения на роль лидера в борьбе за единую Италию стала претендовать пьемонтская династия. Пьемонт покровительствовал авторам, которые выступали с идеей общеитальянской идентичности: Джузеппе Мадзини, Винченцо Джоберти, Карло Каттанео, Джовани Доменико Романьози. Это явление получило название Рисорджименто (от итал. *il risorgimento* – возрождение) – идеологии, постулировавшей необходимость объединения Италии в единое национальное государство.

Проект Рисорджименто был реализован пьемонтской династией в 1859–1870 гг., что привело к созданию единого Итальянского государства. Но истории Италии как единого целого не существовало: была отдельная история различных итальянских государств, население которых отнюдь не ощущало себя единым народом. Окончательно дискурс единой итальянской истории был создан уже в первой половине XX в. такими философами и историками, как Джовани Джентиле (1875–1944), Джоаккино Вольпе (1876–1971), Бенедетто Кроче (1866–1952). В 1934 г. все исторические научные учреждения Италии передавались в подчинение новому органу – Центральной Джунте исторических исследований, которая открыла несколько специализированных исторических институтов общенационального значения (Институт новой и новейшей истории, Институт древней истории, Институт нумизматики, а Итальянский исторический институт был преобразован в Институт истории средневековья).

Нарратив итальянской истории оказался дискретным. История Италии включила в себя историю франкского королевства Италии, средневековых Итальянских республик и Пьемонта. Однако при этом из нее были исключены история Королевства Остготов, Лангобардского королевства, Папской области. Под вопросом оказалась история южноитальянских образований: Неаполитанского и Сицилийского королевств. Они то включаются в состав истории Италии, то исключаются из нее в период, когда они входили в состав Анжуйской империи или были связаны с коронами Арагона и Габсбургов. Произошел отбор исторических сюжетов, работавших на идею построения единого итальянского государства.

Критерии такого разделения носили чисто политический характер. Единая Италия строилась на идеях сохранения романской идентичности (восходящей к античному Риму) и как светское государство в противовес проектам католической теократии. Из нее удалялось все, связанное с немецким наследием, – германские государства и история Священной Римской империи во главе с германскими императорами. Одновременно из нее удалялась история католической церкви, как бы “ушедшая” в Ватикан. Такой дискурс вполне объясним политическими причинами, но с научной точки зрения он создает излишне дискретную историю Италии.

Эта дискретность латентно ставит вопрос о судьбе итальянской государственности. До настоящего времени продолжаются споры о подоплеке так называемого Рисорджименто 1860–1861 гг.: было ли оно результатом саморазвития итальянских государств или было

просто реализацией политического проекта Пьемонта. Во втором случае мы имеем дело с принудительным объединением Апеннинского полуострова в 1861 г. и реализацией пьемонтского проекта итальянской государственности. Однако по историческим меркам пьемонтская Италия существует еще очень немного – всего полтора столетия. В таком ракурсе по-новому предстают и периодически охватывающие Италию сепаратистские движения.

Другим примером конструируемого исторического дискурса стала **Германия**. Исторически германская система состояла из множества государств, над которыми формально стоял римский император, ставший в 1806 г. императором другого государства (Австрии), созданного из его личных земельных владений. В дальнейшем система разделилась – большинство германских государств объединились в новую Германскую империю во главе с прусским королем, принявшим титул императора; Австрия эволюционировала во внешне по отношению к Германии государство – Австро-Венгрию, в рамках которой возродилось Венгерское королевство. Но одновременно с этим получилось, что вся тысячелетняя история Священной Римской империи как бы “уехала” из Германии в Австрию, а перед двором императора Вильгельма I и канцлером О. фон Бисмарком встала задача выстроить новую немецкую историю без Австрии.

“Отвязать” немецкую историю от Священной Римской империи (то есть Австрии) помогли музыкальные произведения композитора Рихарда Вагнера (1813–1883). Ключевую роль здесь сыграла его опера “Лоэнгрин” (1850), сюжет которой разворачивается в первой половине X в., во времена правления короля Генриха Птицелова (919–936), когда Восточно-Франкское королевство превратилось в Германию. Вагнеровский сюжет как бы возрождает Германию до создания Священной Римской империи в 962 г., символически отделяя ее от Габсбургов. Следующим шагом стала тетралогия Вагнера “Кольцо нибелунгов”: синтез немецкого эпоса “Песнь о нибелунгах” и скандинавской мифологии “Старшей Эдды”. При этом в основу “Песни о нибелунгах” был положен реальный сюжет: война племени бургундов с гуннами V в. Получалось, что через музыкальные драмы Вагнера немецкое общество как бы открывало свое доимперское прошлое.

Баварские Виттельсбахи превратили творчество Вагнера в своеобразную “имперскую идею” Германской империи. Под покровительством короля Баварии Людвига II (1864–1886) в городе Байройте (Бавария) в 1876 г. прошел первый вагнеровский фестиваль в специально построенном театре, на котором состоялась премьера полного цикла “Кольца нибелунга”. Тот же Людвиг II построил в 1886 г. на основе произведений Вагнера замок Нойшванштайн (нем. *Schloss Neuschwanstein* – Новый лебединый утес) около городка Фюссен (юго-западная Бавария). Настенные полотна иллюстрируют мотивы из вагнеровской оперы “Лоэнгрин”, а также иллюстрации к другим произведениям композитора. Позднее, уже в Третьем Рейхе, с 1933 г. (то есть с 50-й годовщины со дня смерти Р. Вагнера) и вплоть до начала Второй мировой войны в замке Нойшванштайн проводились праздничные вагнеровские концерты.

Культ Р. Вагнера потянул за собой культ готской цивилизации, ибо действие вагнеровских опер происходило в условном V в., то есть в период подъема германского племени готов. Интерес к готам возродил еще в 1770-е годы шведский историк Йоханн Эрих Тунманн (1746–1778), видевший в готах предков шведов. Однако готскую тему вскоре перехватили классики немецкой исторической науки Бартольд Георг Нибур (1776–1831) и Теодор Моммзен (1817–1903). Окончательно теория “готской культуры”, сменившей Римскую империю, была поднята во второй половине XIX в. немецким историком и писателем Феликсом Даном (1834–1912), который создал 12-томное сочинение “Германские короли” (1861–1909), а также четырехтомную “Предысторию германских и романских народов”.

В этом готском дискурсе существовала серьезная политическая подоплека, связанная с франко-германскими конфликтами конца XIX в. В германских государствах до середины прошлого века преобладал так называемый готический шрифт как особый вариант латинского алфавита. Его название было предложено итальянскими гуманистами Возрождения, которые возводили его (как и само средневековье) к “варварскому” народу готов. Культ готской цивилизации в Германии как бы бросал вызов этому латинскому дискурсу – прежде всего Франции, позиционировавшей себя как наследницу античности

и Рима. Готский мир подспудно выступал в работах немецких историков XIX в. как своеобразная древняя германская империя, сокрушившая Римскую и создавшая на ее основе уникальную культуру [39]. Готская культура выступала в данном случае как основа средневековой “германской Европы” в противовес “романской Европе”.

Особое внимание уделялось теории королевства остготов Германариха, существовавшего во второй половине IV в. Согласно сведениям Иордана, Германариху удалось к 370 г. покорить герулов, что позволило контролировать торговые пути от Волги вниз по течению до Дона и Черного моря. Границы государства Германариха условно простирались от берегов Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона. В состав державы, по сообщению Иордана, входили финские племена (тиуды, мерено и морденс), эсты, венеда, склавены и анты. В дальнейшем у готов возник конфликт с антами, которые поддержали удар гуннов, что привело к разгрому антов и легендарной казни их вождей. В контексте сложных перипетий славяно-германских отношений эти туманные сведения использовались в XX в. в пропаганде обеих сторон.

В 1899 г. на территории центральной и южной Украины была открыта Черняховская археологическая культура. Немецкий археолог Пауль Райнеке (1872–1958) соотнес готское государство на Днестре (Ойум) III–IV вв. с Черняховской культурой на территории современных Украины, Молдавии и Румынии [40]. Райнеке выдвинул гипотезу, что последняя была устроена по принципу гирлянды: готские городища шли вдоль ключевых рек (Днепр, Днестр, Южный Буг, Рось, Сула, Псел и Ворскла). Немецкая археология выдвинула несколько версий локализации гипотетической столицы готов Данпарстада: 1) территория современного Киева; 2) район современного города Берислав в Херсонской области; 3) район Каховского водохранилища; 4) район Пинских болот; 5) “Данпарстад” – это не конкретный город, а готское выражение *á stöðum Danpar* (“на берегах Днепра”), которое может означать все Среднее Поднепровье. Данные о Черняховской культуре немецкие историки пытались соотнести со скандинавской “Сагой о Хервёре”, где упомянута другая готская столица – Археймар, а также “черный лес Мюркид”. Придепровье превращалось в исконно германский мир, едва ли не колыбель германской государственности, которая была потеряна под ударами азиатов-гуннов.

Эти наработки позволили немецкому археологу Рейнхарду Шиндлеру (1912–2001) создать образ германской цивилизации VI в. [41] За основу своих построений он взял исследования Эдуарда Бреннера о существовании серии германских королевств в меровингский период, возникших по итогам распада Римской империи. Наиболее могущественными из них были королевства остготов и вестготов, но помимо них существовали королевства герулов, ругов и гепидов. Если добавить к ним королевство франков, то возникал образ германских королевств со специфической историей, развитие которых было прервано к концу VI в. ударами Византии и авар.

В окончательной форме теорию “готской цивилизации” III–VI вв. создал немецкий историк Людвиг Шмидт (1862–1944). Он реконструировал историю цивилизации готов [42; 43], выделив в ней следующие этапы: 1) переселение из Скандинавии в бассейн Днепра; 2) создание здесь своего государства Ойум и его конфликты с Римом; 3) распад на остготов и вестготов (термингов и грейтунгов) на рубеже III–V вв.; 4) христианизация и создание собственной письменности епископом Вульфиллой; 5) отступление под натиском гуннов в Центральную Европу; 6) создание королевств остготов (на Апеннинском полуострове) и вестготов (на Пиренейском полуострове); 7) гибель готских государств под ударами Византии и Арабского халифата в VI – начале VIII вв.

“Готицизм” выводил немецкое самосознание из кризиса, постулируя, что у Германии была история, независимая от Священной Римской империи (то есть Габсбургов). Он также легитимизировал создание Германской империи как возрождение старой, настоящей готской империи. Сами образы готских королевств Приднестровья или Теодориха Великого выглядели как оперы Вагнера, получившие реальное историческое обоснование. Однако слабым звеном готской теории была ее малая оснащенность письменными источниками. Собственно, от готов сохранились немногочисленные рунические надписи III–V вв. и фрагменты “Серебряного кодекса” Ульфилы (Библии в готском переводе, причем из 330 листов сохранилось только

188). От Королевства остготов сохранилась одна постройка – мавзолей Теодориха в Равенне и одна мозаика с изображением его дворца в церкви Святого Аполлинария в той же Равенне. Большинство рассказов о готах известно со слов римских и византийских авторов, а также из труда готского историка Иордана (VI в.). Сложным моментом “схемы Шмидта” был вывод ученого о том, что готы проживали где угодно, кроме территории самой Германии.

Во второй половине XX в. теория готской цивилизации стала подвергаться сомнению. Наиболее остро она критиковалась в СССР, что также имело политическую подоплеку: готский дискурс воспринимался в нашей стране как идеология немецкого *Drang nach Osten* (натиск на Восток). Прежде всего был поставлен под сомнение исключительно готский характер Черняховской культуры. Советские исследователи М.И. Артамонов (1898–1972) и Б.А. Рыбаков (1908–2001) выдвинули гипотезу о ее принадлежности антам [44; 45]; другие археологи выдвигали версии о ее фракийском и скифо-сарматском характере. В последние годы набирает популярность точка зрения П.Н. Третьякова (1909–1976) о полиэтничном характере памятников Черняховской культуры [46, сс. 14-17], которая включала в себя различные племена: славянские, сарматские, готские, фракийские. Неясным остается вопрос и о происхождении антов – советский археолог И.П. Русанова (1929–1998) доказывала [47], что они были остатком ираноязычных тавроскифов и не имели прямого отношения к славянам. Но если это так, то готское протогосударство Ойум было, видимо, полиэтничным, а не сугубо германским. Вопрос о том, насколько действительно германскими были государства готов, ушедших в Европу, становится более чем дискуссионным.

Другой проблемой стала критика Иордана. Ее осуществил австрийский медиевист Хервиг Вольфрам [48], попытавшийся создать целостную историю готов, начиная от переселения их из Скандинавии и заканчивая падением Вестготского и Остготского королевств. Выводы Вольфрама оказались неоднозначными. Во-первых, Иордан, по его мнению, зачастую смешивал историю готов с историей других племен Причерноморья, включая сарматов. Во-вторых, Иордан был скован традицией греко-римских авторов, которые зачастую слабо разбирались в этнополитической ситуации Причерноморья. В-третьих, Вольфрам и его последователи доказали, что Иордан легко манипулирует этнонимами “готы – геты – готтунги”, хотя за ними могли стоять разные племена. «Если “Гетика” Иордана не имела ничего общего с устной готской традицией, являясь артефактом римской и итальянской политической конъюнктуры, то позднейшая средневековая историческая традиция германцев отталкивалась уже от нее в стремлении сформировать свою идентичность», – отмечал датский историк Арн Кристенсен [49, pp. 196-197]. Возможно, что готы были просто поздним собирательным этнонимом целой группы этносов Раннего Средневековья. Но в такой ситуации сама концепция готской империи как древней германской цивилизации оказывается под сомнением. Во всяком случае она была далека от того образа древней германской империи, сконструированной в немецкой исторической науке второй половины XIX в.

Сконструированный дискурс национальной истории может отвечать политическим тенденциям. Однако его научное изучение ставит вопрос о реальном соотношении пласта средневековой истории с историей реальных национальных государств. Сомнения в этом дискурсе могут стать проблемой для национальной историографии, порождая новые кризисы идентичности.

ДИСКУРС ВЫБРАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Третий тип исторического дискурса мы можем обозначить как **выбранная идентичность** – та, что была выбрана государствами самостоятельно из нескольких конкурирующих версий. Классическими примерами такого типа идентичности выступают Россия и Китай.

Классическая схема истории **России**, закреплённая в школьных и вузовских учебниках, выглядит следующим образом: Древнерусское государство (Киевская Русь) – перенос центра Русского государства во Владимиро-Суздальскую Русь – объединение

русских земель вокруг Москвы – создание Русского царства (государства). Генезис этой схемы проанализировал в 1947 г. известный историк Б.Д. Греков (1882–1952) [50]. По его мнению, выбор Киевской Руси в качестве основы русской государственности изначально носил антимосковский характер. “Еще в начале XV в. идет борьба с московскими объединительными тенденциями. Даже такие люди, которые, казалось бы, были преданы Москве, как Сергей Радонежский, вернее составитель его биографии – Епифан, враждебно относятся к Москве и московским тенденциям объединения в начале XV в., так что история пошла рассеяно, появились местные историки, но все-таки, это история и каждая из них обязательно связывает себя с Киевом”. Такой выбор не был случайным: Киев находился в руках Великого княжества Литовского. Однако окончательно эта схема, по мнению Б.Н. Грекова, создана только в XVII в.

Утверждение схемы “Киев – Владимир – Москва” произошло, как показывают современные историки, в кругу царя Алексея Михайловича Романова (1645–1672). Фоном для этого стало и присоединение к Русскому государству левобережья Днепра с Киевом (то есть ключевого компонента “наследства Рюриковичей”) и приведения Русской церкви к обновленному византийскому канону. В Киеве создается учебник по истории нашей страны, где Киеву отводится определенное место, очень шаблонное, но подчеркнута преемственность киевской истории с последующей историей нашей страны. В 1674 г. вышел “Киевский синопсис” Иннокентия Гизеля, излагавший в сжатом виде факты древнерусской истории. В XVIII в. эта схема стала уже общепринятой для русской истории через труды немецких ученых, работавших в России: Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783), Готлиба Зигфрида Байера (1694–1738) и Августа Людвиг Шлецера (1735–1809). Окончательно киевский дискурс русской истории утвердился после выхода в 1818 г. “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина.

С середины XVIII в. ключевой проблемой для полемики по древнерусской истории стала “нормандская проблема”. Историки-норманисты видели начало государственности Руси с призвания варягов (то есть норманов) в середине IX в. Их оппоненты-антинорманисты вслед за М.В. Ломоносовым (1711–1765) отрицали значимость этого события, возводя государственность Руси к более ранним временам. Однако при этом и норманисты, и антинорманисты работали в рамках одного дискурса: обе партии видели начало русской истории с создания Древнерусского государства с центром в Киеве. За рамками дискуссии оставался, однако, ключевой вопрос: “Почему именно с Киевского государства следует начинать русскую историю?” Миллер [51] и Ломоносов [52, сс. 240–242] фиксировали, что призванию варягов предшествовали Хазарский каганат и его конфликты с Византией, протогосударства авар и готов, племенные союзы антов и роксоланов, с которыми воевали римляне в Причерноморье. Но эти проблемы были отвергнуты историками XVIII в. как не относящиеся к русской истории. Между тем у историков XVIII в. была возможность выбрать иное событие в качестве начала русской истории. Какой была бы идентичность России, возведенной, например, к Аварскому или Хазарскому каганату как первому русскому государству? (Не менее интересный вопрос: как развивалась бы судьба немецкой историографии, если бы русская историческая мысль в XVIII в. объявила бы готское протогосударство частью своей истории?)

Однако во второй половине XIX в. оформилась малороссийская историография, классиками которой были Н.И. Костомаров (1817–1885) и М.С. Грушевский (1866–1934). В ее основе лежала идея отделения Древнерусского государства (Киевской Руси) от истории России как истории двух разных народов. Киевская Русь была, по их мнению, основой украинской государственности, в то время как русская государственность восходит к Владимиро-Суздальскому княжеству XII в. Костомаров и Грушевский рассматривали события XII в. не как перенос условной столицы из Киева во Владимир, а как разрыв исторических путей Северо-Восточной и Юго-Западной Руси. Из русских историков эту концепцию разделял А.Е. Пресняков (1870–1929), также считавший Древнюю Русь принципиально иным государством, отличным от современной России [53]. На основе “разрыва исторических путей” возникла концепция украинства, рассматривавшая Украину как продолжательницу Киевской Руси, в то время как история России начиналась с XIII в., когда Владимиро-Суздальское княжество попало в зависимость от Золотой Орды.

Другой (по-своему ответный) исторический дискурс появился в рамках евразийского движения, возникшего в среде белой эмиграции 1920-х годов. Его сторонники провозгласили в качестве исходного положения поворот к Востоку, то есть объединение истории России с историей народов Евразийской степи. Основатели русского евразийства П.Н. Савицкий (1895–1968), Н.С. Трубецкой (1890–1938), Г.В. Флоровский (1893–1979) настаивали не просто на особом характере русской цивилизации, но и на ее тесной связи с тюрко-монгольским миром. История русской государственности в их логике начиналась с Золотой Орды, в зависимости от которой находилось сначала Владимирское, а затем Московское княжество. Последнее собрало вокруг себя земли бывшей Золотой Орды (монгольское наследство), как бы сменив Монгольскую империю в Евразии.

Обращение к Монгольской империи как началу русской истории само по себе не было революционным: это был старый польский и французский дискурс русской истории. (Сразу подчеркнем: в данном контексте нас интересует не истинность этих положений, а сам факт существования такого дискурса). Еще в Речи Посполитой конца XVI в. сложился дискурс, согласно которому Московские князья и русские цари являлись не Рюриковичами, а Батыевичами – потомками хана Бату (Батый). Именно этим якобы объяснялся тот факт, что Золотая Орда способствовала возвышению Московского княжества, а многие служилые татары переходили на службу к московским князьям. Во Франции XVIII в. Россия часто намеренно называлась Великой Тартарией (фр. *La Grande Tartarie*), восходящей к империи Чингиса. Евразийцы просто заменили минус на плюс в этом понимании русской истории.

Поворот к Монгольской империи был, однако, промежуточным этапом. Во второй половине XX в. так называемые младшие евразийцы Г.В. Вернадский (1887–1973) и Л.Н. Гумилев (1912–1992) провели своеобразную пересборку русской истории. Первый возводил истоки русской истории к кочевым объединениям скифов и сарматов [54]; второй – к трансевразийским империям Средневековья, которые претендовали на объединение Евразии – от Монгольской империи до Великого тюркского каганата. К истории России как бы “приплюсовывалась” история монгольской империи, а затем и других евразийских империй Средневековья. Итоги этой схемы Л.Н. Гумилев изложил в работе “Поиски вымышленного царства” (1970), начав ее с похода китайского полководца Бань Чао в I в. н.э. в Центральную Азию [55, сс. 35–43]: с точки зрения евразийства это и есть начало русской истории, как бы парадоксально это не звучало для классической схемы. Poleмика норманистов и антинорманистов вообще теряет какой-либо смысл в рамках этого нарратива русской истории: она относится к истории Древнерусского государства, не имеющего отношения к России.

Советский дискурс истории оказался перед двойным вызовом. Только в середине 1930-х годов советское руководство стало рассматривать СССР как продолжение исторической России, а не принципиально новое государство. В основу русской истории была положена схема Б.Н. Грекова “Киевская Русь – Владимиро-Суздальская Русь – Московское княжество – Русское государство”, то есть обновленный карамзинский дискурс XIX в. Однако эта схема подверглась атакам с двух сторон. С одной стороны, советское правительство поддерживало политику роста национального самосознания союзных республик, что укрепляло в Украинской ССР теорию связи Древней Руси с украинской государственностью. С другой стороны, принимавшиеся попытки написать в школьных и вузовских учебниках единую историю СССР, начиная с государства Урарту и Хорезма, неизбежно сближали его с евразийством. Хотя официальное отношение в СССР к евразийству было отрицательным, оно постепенно проникало в позднесоветскую историческую науку через теории общности исторической судьбы входящих в него народов.

Показательно, что в позднем СССР начались осторожные переоценки так называемого монголо-татарского ига. Они велись по двум направлениям. Первое – сомнения в достоверности летописных источников, рассказывающих о походе Батыея и его последователей. Второе – переоценка материального ущерба, нанесенного русским княжествам монгольским нашествием 1237–1241 гг. и последующими набегами Золотой Орды. Вывод из этой массы осторожных, но вполне ревизионистских работ, был простой:

русско-ордынские отношения были не только тотальным насилием, но и во многом основой русской государственности в ее современном качестве. Зависимость от Орды стала рассматриваться как сохранение государственности Северо-Восточной Руси от польско-литовского наступления. Не случайно уже в 1960-е годы полемика норманистов и антинорманистов постепенно переросла в полемику “киевоцентристов” и евразийцев, в которой бывшие противники стали выступать единым фронтом.

Современный российский исторический дискурс находится в состоянии выбора между сохранением киевоцентричной схемы русской истории и поворотом к евразийскому дискурсу. Первый выбор конфликтен на фоне всех перипетий русско-украинских отношений; второй требует признания истории Древней Руси историей иного, чужого, государства и изменения отношений к “монгольскому наследству”.

Похожие перипетии характерны для истории **Китая**. Непрерывный дискурс китайской истории во многом был созданием не китайской, а европейской исторической науки XIX в. Современная нам Китайская Народная Республика возникла в 1949 г.: до этого существовал гоминьдановский Китай (1925–1949) со столицей не в Пекине, а в Нанкине. Он в свою очередь возник из противостояния Маньчжурской империи Цин (1644–1912), во главе которой стояли маньчжурские династия и элита. Продолжателем маньчжурской империи выступал не гоминьдановский Китай, а государство Маньчжоу-Го, существовавшее в Маньчжурии в 1932–1945 гг. Империи Цин предшествовала империя Мин (1368–1644), родившаяся из противостояния китайско-монгольской империи Юань (1271–1368). Последняя возникла из распада Монгольской империи, а ее продолжением стала существовавшая на территории современных Монголии и северного Китая Империя Северная Юань (1388 – ок. 1600). Вопрос о том, преемником каких образований выступает современная КНР, остается спорным.

Гоминьдановский Китай, эвакуировавшийся в 1949 г. на остров Тайвань, однозначно “забрал” себе его историю. Коммунисты, вернувшие столицу страны в Пекин, как бы вернулись к наследию маньчжурской империи Цин. (Тем более, что современный Китай существует в территориальных границах, напоминающих империю Цин). Но империя Цин стала результатом завоевания империи Мин, сдвинутой к южному Китаю. Именно южный Китай выступал основной протестной базой против империи Цин – сначала через движение Тайпинов, затем через Гоминьдан. Относится ли его история к истории КНР или истории гоминьдановского Китая – вопрос далеко не праздный. Равно как и вопрос о том, можно ли объединить историю КНР (восходящей на практике к империи Цин) с историей гоминьдановского Китая, также остается дискуссионным.

Однако и империя Цин как преемник современного Китая вызывает вопросы. Если ее продолжателем было Маньчжоу-Го, находившееся под контролем Японии, то она выступает как отрицание и современной КНР, и гоминьдановского Китая с его остатком на Тайване. В этом случае империя Цин в самом деле выступает маньчжурской, а не китайской, что само по себе выбрасывает ее из китайской истории как инородное образование [56]. В таком случае китайская история “пристраивается” к южнокитайской империи Мин, отделяя империю Северную Юань как часть монгольской, а не китайской истории. Это в таком случае ставит вопрос о принадлежности империи Юань – считать ли ее частью китайской или монгольской истории?

Нынешние границы Китая также сформировались по историческим меркам недавно. Советско-китайский договор о дружбе и союзе 1945 г. закрепил за Китаем Маньчжурию, Тибет и Синьцзян, юридически отделив от него Монгольскую Народную Республику и Тыву (Урянхайский край). Но кто поручится, что нынешнее китайское государство со столицей в Пекине – последнее в китайской истории? Оно может эволюционировать как в более крупное образование, так и в серию более мелких государств. В истории Китая были периоды протяженностью в 300 лет, когда существовали разные государства к северу и югу от реки Хуанхэ, да и империя Цин, и гоминьдановский Китай имели совершенно иные границы. Исследователи снова сталкиваются с проблемой того, считать ли истории этих северных государственных образований частью истории Китая [57].

Противоречия этих схем выявили сначала русские историки-евразийцы, а затем историки стран Центральной Азии. Китайская история с IV в. до н.э. была тесно связана с историей Великой степи. Китайские государства завоевывали образования евразийских кочевников, но последние покоряли территории китайской цивилизации, основывая здесь свои государства. Часто кочевники становились элитой в этих государствах, ведя экспансию. Вопрос о том, какие из этих государств считать частью истории Китая, а какие – частью истории иных государств, зависит от выбора историков и политиков как КНР, так и сопредельных государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лингвистика установила XVII в. нижней границей формирования современных национальных языков в Европе. Историческая наука теоретически должна была бы прийти к такому же выводу, отнеся к XVII в. становление современных национальных государств. Но такой вывод потребовал бы признания античности и средневековья принципиально иными цивилизациями, отделенными от современной. Это в свою очередь противоречит историческим дискурсам национальных государств, включивших в себя средневековую и античную истории. Распад этих дискурсов под напором исторических исследований может привести к трансформации идентичностей соответствующих государств.

Современный исторический дискурс национальных государств базируется на “предзнании”. Мы знаем, что в будущем государства средневековья или раннего нового времени объединятся в современное государство, и считаем их частью его национальной истории. Однако для населения и элит этих государств такой итог вовсе не был очевидным. Эта проблема возникает снова, если мы не считаем современные национальные государства последними формами государственности. Если мы допускаем их изменение (например, в результате распада), то тогда история существовавших на их территории государств не окончательна.

В самом деле в современной политической теории национальные государства часто предстают чем-то постоянным, существующим чуть ли не со времен средневековья. Мысль о том, что совсем недавно политическая карта мира выглядела иначе, чем сегодня, а государства имели совершенно иную идентичность, чем в наши дни, кажется многим непривычной. Между тем в Западной полушарии современная политическая карта сформировалась в целом только к концу XIX в., в Восточной полушарии – даже не по итогам Второй мировой войны, а в результате деколонизации 1950-х и распада социалистического содружества (включая СССР) 1980-х годов. Большинство современных государств мира сформировались по итогам этих событий – всего 30, 60, максимум 80 лет назад. Процесс формирования национальных государств не завершен, и это потребует переформатирования как существующих дискурсов национальных историй, так и создания новых. Это в свою очередь приведет к переформатированию привычной нам политической карты мира на новых основаниях, как всегда и было в истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности. *Политическая наука*, 2020, № 2, сс. 66-86. [Sevastyanova Ya.V., Efremenko D.V. Securitization of Memory and Dilemma of Mnemonic Security. *Political Science*, 2020, no. 2, pp. 66-86. (In Russ.)] Available at: http://injon.ru/site/assets/files/5342/4_sevast_ianova-efremenko.pdf (accessed 30.11.2023). DOI: 10.31249/poln/2020.02.03
2. Миллер А.И., Ефременко Д.В., отв. ред. *Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов*. Москва, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2018. 224 с. [Miller A.I., Efremenko D.V., eds. *Methodological Issues of Studying the Politics of Memory: Collection of Scientific Papers*. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018. 224 p. (In Russ.)] Available at: http://injon.ru/site/assets/files/3626/metodologicheskie_voprosy_izucheniia_politiki_pamiati.pdf (accessed 30.11.2023). DOI: 10.31249/mims/2018.00.00
3. Репина Л.П. *Культурная память и проблема историописания (историографические заметки)*. Москва, ГУ ВШЭ, 2003. 44 с. [Repina L.P. *Cultural Memory and the Problems of Historiography*. Moscow, State University – Higher School of Economics, 2003. 44 p. (In Russ.)] Available at: https://www.hse.ru/data/2010/05/05/1216435442/WP6_2003_07.pdf (accessed 30.11.2023).
4. Миллер А.И., Липман М., ред. *Историческая политика в XXI веке: сборник статей*. Москва, Новое литературное обозрение, 2012. 646 с. [Miller A.I., Lipman M., eds. *Historical Politics in the XXI Century: Collection of Research Papers*. Moscow, New Literary Observer, 2012. 646 p. (In Russ.)]

5. Нагорная О.С. Репрезентации прошлого в международных публичных пространствах: практики и границы мемориальной дипломатии. *Новое прошлое*, 2020, № 2, сс. 90-100. [Nagornaia O.S. Representations of the Past in the International Public Spaces: Practices and Limitations of Memorial Diplomacy. *Novoe proshloe*, 2020, no. 2, pp. 90-100. (In Russ.)] DOI: 10.18522/2500-3224-2020-2-90-100
6. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблема саморефлексии новой интеллектуальной истории. *Одиссей. Человек в истории*. Гуревич А.Я., ред. Москва, Наука, 1996, сс. 11-24. [Zvereva G.I. Reality and Historical Narrative: The Problem of Self-Reflection of the New Intellectual History. *Odysseus: Man in History*. Gurevich A.Ya., ed. Moscow, Nauka, 1996, pp. 11-24. (In Russ.)]
7. Спигел Г.М. К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма. *Одиссей. Человек в истории*. Бессмертный Ю.Л., отв. ред. Москва, Наука, 1995, сс. 211-220. [Spiegel G.M. Towards a Theory of the Middle Ground: Historical Writing in the Age of Postmodernism. *Odysseus: Man in History*. Bessmertnyi Yu.L., ed. Moscow, Nauka, 1995, pp. 211-220. (In Russ.)]
8. Данто А. Аналитическая философия истории. Москва, Идея-Пресс, 2002. 292 с. [Danto A. *Analytical Philosophy of History*. Moscow, Ideya-Press, 2002. 292 p. (In Russ.)]
9. Прохоров Г.М. Древнерусское летописание: Взгляд в неповторимое. Москва, Санкт-Петербург, Институт русской цивилизации, Издательство Олега Абышко, 2014. 415 с. [Prokhorov G.M. *Ancient Russian Chronicles: A Look into the Inimitable*. Moscow, Saint-Petersburg, Institute of Russian Civilization, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2014. 415 p. (In Russ.)]
10. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. Москва, Аспект Пресс, 1998. 399 с. [Danilevsky I.N. *Ancient Russia Through the Eyes of Contemporaries and Descendants (IX–XII Centuries): Course of Lectures*. Moscow, Aspect Press, 1998. 399 p. (In Russ.)]
11. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. Москва, МИРОС, 1998. 468 с. [Yurganov A.L. *Categories of Russian Medieval Culture*. Moscow, MIROS, 1998. 468 p. (In Russ.)]
12. Ankersmit F.R. *The Reality Effect in the Writing of History*. Amsterdam, Knkl. Nederl. Acad. Van wet. Noord-Holl, 1988. 37 p.
13. Ницше Ф.В. Странник и его тень. *Избранные произведения в 3-х томах*. Москва, REEL-book, 1994. Т. 2. 398 с. [Nietzsche F.W. *The Wanderer and His Shadow. Selected Works in 3 Volumes*. Moscow, REEL-book, 1994. Vol. 2. 398 p. (In Russ.)]
14. Уайт Х. Метастория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2002. 528 с. [White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. 528 p. (In Russ.)]
15. White H. *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. Baltimore, London, The Johns Hopkins University Press, 1978. 287 p.
16. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges. *Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance*. Howarth D., Torfing J., eds. Hampshire, New York, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 1-32.
17. van Dijk Teun A. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline. *Handbook of Discourse Analysis*. Orlando, Academic Press, 1985, vol. 1, ch. 1, pp. 1-10.
18. Деррида Ж. *О грамматологии*. Москва, Ad Marginem, 2000. 511 с. [Derrida J. *On Grammatology*. Moscow, Ad Marginem, 2000. 511 p. (In Russ.)]
19. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. Москва, Искусство, 1979. 423 с. [Bakhtin M.M. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow, Iskusstvo, 1979. 423 p. (In Russ.)]
20. Fokkema D. *Literary History, Modernism and Postmodernism*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1984. 63 p.
21. Лотман Ю.М. *Об искусстве*. Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 1998. 702 с. [Lotman Yu.M. *About Art*. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1998. 702 p. (In Russ.)]
22. Gossman L. *French Society and Culture: Background for 18th Century Literature*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1972. 149 p.
23. Нора П. Проблематика мест памяти. *Франция-память*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999, сс. 17-50. [Nora P. The Problems of Memory Locations. *France-Memory*. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999, pp. 17-50. (In Russ.)]
24. Эйдельман Н.Я. *Мгновенье славы настает...: Год 1789-й*. Ленинград, Лениздат, 1989. 300 с. [Eidel'man N.Ya. *The Day of Glory is Arriving...: The Year 1789*. Leningrad, Lenizdat, 1989. 300 p. (In Russ.)]
25. Onuf N. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia, University of South Carolina Press, 1989. 341 p.
26. Алексеева Т.А. *Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения*. Москва, Аспект-Пресс, 2015, сс. 577-578. [Alekseeva T.A. *Modern Political Thought (XX–XXI Centuries). Political Theory and International Relations*. Moscow, Aspekt Press, 2015, pp. 577-578. (In Russ.)]
27. Морозов В.Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе. *Международные процессы*, 2006, т. 4, № 1, сс. 82-94. [Morozov V.E. The Concept of State Identity in Modern Theoretical Discourse. *International Trends*, 2006, vol. 4, no. 1, pp. 82-94. (In Russ.)]
28. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 433 p. DOI: 10.1017/CBO9780511612183
29. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, London, Lynne Rienner Publishers, 1998, 239 p.
30. Акопов С.В., Прошина Е.М. “Неоконченное приключение” образа врага: от теории секьюритизации до теории “Далеких местных”. *Власть*, 2011, № 1, сс. 89-92. [Akopov S.V., Proshina E.M. The ‘Unfinished Adventure’ of the Enemy Image: from the Theory of Securitization to the Theory of ‘Distant Locals’. *Vlast'*, 2011, no. 1, pp. 89-92. (In Russ.)]

31. Vermeulen H., Govers C., eds. *Anthropology of Ethnicity. Beyond 'Ethnic Groups and Boundaries'*. Amsterdam, Het Spinhuis, 1994. 104 p.
32. Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. *European Journal of International Relations*, 2005, vol. 11, iss. 2, pp. 171-201. <https://doi.org/10.1177/1354066105052960>
33. Ефременко Д.В. Память как casus belli. *Россия в глобальной политике*, т. 20, № 6, сс. 119-141. [Efremenko D.V. Memory as a Casus Belli. *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 6, pp. 119-141. (In Russ.)] DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141
34. Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. "Секьюритизация памяти": историческая вина в руках политических антрепренеров. *Полития*, 2016, № 1(80), сс. 111-121. [Miller A. The Politics of Memory in Post-Communist Europe and its Impact on the European Culture of Memory. 'Securitization of Memory': Historical Guilt in the Hands of Political Entrepreneurs. *Politiya*, 2016, no. 1(80), pp. 111-121. (In Russ.)]
35. Montlosier F.D., de. *De la Monarchie française au 1er Janvier 1821*. Paris, Gide, 1821. 465 p.
36. Тьерри О. *История возникновения и развития третьего сословия*. Киев, Харьков, Ф.А. Иогансон, 1900. 506 с. [Thierry A. *The History of the Emergence and Development of the Third Estate*. Kiev, Kharkiv, F.A. Iohanson, 1900. 506 p. (In Russ.)]
37. Тьер А. Консульство и империя. *Отечественные записки*, 1846. № 2. [Thiers A. Consulate and Empire. *Otechestvennye zapiski*, 1846, no. 2. (In Russ.)] Available at: http://az.lib.ru/t/txer_a/text_1845_le_consulat_et_lempire-08-oldorfo.shtml (accessed 01.06.2023).
38. Тейс Л. *История Франции. Наследие Каролингов IX–X века*. Москва, Издательство "Скарабей", 1993. Т. 2. 272 с. [Theis L. *History of France. The Heritage of the Carolingians of the IX–X century*. Moscow, Izdatel' stvo 'Skarabei', 1993. Vol. 2. 272 p. (In Russ.)]
39. Christ K. Römer und Barbaren in der hohen Kaiserzeit. *Saeculum*, 1959, bd. 10, ss. 273-288.
40. Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literatur. *Mainzer Zeitschrift*, 1906, jg. 1, ss. 42-50.
41. Schindler R. *Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefäße*. Leipzig, C. Kabitzsch, 1940. 163 S.
42. Schmidt L. *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen*. München, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1934. 648 S.
43. Schmidt L. *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Westgermanen*. München, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1938. T. 1. 227 S.
44. Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. *Проблемы всеобщей истории*. Ленинград, Наука, 1967, сс. 29-69. [Artamonov M.I. Settlement of Eastern Slavs and Soviet Archaeology. *Universal History Problems*. Leningrad, Nauka, 1967, pp. 29-69. (In Russ.)]
45. Рыбаков Б.А. Новая концепция предистории Киевской Руси. *История СССР*, 1981, № 1, сс. 55-75; № 2, сс. 40-59. [Rybakov B.A. New Concept of Prehistory of Kievan Rus. *Istorija SSSR*, 1981, no. 1, pp. 55-75; no. 2, pp. 40-59. (In Russ.)]
46. Третьяков П.Н. *По следам древних славянских племен*. Ленинград, Наука, 1982. 145 с. [Tret'jakov P.N. *In the Footsteps of Ancient Slavic Tribes*. Leningrad, Nauka, 1982. 145 p. (In Russ.)]
47. Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Древнерусское Поднепровье. Историко-краеведческие очерки*. Ужгород, Издательство Карпати, 1981. 144 с. [Rusanova I.P., Timoshuk B.A. *Ancient Russian Subcontinent. Historical and Local History Sketches*. Uzhgorod, Karpati Publ., 1981. 144 s. (In Russ.)]
48. Вольфрам Х. *Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)*. Санкт-Петербург, Ювента, 2003. 654 с. [Wolfram H. *Goths. From the Beginning to the Middle of the 6th Century (Experience of Historical Ethnography)*. Saint-Petersburg, Juventa, 2003. 654 s. (In Russ.)]
49. Christensen A.S. *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen, Museum Tusulanum Press, University of Copenhagen, 2002. 391 p.
50. "Историография Киевской Руси": лекция Б.Д. Грекова в Академии общественных наук (22 апреля 1947 года). *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, 2017, № 3(15), сс. 457-471. [Historiography of Kievan Rus': Lecture by B.D. Grekov of the Academy of Social Sciences (22 april 1947). *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Istoricheskie nauki*, 2017, no. 3 (15), pp. 457-471. (In Russ.)]
51. Миллер Г.Ф. *Сочинения по истории России: Избранное*. Москва, Наука, 1996. 448 с. [Miller G.F. *Selected Works on the History of Russia*. Moscow, Nauka, 1996. 448 p. (In Russ.)]
52. Ломоносов М.В. *Избранная проза*. Москва, Советская Россия, 1980. 513 с. [Lomonosov M.V. *Selected Prose*. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1980. 513 p. (In Russ.)]
53. Пресняков А.Е. *Образование Великоорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий*. Петроград, 9-я государственная типография, 1920. 494 с. [Presnjakov A.E. *Formation of the Great Russian State: Essays on the History of the 13th-15th Centuries*. Petrograd, 9-ja gosudarstvennaja tipografija, 1920. 494 p. (In Russ.)]
54. Вернадский Г.В. *Начертание русской истории*. Москва, Айрис-Пресс, 2002. 368 с. [Vernadsky G.V. *Drawing Russian history*. Moscow, Ajris-Press, 2002. 368 p. (In Russ.)]
55. Гумилев Л.Н. *В поисках вымышленного царства*. Москва, Айрис-Пресс, 2014. 432 с. [Gumilev L.N. *In Search for an Imaginary Tsardom*. Moscow, Ajris-Press, 2014. 432 p. (In Russ.)]
56. Непомнин О.Е. *История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века*. Москва, Восточная литература, 2005. 712 с. [Nepomnin O.E. *Chinese History: Qing Era. 17th – Early 20th Century*. Moscow, Vostochnaja literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)]
57. Богословский В.А., Москалев А.А. *Национальный вопрос в Китае (1911–1949)*. Москва, Наука, 1984. 262 с. [Bogoslovsky V.A., Moskalev A.A. *Ethnic Question in China (1911–1949)*. Moscow, Nauka, 1984. 262 p. (In Russ.)]

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В МНОГОСТОРОННИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

© АЛЕШИН А.А., 2023

АЛЕШИН Александр Андреевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (aleshin.a@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7872-3298

Алешин А.А. Великобритания в многосторонних военно-политических структурах. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2023, № 3, сс. 35-48. DOI: 10.20542/afij-2023-3-35-48

DOI: 10.20542/afij-2023-3-35-48

EDN: WZFGVQ

УДК: 327+327.51(410)

Поступила в редакцию 04.09.2023.

После доработки 15.10.2023.

Принята к публикации 29.11.2023.

Внешнеполитические интересы современной Великобритании носят глобальный характер в связи с ее достижениями в мировой экономике и финансах, науке и технологиях, в особенности после ее выхода из Европейского союза. Эта страна сохранила глубокие экономические и политические связи со своими бывшими колониями, контролирует ряд стратегических территорий по всему миру. В то же время в условиях трансформации миропорядка и роста конфликтности на международной арене она не обладает достаточным потенциалом обеспечения обороны тех или иных союзников или партнеров в одиночку. Кроме того, существенные ограничения на внешнеполитические возможности Великобритании накладывают асимметричные "особые отношения" с США. Вследствие этого британское руководство отводит особую роль многосторонним военно-политическим структурам (МВПС), способствующим коллективному повышению оборонного потенциала их участников. В статье исследованы МВПС с участием Великобритании, проведена их классификация, оценивается их роль в структуре британской внешней политики в контексте трансформации миропорядка. Обосновано положение о том, что многосторонние форматы позволяют Лондону достичь большего, по сравнению с двусторонними связями, влияния, и дают возможность оставаться активным игроком не только в Европе, но и в мире с опорой на "особые отношения" с США. МВПС способствуют не только более эффективному использованию имеющихся ресурсов, но и проведению политики сдерживания конкурентов, таких как Россия и Китай, а также проецированию "мягкой силы". Феномен МВПС изучен с точки зрения теорий международных отношений. Отмечено, что природа, сущность и функции МВПС объясняются различными теориями по-разному. Выделены базовые характеристики основных теоретических подходов, соответствующие им функции МВПС проанализированы и применены к британскому кейсу. Сделан вывод о том, что совмещение теоретических подходов при изучении МВПС наталкивается на серьезные межпарадигмальные противоречия, в связи с чем перспективной представляется разработка соответствующей теории среднего уровня.

Ключевые слова: внешняя политика Великобритании, Глобальная Британия, теория альянсов, военные союзы, многостороннее сотрудничество, многосторонние военно-политические структуры, "особые отношения", НАТО, AUKUS.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

THE UK IN MULTILATERAL MILITARY-POLITICAL STRUCTURES

Received 14.09.2023. Revised 15.10.2023. Accepted 29.11.2023.

Alexander A. ALESHIN (aleshin.a@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7872-3298, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

UK's foreign policy interests are global in nature due to place the country has in the world economy and finance, science and technology, especially after its withdrawal from the EU. This country has retained deep economic and political ties with former colonies and it controls a number of strategic territories around the world. At the same time, in the context of the world order transformation and a more conflict-ridden international environment, the UK does not have sufficient potential to single-handedly defend certain allies or partners. In addition, significant restrictions on the country's foreign policy capabilities are imposed by the asymmetrical 'special relations' with the US. As a result, the British leadership assigns a special role to multilateral military-political structures (MMPSs), which contribute to the collective increase in the defence potential of their participants. The article examines MMPSs with the UK participation, classifies them and examines their place in the structure of British foreign policy in a time of world order transformation. It is substantiated that multilateral formats allow the UK to achieve more influence than bilateral relations, to act beyond its capabilities and remain an active player not only in Europe, but also globally, relying on the 'special relations' with the US. MMPSs allow not only to use available resources more efficiently, but also to pursue a policy of containing competitors such as Russia and China, as well as to project 'soft power'. The phenomenon of MMPSs has been studied from the point of view of the international relations theories. It is noted that the nature, essence and functions of MMPSs are explained differently in accordance with different theories. The basic characteristics of the main theoretical approaches are identified, the corresponding functions of the MMPSs are analyzed and applied to the British case. It is substantiated that the combination of theoretical approaches when studying MMPSs encounters serious inter-paradigmatic contradictions, and therefore the development of an appropriate middle-level theory seems to have potential.

Keywords: UK foreign policy, Global Britain, alliance theory, military alliances, multilateral cooperation, multilateral military-political structures, 'special relationship', NATO, AUKUS.

About the author: Alexander A. ALESHIN, Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher, Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 1920-х годов Соединенное Королевство двигалось по траектории постепенной потери мирового влияния, сокращения его внешнеполитического потенциала. Распад Британской империи, замещение фунта стерлингов долларом в качестве резервной валюты в международных финансах, уход "к востоку от Суэца" – все это привело к потере связей и рычагов влияния страны в мире. Однако даже после передачи суверенитета над последней крупной колонией Гонконг в 1997 г. Великобритания сохранила территории и/или особые отношения с партнерами во всех регионах мира.

Сегодня европейские страны, в том числе и Соединенное Королевство, все больше

уступают позиции технологических лидеров, в первую очередь – США и Китаю. Наблюдается трансформация цепочек добавленной стоимости и торговых маршрутов в пользу Соединенных Штатов и альтернативных центров финансово-экономического притяжения, развиваются незападные институты глобального экономического регулирования, нарастает межгосударственная конфликтность. В период трансформации миропорядка у не ограниченной более институтами и правом ЕС Великобритании появились новые возможности и рычаги глобального влияния, основанные на сохранившемся постимперском наследии и сформировавшихся во время и после Второй мировой войны “особых отношениях” с США.

Одну из ключевых ролей в британской политике играют многосторонние структуры и форматы с участием Великобритании. Через них эта страна проецирует “мягкую силу”, оказывает влияние на торгово-экономические и политические процессы в регионах мира, использует свой статус одного из ведущих участников многосторонних форматов для балансирования и политического торга, компенсации “постимперского комплекса” развитием нарративов о важной глобальной роли Соединенного Королевства, соответствующей внешнеполитической идентичности.

Особое значение сохраняют многосторонние военно-политические структуры (МВПС). В настоящее время Великобритания едва ли способна в одиночку обеспечить оборону какого-либо другого государства или противодействие гибридным угрозам для него, в особенности союзника отдаленного, как это было во времена империи. Опыт Второй мировой войны показал слабость метрополии в защите и контроле над своими колониями, что ускорило обретение доминионами суверенитета. Поэтому многосторонние структуры, в которых участвуют государства разного уровня, из различных регионов, являются ключевой опорой военно-политического влияния современного Соединенного Королевства.

Теория военно-политических альянсов широко представлена в научных исследованиях (см. работы исследователей МГИМО [1; 2]). Современная внешняя политика Великобритании [3; 4], как и те или иные ее союзы и альянсы [5; 6; 7; 8], также глубоко изучены в отечественной и зарубежной литературе. Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе системы современных британских военно-политических партнерств в контексте развития всей системы международных отношений. Автором предложена классификация таких партнерств, которая может быть применима для анализа аналогичных систем других государств. Кроме того, проведен критический обзор основных теоретических подходов к исследованию МВПС.

МВПС В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В данной статье используется понятие “многосторонние военно-политические структуры”. Под многосторонностью подразумевается участие трех и более акторов – как равных, так и разноуровневых. Однако это не соответствует мультилатерализму с его равенством формальных статусов всех акторов. Концепция структуры отражает наличие формализованных институтов регулярного взаимодействия – то есть сотрудничества, основы которого определены международным соглашением. Военно-политическое же сотрудничество подразумевает более широкую рамку, чем оборонное, наступательное, в сфере безопасности и др. Кроме того, автор согласен с позицией [9], что все связи в системе межгосударственных отношений по своей сути являются политическими, то есть построены вокруг перераспределения и реализации власти.

Теории международных отношений трактуют многостороннее военно-политическое сотрудничество государств по-разному. В исследовании тех или иных параметров такого сотрудничества между ними отсутствует консенсус относительно самой его сути.

Либерализм сосредоточен на взаимовыгодном сотрудничестве демократических государств, которое служит обеспечению безопасности в широком смысле,

обусловленном комплексной взаимозависимостью между этими государствами и угрозами, исходящими от государств нелиберальных [10]. Долговечность альянсов объясняется общностью ценностей и институтов, которые характеризуют именно либерально-демократические государства [11]. При таком подходе исследуется прежде всего эволюция многосторонних институтов в связке с трансформацией ценностей в демократических сообществах.

Политический реализм рассматривает межгосударственные отношения в категориях баланса сил, балансирования и примыкания [12]. При этом особенно стабильной система международных или региональных отношений считается при наличии гегемона, вырабатывающего общие правила для всех государств [13]. Альянсы в данном случае исследуются в контексте структурной динамики международных отношений, баланса сил между множеством разноуровневых держав [14].

Социальные конструктивисты говорят о повторяющихся практиках, трансформирующих национальные идентичности, что приводит к образованию транснациональных идентичностей, в рамках которых активно развиваются институты, и государства взаимодействуют более интенсивно. Так, государства могут создать сообщество безопасности для противодействия разделяемой всеми угрозе [15]. Дальнейшее развитие такого сообщества исследуется через институционально-идентитарную динамику: взаимодействие транснациональной и национальных идентичностей, формирование институтов [16].

Марксистские и неомарксистские теории рассматривают создание военно-политических объединений в рамках политико-экономических отношений капиталистических государств, (нео)империалистической борьбы за рынки сбыта, капитала и встраивание в цепочки добавленной стоимости [17], повышение эксплуатации стран периферии [18]. Критические теории отмечают важную роль идеологии как инструмента реализации гегемонии [19].

Сам процесс разработки многосторонних военно-политических соглашений эффективно объясняют теории секьюритизации и региональных комплексов безопасности, в соответствии с которыми угрозы секьюритизируются отдельными акторами и включаются в повестку в сфере безопасности. При межгосударственном взаимодействии создаются региональные комплексы безопасности, где процессы секьюритизации и десекуритизации государств связаны между собой и происходят на региональном уровне. При этом связи между различными комплексами поддерживаются за счет глобальных акторов, угрозы для которых представлены в нескольких регионах [20].

В качестве иллюстрации возможностей различных теорий в объяснении МВПС можно привести коллективную монографию "Теоретизирование НАТО. Новые перспективы Атлантического альянса" [21], в которой группа авторов сделала попытку объединить в рамках одного исследования интерпретации природы и эволюции НАТО с точки зрения неореализма, неоклассического реализма, теории альянсов, институционализма, либерального интернационализма, конструктивизма, теории секьюритизации и ряда других. Написанные разными авторами главы не связаны между собой и обнаруживают противоречия между теориями.

Выше приведены только основные теории, объясняющие создание и развитие МВПС, в исследовательской среде их существенно больше. Но какая из них правильная? В связи с онтологическими и эпистемологическими противоречиями между теориями окончательного ответа на этот вопрос не существует. В современную эпоху эпистемологической эклектики и постмодернистского поворота в методологии их чаще всего комбинируют.

\

Не ставя задачи "примирения" подходов и универсального объяснения объекта

исследования, будем понимать под МВПС наиболее широкое и общее – соглашения трех и более государств с целью структурированного политического сотрудничества по вопросам безопасности, которое может включать сферы обороны, разведки, военной экономики, военно-технологического, военно-технического и научного развития. Таким образом, МВПС не включают программы совместной разработки вооружений, если они не являются частью соглашения о политическом сотрудничестве, а также коалиции *ad hoc*. МВПС подразумевают наличие общих угроз безопасности и совместный ответ на них в том или ином виде.

Отметим, что вопросы экономического, гуманитарного, технологического, культурного сотрудничества могут успешно решаться в международных организациях, например, в специализированных учреждениях ООН, и поэтому глобальные площадки в различных сферах часто являются более эффективными и предпочтительными для государств, несмотря на массу возникающих острых противоречий. Но такие чувствительные области, как безопасность и особенно – оборона, подразумевают наличие угроз, потенциального противника, балансирование того или иного актора международных отношений, а следовательно, инклюзивность МВПС, обусловленную национальными интересами и структурными факторами системы международных отношений.

Суммируя вышесказанное, можно предположить, что МВПС выполняют следующие функции: более эффективного балансирования соперников; защиты одного или нескольких участников от тех или иных угроз; сокращения издержек развития за счет кооперативной синергии; совместного накопления символического и идеологического капитала; проецирования “мягкой силы”; утверждения выгодных участникам норм и правил в регионе; повышения эффективности экономической и политической эксплуатации; легитимизации тех или иных подходов и действий. Проверим это на опыте современного Соединенного Королевства.

МВПС В БРИТАНСКИХ СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Основы британской внешней политики заложены в ключевых стратегических документах, в том числе: Комплексном обзоре безопасности, обороны, развития и внешней политики 2021 г.¹, его обновлении 2023 г.², обзоре Министерства обороны 2021 г.³, его обновлении 2023 г.⁴ В них изложены идеи глобальных перспектив и ответственности страны. Констатируется, что модели торговли и инвестиций Великобритании глобальны, и ее внешняя политика отражает эту реальность. Поставлены задачи эффективного использования развивающихся рынков, изменений в мировой экономике и прогресса в области науки и технологий, а также участия в обеспечении стабильности и безопасности на мировом уровне, в частности, в Евроатлантическом регионе⁵.

В то же время британское руководство осознает реальный потенциал своей страны, длинный тренд его снижения на протяжении более чем 70 лет. В связи с этим, начиная с обзора обороны 1957 г., во всех стратегических документах говорилось о необходимости укрепления связей с союзниками, а с 1960-х годов – об отказе от самостоятельного проведения крупных операций [16]. В Комплексном обзоре 2021 г. указано, что

¹ *Global Britain in a Competitive Age*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed 12.10.2023).

² *Integrated Review Refresh 2023*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed 12.10.2023).

³ *Defence in a Competitive Age*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/974661/CP411_-_Defence_Command_Plan.pdf (accessed 12.10.2023).

⁴ *Defence's Response to a More Contested and Volatile World*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/64b55dd30ea2cb-000d15e3fe/Defence_Command_Paper_2023_Defence_s_response_to_a_more_contested_and_volatile_world.pdf (accessed 12.10.2023).

⁵ *Global Britain in a Competitive Age*... Op. cit. P. 60.

“способность решать транснациональные проблемы – от безопасности до изменения климата – будет зависеть от способности работать с широким кругом партнеров по всему миру, включая тех, кто не обязательно разделяет одни и те же ценности”⁶. Также заявлено, что Великобритания “будет находиться в центре сети стран-единомышленников и гибких группировок, приверженных защите прав человека и соблюдению глобальных норм. Британское влияние будет усилено за счет более сильных альянсов и более широкого партнерства”⁷.

Можно сказать, что современное Соединенное Королевство, в особенности после Брекзита, стремится превзойти свои национальные внешнеполитические возможности именно за счет сети разнообразных партнерств. Стратегические документы называют три ключевые зоны интересов Великобритании: Северную Америку, Европу и Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Можно провести аналогию с идеей премьер-министра У. Черчилля (1940–1945, 1951–1955) о трех пересекающихся кругах, представляющих Британскую империю, Америку и Европу, где в центре пересечения находится именно Великобритания [22; 23]. Сегодня этой схеме соответствуют группы стран, сотрудничество с которыми является для британцев важнейшим: США, государства – члены Европейского союза и страны – участницы Содружества, среди которых можно выделить Австралию, Индию, Канаду, Малайзию, Новую Зеландию и Сингапур как членов тех или иных МВПС с участием Великобритании.

Так, главными военными союзниками Соединенного Королевства названы США, Франция, Германия, участники Объединенных экспедиционных сил, Оборонительного соглашения пяти держав, члены НАТО. Перечислены государства, которые необходимо сдерживать: Россия, Иран, КНДР.

Что касается Китая, то в 2021 г. говорилось об угрозах с его стороны экономической безопасности Великобритании, ее критической инфраструктуре, технологическому потенциалу и лидерству, безопасности цепочек поставок. В то же время шла речь о необходимости укрепления торгово-экономических связей и взаимодействия в решении глобальных проблем. В 2023 г. в стратегических документах появилось дополнение о том, что Китай представляет собой “эпохальный вызов международному порядку, предпочтительному для Великобритании, как с точки зрения безопасности, так и в ценностном плане”⁸.

МВПС СТРАН АНГЛОСФЕРЫ⁹

Перечислим МВПС, в которых состоит Соединенное Королевство, в алфавитном порядке: *ABCANZ Armies*, *ASIC*, *AUKUS*, *AUSCANNZUKUS*, *TTCP*, *UKUSA* (также известно как “Пять глаз”, англ. *Five Eyes*), Европейская инициатива вмешательства (англ. *European Intervention Initiative*, *EI2*), НАТО, Оборонное соглашение пяти держав (англ. *Five Power Defence Arrangements*, *FPDA*), Совместные экспедиционные силы (англ. *UK Joint Expeditionary Force*, *JEF*), Трехсторонний альянс с Польшей и Украиной (рис. 1).

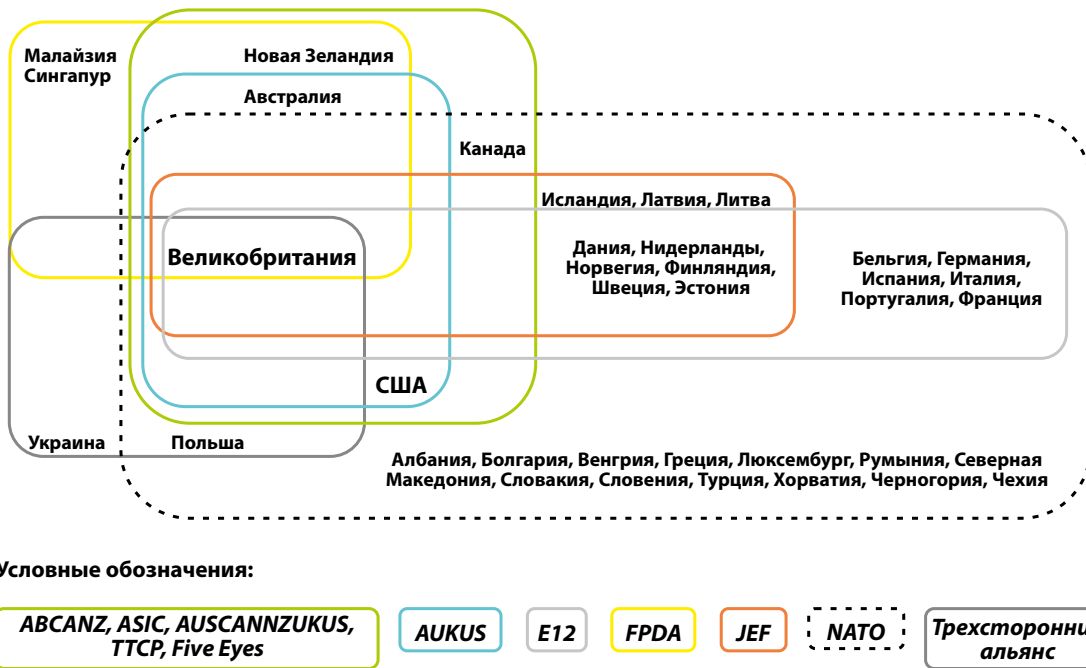
⁶ *Global Britain in a Competitive Age...* Op. cit. P. 14.

⁷ *Ibid.* P. 6.

⁸ *Integrated Review Refresh 2023...* Op. cit. P. 3.

⁹ К странам англосферы относят Австралию, Великобританию, Ирландию, Канаду, Новую Зеландию и США.

Рисунок 1. МВПС с участием Великобритании

Источник: составлено автором.

В семи вышеназванных МВПС участвуют США. Эти структуры наравне с партнерством в ядерной сфере и финансах являются важной составляющей “особых отношений” Великобритании с этой страной. Партнерство с США сегодня представляет собой ключевую опору британской внешней политики, значимый фактор экономического роста страны, эффективности лондонского Сити как одного из ведущих финансовых центров мира, поддержания и развития современных и высокотехнологичных вооруженных сил, сохранения и расширения влияния Соединенного Королевства в институтах глобального регулирования, в отдельных регионах мира, в том числе в Европе и ИТР.

Шесть структур с участием США включают Австралию, а пять из них – Канаду и Новую Зеландию. Таким образом, эти МВПС играют заметную роль в кооперации стран англосферы, в укреплении британской роли в Содружестве. Они направлены на укрепление безопасности государств-участников, координацию развития их оборонных, разведывательных и научно-технологических потенциалов для противодействия угрозам по всему земному шару. Кроме AUKUS, все они были созданы во время холодной войны и продолжают функционировать на постоянной основе на базе взаимодействия, обмена информацией и выработки стандартов представителями соответствующих военных ведомств государств-членов. Важное значение в этом контексте представляют оборонные и разведывательные объекты в британских заморских территориях, таких как Гибралтар, базы Акротири и Декелия, о. Диего-Гарсия и др.

Вначале рассмотрим структуры с участием Австралии, Великобритании, Канады, Новой Зеландии и США. Важно отметить, что все они не подразумевают регулярных встреч политиков, а развивают взаимодействие между военными и сотрудниками разведки.

UKUSA, или “Пять глаз”, (с 1946 г.) – объединение для сотрудничества в области радиоэлектронной разведки. Первоначальное сотрудничество США и Великобритании в этой области во время Второй мировой войны¹⁰ продолжилось и расширилось с началом холодной войны – в 1946 г. Позже к нему присоединились Канада, Австралия и Новая Зеландия. В рамках UKUSA государства-члены автоматически обмениваются

¹⁰ Англо-американское соглашение BRUSA, заключенное в 1943 г.

разведывательными данными с помощью специальной сети. Каждая страна-участница отвечает за определенные регионы: так, Великобритания следит за Европой, европейской частью России, Ближним Востоком и Гонконгом. Существуют и другие расширенные соглашения, называемые “Девять глаз” и “Четырнадцать глаз”, в которых также принимает участие ряд европейских государств. Однако эти соглашения не подразумевают автоматический обмен данными, а лишь их передачу по запросу.

ABCANZ Armies (с 1947 г.) – организация, задачей которой является оптимизация оперативной совместимости и стандартизация обучения и снаряжения между армиями государств-участников. Ее подобием является программа НАТО по стандартизации.

Five Eyes Air Force Interoperability Council, AFIC (Совет Пяти глаз по совместимости военно-воздушных сил. С 1948 г. названия несколько раз менялись) – аналогичная предыдущей организация в сфере военной авиации.

AUSCANNZUKUS (с 1960 г.) – организация по взаимодействию в сфере обеспечения технической взаимодополняемости военно-морских сил государств-членов в сфере информационных систем.

TTCP (с 1957 г.) – организация сотрудничества в области науки и технологий в сфере безопасности и обороны. В ее программе участвуют около 1000 ученых из стран-членов, разрабатывающих технологии примерно в 60 исследовательских областях.

Вышеназванные структуры не только способствуют укреплению британо-американских “особых отношений”, а также отношений стран англосферы, но и повышают оборонный потенциал государств-участников, в том числе в ИТР. Последний играет сегодня важную роль для внешней политики Соединенного Королевства.

БРИТАНСКИЕ МВПС В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Официально задачи Великобритании в ИТР сводятся к расширению экономического сотрудничества с государствами, защите свободы торговли и судоходства, поддержанию региональной стабильности. Помимо двусторонних торговых соглашений эта страна летом 2023 г. примкнула к Транстихоокеанскому партнерству.

Важно изменение в последние годы дискурса по вопросу отношений с Китаем. Если в 2015 г. говорили о “золотой эре” британо-китайских отношений, прежде всего в связи с торгово-экономическим и инвестиционным сотрудничеством, то сегодня КНР в британских стратегиях имеет статус системного вызова безопасности, процветанию и ценностям. Можно утверждать, что Китай – не просто конкурент Великобритании в противостоянии за развивающиеся рынки Африки и Азии, за участие в высокотехнологических цепочках добавленной стоимости. Он представляет собой угрозу для “основанного на правилах миропорядка” – системы правил глобальной торговли, финансов, политики, поддержания безопасности, закреплённой в западноцентричных институтах глобального регулирования и ключевых западных многосторонних политических структурах (прежде всего Группе семи, ЕС и НАТО). Эта система правил была создана в значительной степени в интересах стран англосферы, и Соединенное Королевство сегодня продолжает пользоваться ее выгодами.

Среди особо острых вопросов, вызывающих двусторонние разногласия, можно выделить отказ Великобритании под давлением США от услуг китайских телекоммуникационных компаний для создания сетей мобильной связи 5G, осуждение политики Пекина по отношению к Гонконгу и Тайваню, проблему нарушений прав человека в КНР, учения кораблей британского военно-морского флота в Южно-Китайском море, в том числе отправку в регион авианесущей группы в 2021 г., дискуссии по поводу происхождения COVID-19, введение Великобританией в 2021 г. персональных санкций против четырех официальных лиц из КНР, создание *AUKUS*, осуждение официальным Лондоном российско-китайского сотрудничества.

Британская политика в области безопасности в ИТР в значительной степени связана со сдерживанием Китая и сохранением в регионе влияния США. Под британской юрисдикцией в этой части земного шара находится Британская территория в Индийском Океане, где на о. Диего-Гарсия располагается совместная британо-американская военная база. Также в Тихом океане имеется Британская заморская территория Острова Питкэрн. Военная инфраструктура страны в ИТР включает на правах пользования порты в Омане и Сингапуре, порты и аэродромы в Бахрейне и Катаре, тренировочный лагерь в Кении, офис найма военнослужащих в Непале, расквартированный батальон пехоты и тренировочный лагерь в Брунее. Британские вооруженные силы используют четыре базы на территории Австралии, в регионе существует развитая сеть военных атташе. Однако Великобритания не обладает достаточным потенциалом, прежде всего военно-морским, для постоянного дислоцирования значительных вооруженных сил в регионе. В связи с этим особое значение для этой страны имеют МВПС.

Задачам Великобритании в ИТР в полной мере отвечает новый (с 2021 г.) формат сотрудничества *AUKUS*, подразумевающий взаимодействие Великобритании, Австралии и США в сферах региональной политики, координации совместных акций, кибербезопасности, "искусственного интеллекта", подводного пространства. Он создает возможности дальнейшего развития кооперации военно-морских сил, науки и оборонной промышленности. Важнейшее направление сотрудничества – совместная разработка технологий для создания Австралией атомного подводного флота с неядерным вооружением (негласно – для балансирования Китая).

Особую роль играет Оборонное соглашение пяти держав (*Five Power Defence Arrangements, FPDA*) (с 1971 г.), участниками которого являются Австралия, Великобритания, Малайзия, Новая Зеландия и Сингапур. Это единственная британская МВПС вне Европы без участия США. Основное положение Соглашения – проведение консультаций в случае угрозы или нападения на Малайзию или Сингапур для выработки совместных или индивидуальных мер. Изначальной задачей этой структуры было сдерживание угроз бывшим британским колониям Малайзия и Сингапур после ухода британских вооруженных сил "восточнее Суэца", прежде всего – развитие ВВС этих стран. В настоящее время стороны сотрудничают в сферах борьбы с терроризмом, гуманитарной помощи, помощи при стихийных бедствиях, безопасности на море. Проводятся также регулярные учения, в числе которых – *Bersama Lima*.

Партнерство Малайзии и Сингапура важно для Соединенного Королевства из-за их стратегического положения между Малаккским проливом и Южно-Китайским морем и членства обоих в АСЕАН. Великобритания стремится расширять взаимодействие с АСЕАН в области безопасности и обороны. Также в экспертной среде обсуждается возможность присоединения в том или ином виде этой страны к Четырехстороннему диалогу по безопасности, в котором участвуют Австралия, Индия, США и Япония.

БРИТАНСКИЕ МВПС В ЕВРОПЕ

В обновленном комплексном обзоре 2023 г. акцент с ИТР сместился на Евроатлантический регион. В документе указано, что безопасность и процветание в Европе являются главным приоритетом для Великобритании. Столь существенное изменение вызвано развитием ряда процессов в международных отношениях. Прежде всего, предыдущее смещение британских интересов в сторону ИТР было связано со стремлением к развитию торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с быстро растущими азиатскими государствами, оно же стало одной из предпосылок Брекзита. Рост конкуренции в ИТР, а в особенности участие в ней США, обусловили активизацию вовлечения Лондона в политические процессы в регионе, повышение британского потенциала за счет кооперации с союзниками, прежде всего с Вашингтоном.

В то же время Брекзит объективно сократил вовлеченность Соединенного Королевства в дела Европы, в особенности Евросоюза, страны которого давно занимают ведущее место в британской торговле, инвестициях, в обеспечении региональной безопасности. Средством

британского влияния на страны – члены ЕС был фактор “российской угрозы” [24], значение которого существенно выросло с 2022 г. Перед Великобританией открылись новые возможности для развития сотрудничества со странами Восточной и Северной Европы, влияния на членов и политические структуры ЕС, укрепления собственной роли в институтах коллективного Запада [25].

Развитые двусторонние отношения Соединенного Королевства с рядом европейских государств подкрепляются многосторонними форматами сотрудничества, в том числе военно-политическими.

Важнейшее место среди них занимает *НАТО*. Британские стратегические документы называют эту организацию основой обороны страны, и их основные положения базируются на целях альянса. Вклад Великобритании в общий бюджет НАТО составил в 2021 г. 11.29%¹¹. Ее оборонные расходы являются вторыми по размеру после США и составляют около 6% расходов всех членов альянса¹².

Великобритания предоставляет Организации Североатлантического договора полный спектр оборонных возможностей, в том числе средства постоянного ядерного сдерживания на море, а также наступательный кибернетический потенциал. Британские вооруженные силы участвуют во всех операциях и миссиях альянса и предоставляют более 1000 человек для персонала командования и сил НАТО, включая заместителя верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

Великобритания участвует в “Силах для Косово”, миссии в Ираке и в “Расширенном передовом присутствии” НАТО. Британские самолеты вовлечены в патрулирование воздушного пространства над Балтикой и формирование натовских сил на Черном море. Для инициативы Североатлантического альянса “4 по 30”¹³ Соединенное Королевство предоставило современную авианесущую ударную группу. Кроме того, на территории страны находятся Союзное военно-морское командование, Европейский штаб программы “Диана”, штаб Корпуса быстрого реагирования союзников. Таким образом, Великобритания остается одним из наиболее активных и значимых членов альянса.

В 2017 г. по предложению Франции была учреждена еще одна МВПС – *Европейская инициатива вмешательства (European Intervention Initiative, EII)* – проект, объединяющий на добровольной основе ряд стран ЕС и третьи страны для проведения боевых миссий. В *EII* входят Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция и Эстония. На практике инициатива в настоящее время носит консультативный характер, в ее рамках проводятся ежегодные встречи на уровне министров обороны.

Также Соединенное Королевство руководит *Совместными экспедиционными силами (Joint Expeditionary Force, JEF)*, членами которых являются Дания, Исландия, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швеция и Эстония. Их основная задача – быстрое развертывание и совместное проведение миссий и операций в рамках НАТО или мандата ООН. *JEF* проводят ежегодные учения в Балтийском регионе. В 2017 г. к семи государствам-членам присоединились Швеция и Финляндия, а в 2021 г. – Исландия, не обладающая вооруженными силами, но также участник НАТО. После вступления в Организацию Североатлантического договора Финляндии и будущего присоединения Швеции все государства – члены *JEF* будут членами альянса, и это придает Соединенному Королевству как лидеру Совместных экспедиционных сил дополнительный политический вес в НАТО.

Кроме того, в феврале 2022 г. Великобританией, Польшей и Украиной был подписан *Трехсторонний меморандум о сотрудничестве в сферах кибернетической и энергетической*

¹¹ Имеется в виду бюджет именно самой организации, а не сумма оборонных расходов стран-членов.

¹² Secretary General's Annual Report 2021. North Atlantic Treaty Organization. 2021. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/3/pdf/sgar21-en.pdf (accessed 13.10.2023).

¹³ Инициатива подразумевает формирование 30 механизированных батальонов, 30 воздушных эскадрилий и 30 боевых кораблей, готовых к развертыванию в течение 30 дней.

безопасности, развития стратегических коммуникаций для противодействия дезинформации. Однако текущие события на Украине пока ограничивают трехстороннее взаимодействие.

КЛАССИФИКАЦИЯ МВПС

Вышеописанные структуры представляется возможным классифицировать по ряду параметров (табл. 1). Во-первых, можно использовать региональный принцип, в соответствии с которым выделяются европейские, трансатлантические и глобальные объединения. Во-вторых, тот же принцип можно рассматривать в контексте территории интересов каждого из объединений, тогда к названным выше добавляются еще индо-тихоокеанские проекты. В-третьих, можно использовать функциональное деление, которое позволяет говорить о структурах коллективной обороны, разведывательных, консультаций, стандартизации, проведения учений и научно-технологического сотрудничества. Многие из них выполняют несколько функций одновременно. В-четвертых, в связи с особенностями истории и внешней политики Великобритании возможно выделить структуры с участием США или без него. В-пятых, существуют объединения под руководством Великобритании и те, где эта страна является одним из равных партнеров. В-шестых, возможно использовать количественные методы и рассмотреть активность сторон в сферах дипломатических встреч и консультаций, взаимодействия военных, служащих, проведения совместных мероприятий.

Вернемся к вопросу о выделенных ранее функциях МВПС. Функцию эффективного балансирования соперников – России, Китая и ряда других – выполняют все вышеназванные МВПС. Защита одного или нескольких участников от тех или иных угроз не входит в функции всех МВПС. Это относится лишь к НАТО и *FPDA*. Сокращение издержек развития за счет кооперативной синергии наблюдается в большинстве МВПС, кроме *EI2* в связи с ее специфическими задачами. Совместное накопление символического и идеологического капитала происходит во всех МВПС.

Утверждению выгодных участникам норм и правил в регионе способствует лишь НАТО. Потенциал для развития этой функции в будущем есть также у *AUKUS*, *FPDA* и *JEF* и, возможно, у Трехстороннего альянса. Повышению эффективности экономической и политической эксплуатации с марксистской и политэкономической точки зрения способствуют все МВПС, но опосредованно – как организации, созданные лидерами капиталистических стран центра ради укрепления своих позиций в странах периферии. Напрямую же вышеназванные структуры экономической эксплуатацией не занимаются. Практика легитимизации тех или иных подходов и действий наблюдалась пока лишь в НАТО. Возможно, в будущем такой потенциал есть у *JEF* и *EI2*.

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Таблица 1. Классификация МВПС с участием Великобритании

Принципы	ABCANZ	ASIC	AUKUS	AUSCANNZUKUS	TTCP	Five Eyes	E12	NATO	FPDA	JEF	Трёхсторонний альянс
Региональные	Европейская										
	Трансатлантическая										
	Глобальная										
Территории интересов	Европа										
	Евроатлантика										
	ИТР										
	Весь мир										
Функциональные	Коллективная оборона										
	Разведка										
	Консультации										
	Стандартизация										
	Учения										
	Наука и технологии										
Участие США	С США										
	Без США										
Руководство	СК – лидер										
	Равные партнеры										

Источник: составлено автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Соединенное Королевство проводит активную политику в многосторонних военно-политических структурах, подкрепляющую политические и экономические задачи “Глобальной Британии”. Многосторонние форматы позволяют Великобритании достичь большего влияния, нежели то, что позволяют двусторонние связи, существенно расширить границы своих возможностей, оставаться активным игроком не только на европейском континенте, но и в ИТР, а также, учитывая “особые отношения” с США, – глобальным актором. МВПС позволяют Лондону не только оптимизировать использование имеющихся ресурсов, в том числе технологических, но и проводить политику сдерживания конкурентов, таких как Россия и Китай, а также проецировать “мягкую силу”, развивая нарративы о Соединенном Королевстве как “блюстителе безопасности”, “борце против терроризма”, “стороннике многосторонности” и “международных правил”.

Природу, сущность и функции МВПС теории международных отношений трактуют различно. Однако, выделив основные функции и создав основания для классификации МВПС, как это сделано в статье, представляется возможным дальнейшее их изучение в рамках разработки соответствующей теории среднего уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны. *Международные процессы*, 2017, т. 15, № 4(51), сс. 93-114. [Istomin I.A. Western Theory of International Military Alliances: the State of the Discipline. *International Trends*, 2017, vol. 15, no. 4 (51), pp. 93-114. (In Russ.)] DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6
2. Байков А.А., Болгова И.В., Истомин И.А. и др. *Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции*. Москва, МГИМО-Университет, 2021. 371 с. [Baikov A.A., Bolgova I.V., Istomin I.A., et al. *Strategies of Alliance Formation in the Modern World: The Military and Diplomatic Toolbox of International Political Rivalry*. Moscow, MGIMO-Universitet, 2021. 371 p. (In Russ.)]
3. Годованюк К.А. “Глобальная Британия” в преддверии брекзита. Москва, Институт Европы РАН, 2020. 160 с. [Godovanyuk K.A. *‘Global Britain’ in the Run-Up to Brexit*. Moscow, Institute of Europe RAS, 2020. 160 p. (In Russ.)] Available at: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/373.pdf> (accessed 16.09.2023). DOI: 10.15211/report62020_373
4. Horton B. 100 Years of UK Foreign Policy. *International Affairs online*, February, 2022. Available at: <https://static.primary.prod.gcms.the-infra.com/static/site/ia/document/iia035.pdf?node=76b949b2d8ec46c80b13> (accessed 16.09.2023).
5. Ewers-Peters N.M. Brexit’s Implications for EU-NATO Cooperation: Transatlantic Bridge No More? *The British Journal of Politics and International Relations*, 2021, vol. 23, iss. 4, pp. 576-592. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/1369148120963814> (accessed 16.09.2023). DOI: 10.1177/1369148120963814
6. Wells R.A. *Between Five Eyes: 50 Years of Intelligence Sharing*. New York, Simon and Schuster, 2021. 256 p.
7. Петросян Ф.А. Joint Expeditionary Force: британский фактор повышения военной активности Финляндии и Швеции. *Вопросы политологии*, 2023, т. 13, вып. 1(89), сс. 348-357. [Petrosyan Ph.A. Joint Expeditionary Force: the British Factor of Increasing the Military Activity of Finland and Sweden. *Political Science Issues*, 2023, vol. 13, iss. 1 (89), pp. 348-357. (In Russ.)] DOI 10.35775/PSI.2023.89.1.036
8. Cheng M. AUKUS: The Changing Dynamic and Its Regional Implications. *European Journal of Development Studies*, 2022, vol. 2, no. 1, pp. 1-7. DOI: 10.24018/ejdevelop.2022.2.1.63
9. Поздняков Э.А. *Системный подход и международные отношения*. Москва, Наука, 1976. 157 с. [Pozdnyakov E.A. *Systems Approach and International Relations*. Moscow, Nauka, 1976. 157 p. (In Russ.)]
10. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. *Survival*, 1973, vol. 15 (4), pp. 158-165. DOI: 10.1080/00396337308441409
11. Gaubatz K.T. Democratic States and Commitment in International Relations. *International Organization*, 1996, vol. 50, iss. 1, pp. 109-139. DOI: 10.1017/S0020818300001685
12. Schweller R.L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton University Press, 2006. 200 p.
13. Gilpin R. *War and Change in International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. 272 p.
14. Walt S.M. *The Origins of Alliances*. New York, Cornell University Press, 1990. 336 p.
15. Burchill S., ed. *Theories of International Relations*. New York, Palgrave Macmillan, 2005. 321 p.

16. Алешин А.А. *Великобритания – Евросоюз – НАТО: реорганизация “трансатлантического пространства безопасности”*. Москва, Аспект Пресс, 2023. 317 с. [Aleshin A.A. *Britain – the European Union – NATO: Reorganization of the “Transatlantic Security Space”*. Moscow, Aspect Press, 2023. 317 p. (In Russ.)]
17. Иноземцев Н.Н., ред. *Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы*. Москва, Аспект Пресс, 2022. 623 с. [Inozemtsev N.N., ed. *The Fundamentals of the Theory of the International Relations: the Experience of the IMEMO in the 1970s*. Moscow, Aspect Press, 2022. 623 p. (In Russ.)]
18. Shannon T.R. *An Introduction To The World-System Perspective*. Boulder, Westview Press, 1996. 276 p.
19. Cox R.W. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method. *Millenium: Journal of International Studies*, 1983, vol. 12, iss. 2, pp. 162-175. DOI: 10.1177/03058298830120020701
20. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 570 p.
21. Webber M., Hyde-Price A., eds. *Theorising NATO. New Perspectives on the Atlantic Alliance*. London, Routledge, 2015. 226 p. DOI: 10.4324/9781315658001
22. Johnson B. *The Churchill Factor: How One Man Made History*. New York, Riverhead Books, 2014. 400 p.
23. Алешин А.А. Роль научного дискурса в трансформации стратегии национальной безопасности Великобритании. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 4, сс. 72-84. [Aleshin A.A. Scientific Discourse in the UK National Security Strategy Transformation. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2021, no. 4, pp. 72-84. (In Russ.)] Available at: <https://www.afjournal.ru/files/File/2021-4/ALESHIN.pdf> (accessed 16.09.2023). DOI: 10.20542/afij-2021-4-72-84
24. Годованюк К.А. Головоломка российско-британских отношений: системные противоречия и национальные интересы. *Современная Европа*, 2022, № 7, сс. 185-197. [Godovanyuk K.A. The Riddle of Russia–UK Relations: Systemic Contradictions and National Interests. *Contemporary Europe*, 2022, no. 7, pp. 185-197. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708322070154
25. Алешин А.А. Роль Британии в формировании антироссийской политики Запада. *Современная Европа*, 2023, № 5, сс. 44-56. [Aleshin A.A. The UK’s Role in Shaping the Anti-Russian Policy of the West. *Contemporary Europe*, 2023, no. 5, pp. 44-56. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708323050042

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ДО РЕФЕРЕНДУМА О БРЕКЗИТЕ

© АНДРЕЕВА Т.Н., 2023

АНДРЕЕВА Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (andreeva@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4160-8472

Андреева Т.Н. Климатическая политика Великобритании до референдума о Брексите. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 3, сс. 49-61. DOI: 10.20542/afij-2023-3-49-61

DOI: 10.20542/afij-2023-3-49-61

EDN: XGOQYI

УДК: 323+327(410)

Поступила в редакцию 04.04.2023.

После доработки 04.09.2023.

Принята к публикации 15.11.2023.

В статье исследуется проблема проведения Соединенным Королевством политики торможения глобального изменения климата с 90-х годов XX в. до даты (23 июня 2016 г.) проведения референдума о выходе страны из Европейского союза (так называемый Брексит). Британское участие в решении климатической проблемы рассматривается в эволюции: от первых подходов к снижению эмиссии парниковых газов консервативным кабинетом Джона Мейджора (1990–1997), через попытки наметить пути эффективного сокращения выбросов благодаря национальным усилиям, выполняя обязательства по линии ЕС и соблюдая положения соглашения ООН по климату (Киотский протокол) лейбористскими правительствами Тони Блэра (1997–2007) и Гордона Брауна (2007–2010), и до совершения конкретных шагов по выполнению международной и национальной “зеленой повестки” во время выхода Великобритании из глубокой рецессии и после нее коалиционным правительством Дэвида Кэмерона – Ника Клегга (2010–2015), а также консервативным кабинетом Дэвида Кэмерона (2015–2016). Проблема исследуется с привлечением большого числа официальных документов и Белых книг британских правительств, Министерства энергетики и борьбы с изменением климата, Министерства по вопросам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства и британского МИД. Статья показывает, что выполнение программ в области энергоэффективности и диверсификация британского энергетического сектора в сторону быстрого внедрения низкоуглеродных технологий – атомной энергетики и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – были главной движущей силой в деле сокращения эмиссии парниковых газов как важной части национальных и международных усилий по сдерживанию глобального изменения климата. Поддержка правительства британской быстро растущей “зеленой” экономики рассматривается в статье как путь к созданию британской и глобальной низкоуглеродной экономики будущего.

Ключевые слова: Великобритания, Европейский Союз, Организация Объединенных Наций (ООН), Брексит, изменение климата, эмиссия парниковых газов.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

THE UK CLIMATE CHANGE POLICY BEFORE BREXIT REFERENDUM

Received 04.04.2023. Revised 04.09.2023. Accepted 15.11.2023.

Tatiana N. ANDREEVA (andreeva@imemo.ru), ORCID 0000-0002-4160-8472,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article is devoted to the problem of the UK policy on containment of global climate change mitigation since the 1990s to the date (June 23, 2016) of referendum about the UK exit from the European Union (Brexit). The UK engagement in solving the climate problem is considered through time: starting from the first approaches to reducing greenhouse gas emissions made by the conservative cabinet of John Major (1990–1997), via the attempts to outline the ways to effectively cut greenhouse gas emissions by domestic efforts while meeting the EU commitments and adhering to the United Nations climate agreement (Kyoto protocol) by the labour cabinets of Tony Blair (1997–2007) and Gordon Brown (2007–2010), and up to making concrete steps done by David Cameron – Nike Klegg coalition cabinet (2010–2015) and the conservative cabinet of D. Cameron (2015–2016) in order to implement international and domestic ‘green agenda’ during the UK recovery from a deep recession and afterwards. The problem is scrutinized with the use of a vast number of official documents and White papers on the climate change policy of British governments, the UK Department of Energy and Climate Change, the UK Department of the Environment, Food and Rural Affairs and the Foreign Office. The article shows that the implementation of energy efficiency programs and the diversification of the British energy sector towards rapid application of the low-carbon technologies (the nuclear power and the renewable energy sources) were the main driving force behind the reduction of greenhouse gas emissions as an important part of the domestic and international efforts for global climate change mitigation. The government support to the UK fast-growing green economy is seen in the article as the way to create the British and global low-carbon economy of the future.

Keywords: United Kingdom, European Union, United Nations (UN), Brexit, climate change, greenhouse gases emission.

About the author: Tatiana N. ANDREEVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector for European Integration Political Aspects, Department for European Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

Премьер-министр Соединенного Королевства Маргарет Тэтчер (1979–1990) стала первым политиком в мире, поставившим в речи с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН в 1989 г. угрозу изменения климата из-за непоправимого ущерба окружающей среде (атмосфере, океанам и Земле) интенсивной жизнедеятельностью человечества в один ряд с такими традиционными, глобальными, политическими угрозами, как опасность применения оружия массового уничтожения, региональные войны. Подчеркнув растущую актуальность экологических проблем (вызывающих потепление климата) для всех стран в мире, она призвала дать адекватный глобальный ответ им всеобщими международными усилиями. Британский премьер призвала разработать Конвенцию по климату, а также соглашение по сохранению биоразнообразия. Обе Конвенции были приняты тремя годами позже – в 1992 г.

В числе 154 государств в июне 1992 г. Великобритания подписала рамочную Конвенцию ООН об изменении климата (*The UN Framework Convention on Climate Change, UNFCCC*). В ее задачу входило обуздать опасное вторжение человечества в климатическую систему

Земли, прежде всего благодаря стабилизации концентрации шести парниковых газов (ПГ)¹ в атмосфере планеты, чьи бесконтрольные выбросы ведут к глобальному потеплению. В декабре 1997 г. Королевство подписало Киотский протокол, определявший жесткий уровень сокращения выбросов ПГ для 37 индустриально развитых стран и Евросоюза. (Самые сильные эмитенты ПГ – США, Индия, Китай – не подписали этот документ) [1].

На момент подписания Киотского протокола Британия выбрасывала в атмосферу планеты больше ПГ, чем 15 стран Евросоюза вместе взятых (Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Португалии, Финляндии, Франции, Швеции) [2]. Генерация электроэнергии на угле и нефти в начале 90-х годов XX в. в Британии производила 4/5 [2] от общих выбросов ПГ страны, поэтому для реализации международных договоренностей по климату с 1993 г. и до конца 90-х годов XX в. консервативное правительство Дж. Мейджора сделало акцент на переводе на газ обширного парка работающих на угле и мазуте, устаревших ТЭС. Проводившаяся в этот период приватизация энергетических объектов и сетей способствовала внедрению новых технологий в энергетический сектор страны, что также уменьшало эмиссию. Благодаря таким шагам с 1990-х годов по 2005 г. выбросы британского энергетического комплекса ежегодно сокращались быстрее, чем в других странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ЕС (на 0.7% [2]), не мешая росту британской экономики. В этот же период британцам удалось существенно сократить выбросы еще одного компонента ПГ – метана.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТОРМОЖЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЛЕЙБОРИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ Т. БЛЭРА

В целях дальнейшего снижения выбросов CO₂ и успешного сдерживания климатических изменений в 2000 г. британским правительством Тони Блэра (1997–2007) была инициирована Программа противодействия климатическим изменениям². В соответствии с ней Британия взяла обязательство дальнейшего сокращения ПГ на 60% к 2050 г. Это же обязательство было продублировано в Белых книгах по энергетике от 2003 и 2006 гг. Достижение озвученных целей требовало от британских правительств новых, капиталоемких способов реализации климатической повестки (дешевые способы были уже по большей части использованы). Сокращение выбросов должно было осуществляться быстрыми темпами без негативного влияния на развитие британской экономики благодаря частным инвестициям в развитие новых технологий генерации электроэнергии и созданию нового вида транспорта, работающего на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ). Также предстояло снизить энергопотребление в быту и на производстве, увеличивая энергоэффективность жилого, офисного и производственного фондов.

Успех предпринятых усилий стал очевиден в 2005 г. Тогда выяснилось, что при снижении эмиссии ПГ с 1997 по 2005 гг. на 15% британская экономика росла быстрыми темпами (в среднем на 2.8% в год) и выросла на 17%. К 2005 г. доля страны в общемировых объемах выбросов ПГ составляла 2%, тогда как доля ЕС – около 15%³. В 2005 г. в Великобритании уже во всю функционировала схема торговли квотами на выбросы ПГ (*UK Emissions Trading Scheme*), и ее успехи в сокращении выбросов были несомненны⁴. Выбросы стали предметом купли-продажи; меры по их снижению приносили прибыль. Центром торговли квотами на выбросы CO₂ был Лондон.

¹ В понятие “парниковые газы” включают шесть газов: углекислый газ (диоксид углерода или CO₂), окись азота (N₂O), метан (CH₄), хлорфторуглероды (фреоны, HFCs), пер- и полифторированные соединения (PFCS), фторид серы (SF₆). Поскольку углекислый газ составляет примерно 90% эмиссии ПГ, и страны прежде всего занимаются сокращением его концентрации в атмосфере Земли, то обычно ПГ также называют CO₂.

² *The UK Climate Change Programme 2000*. Select Committee on Environment, Food and Rural Affairs. Ninth Report. 2005. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200405/cmselect/cmenvfru/130/13006.htm> (accessed 28.03.2023).

³ *Speech by the Rt Hon Gordon Brown MP, Chancellor of the Exchequer, at the Energy and Environment Ministerial Roundtable*. 15.03.2005. Available at: http://www.g7.utoronto.ca/environment/env_brown050315.htm (accessed 10.03.2023).

⁴ В 2006 г. британская схема торговли квотами на выбросы ПГ была заменена Европейской системой торговли квотами на выбросы ПГ (*European Union Emissions Trading System, EU ETS*), которая стала основой для выработки странами Евросоюза стратегий по снижению эмиссии ПГ и была направлена на выполнение обязательств Киотского протокола.

Исходя из вышеперечисленных фактов тогдашний министр финансов Гордон Браун сделал вывод, что политика в области противодействия изменению климата совместима с высокими экономическими показателями, нужно только стимулировать развитие НИОКР и повысить производительность, в первую очередь в области эффективного использования энергии⁵. В этой связи был поставлен вопрос о развитии в Великобритании рынков энергоуслуг (*energy services markets*). Для укрепления конкурентоспособности экономики Европы в глобальной экономике британцы предлагали увязать успешное экономическое развитие стран Евросоюза с широким повсеместным внедрением, прежде всего, идей развития энергоэффективности⁶.

К 2005 г. британцам также стало понятно, что после окончания действия Киотского протокола (после 2012 г.) без подключения к международным, коллективным усилиям по сдерживанию изменений климата таких наиболее крупных эмитентов ПГ, как Китай, Индия, и особенно промышленно развитой державы № 1 в мире – США, будет невозможно эффективно достигнуть этих целей. Оказание финансовой и технической помощи развивающимся странам в деле адаптации к климатическим изменениям и сокращения эмиссии ПГ выглядело отдельной трудновыполнимой задачей.

США изначально уклонились от участия в международной климатической повестке, заявляя, что меры по противодействию климатическим изменениям нанесут ущерб развитию американской экономики. В этой связи Г. Браун поручил в июле 2005 г. председателю Научно-исследовательского института Грэнтхема по изменению климата и окружающей среды профессору лорду Николасу Стерну изучить вопросы экономики изменения климата [3]. (Доклад также должен был ответить на вопрос, возможно ли сделать Великобританию низкоуглеродной экономикой).

В докладе, опубликованном по результатам исследования в октябре 2006 г., делался вывод, что проблема изменения климата влечет серьезные глобальные последствия, требует международного, коллективного ответа, а выгоды от решительных и превентивных мер в этой области значительно превосходят экономические выгоды бездействия. Проблема влияет на экономический рост и развитие всех стран на планете, а ее игнорирование наносит ущерб развитию глобальной экономики в целом [4]. Для решения проблемы изменения климата в докладе предлагалось установить цену ПГ, используя налогообложение, торговлю квотами на выбросы или внутриотраслевое регулирование; увеличить инвестиции в НИОКР и в развитие новых технологий благодаря введению ограничений на промышленные выбросы; изменить образ жизни населения благодаря широкому спектру действий – от разъяснительной работы и до изменения предлагаемого в магазинах ассортимента товаров.

По итогам доклада Британия вместе с другими 170 государствами обязалась сократить выбросы ПГ (считая это наиболее действенной мерой по стабилизации климата), даже несмотря на предстоящие издержки для своей политики в топливно-энергетической сфере.

В Энергетическом обзоре⁷ 2006 г. предлагался путь сокращения выбросов ПГ на 60% к 2050 г. (при реальном прогрессе к 2020 г.) с сохранением экономического роста страны. Делался упор на развитии атомной энергетики как на наиболее надежном низкоуглеродном источнике дешевой энергии, подкрепленном активным внедрением новых, дорогостоящих технологий генерации на ВИЭ (на энергии ветра, солнца, приливов и биотоплива) и увеличением энергоэффективности домохозяйств и офисных зданий. Однако международная неправительственная экологическая организация *Greenpeace* на годы вперед в судебном порядке заблокировала возможность развития в стране атомной энергетики. Оставался путь содействия развитию Европейской системы

⁵ *Speech by the Rt Hon Gordon Brown MP...* Op. cit.

⁶ Увеличение энергоэффективности является наиболее дешевым и самым эффективным способом снижения выбросов ПГ, поскольку домохозяйства выбрасывают в атмосферу 1/3 ПГ страны.

⁷ *The Energy Challenge. The Energy Review Report 2006*. Cm 6887. July 2006. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/272376/6887.pdf (accessed 01.04.2023).

торговли квотами на выбросы и применению климатического налога на промышленные и социальные сектора британской экономики как экономически действенного стимула для частного инвестирования в новые технологии снижения выбросов ПГ: в дороге в тот период технологии ВИЭ-генерации и в технологии увеличения энергоэффективности.

Правительство Т. Блэра считало сохранение энергии самым дешевым способом и отправной точкой для снижения выбросов CO_2 , поэтому в 2006 г. появился отдельный Акт об изменении климата и устойчивом развитии⁸. Закон был направлен на решение проблем энергоэффективности и энергосбережения для снижения выбросов ПГ и снижения уровня топливной бедности. Планировалось расширить обогрев домохозяйств и офисов с помощью электрических обогревателей; гораздо активнее использовать установки по микрогенерации электричества (солнечные батареи, ветровые наземные электростанции).

В Белой Книге “Решение задач в области энергетики”⁹ от мая 2007 г. решение проблемы изменения климата рассматривалось как одна из наиболее значимых, первоочередных задач для успешного стратегического развития энергетического комплекса страны. Для реализации задачи преобразования британской экономики в низкоуглеродную констатировалась необходимость строительства новых низкоуглеродных электростанций при увеличении энерго мощностей страны до 30–35 ГВт·ч в течение ближайших 20 лет. Высказывалась поддержка строительству АЭС, расширению использования биомассы как источника энергии и развитию генерации на ВИЭ. Последний вид генерации к 2020 г. должен был давать 5% электроэнергии от общего потребления страны. Впервые в целях скорейшего снижения выбросов фиксировались намерения перевести работу транспорта в 2008–2009 гг. на ВИЭ. При этом планировалось использование биотоплива на транспорте на 5% к 2010–2011 гг.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТОРМОЖЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. БРАУНА

Считая проблему глобального изменения климата одной из наиболее важных для человечества, новое лейбористское правительство Г. Брауна (28 июня 2007 – 11 мая 2010 г.) вслед за предыдущими лейбористскими правительствами Т. Блэра сделало заявку на лидерство страны в мире при решении задачи торможения глобального потепления климата к концу XXI в. Это было тем более актуально в связи с приближением окончания действия Киотского протокола (1997–2012) и необходимостью замены его новым международным соглашением по климату, призванным благодаря международным согласованным действиям по радикальному сокращению выбросов ПГ стабилизировать их концентрацию в атмосфере Земли на основании принципа общей, но дифференцированной ответственности и возможностей. В этой связи Великобритания стремилась продвигать свои подходы к решению проблемы, как благодаря внутриэкономическим преобразованиям (направленным на создание низкоуглеродной экономики), так и внешнеполитическим шагам, прежде всего поддерживая международные инициативы ЕС.

В свете прогнозов стремительного увеличения выбросов ПГ в течение ближайших 10 лет из-за быстрого развития мировой экономики, Британия предлагала (благодаря инвестициям в энергетику в размере 22 трлн долл. в течение 20 лет) создать глобальную низкоуглеродную экономику с глобальным углеродным рынком¹⁰. В центре такого рынка должна была находиться Европейская система торговли квотами на выбросы ПГ с базированием в лондонском Сити. При этом по новому соглашению квоты на выбросы распространялись на все промышленно развитые страны, включая США.

⁸ *Climate Change and Sustainable Energy Act 2006*. 26.06.2006. Available at: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/uk77811.pdf> (accessed 28.03.2023).

⁹ *Meeting the Energy Challenge: a White Paper on Energy*. Cm 7124. May 2007. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/meeting-the-energy-challenge-a-white-paper-on-energy> (accessed 28.03.2023).

¹⁰ *Speech by the PM the Right Honorable Gordon Brown, MP on Climate Change Hosted by the WWF at the Foreign Press Association*. 19.11.2007. Available at: http://www.gov.uk/publicrelations/images/PM_Climate_Change_Speech_191107.pdf (accessed 12.03.2023).

Способствуя преобразованию Европы в первую в мире низкоуглеродную экономику, Британия намеревалась участвовать в обязательствах ЕС по производству к 2020 г. 20% энергии на ВИЭ¹¹. Так появилась цель перевести к 2050 г. всю генерацию электричества, большинство домохозяйств и транспорта Британии на ВИЭ, тем более что $\frac{1}{2}$ тепловых электростанций (ТЭС) устарели и выводились из эксплуатации в ближайшие 20 лет. Стремясь к удешевлению при увеличении надежности технологий генерации на ВИЭ, правительство Г. Брауна выделило 1 млрд ф. ст. на НИОКР и еще 370 млн ф. ст. для быстрого развития этих технологий и их успешного продвижения на британском и международных рынках [5].

Для преобразования экономики страны в низкоуглеродную в октябре 2008 г. было создано Министерство энергетики и борьбы с изменением климата (*Department of Energy and Climate Change*). А в ноябре 2008 г. появился Закон об изменении климата (*The Climate Change Act*)¹², обновивший программу борьбы с климатическими изменениями от 2000 г. и законодательно закрепивший задачу сделать Великобританию низкоуглеродной экономикой к середине XXI в. Благодаря принятию этого закона Великобритания оказалась в этот период единственной страной в мире, закрепившей рамки для реализации долгосрочной цели сокращения выбросов ПГ в атмосферу Земли на 80% к 2050 г. (исходя из показателей 1990 г.). Промежуточной целью стало сокращение выбросов на 26–32% к 2020 г. Сроки сокращения выбросов, закрепленные законом, перекрывали сроки действия Киотского протокола (до 2012 г.), а масштаб сокращаемых Британией выбросов был больше заявленного ЕС 20%-го сокращения эмиссии ПГ к 2020 г.

Для реализации долгосрочной цели определялись промежуточные рамки по сокращению выбросов в виде пятилетних углеродных бюджетов. Каждые пять лет правительство было обязано публиковать оценку рисков изменения климата и в соответствии с этой оценкой разрабатывать Программу национальной адаптации, основные направления развития которой определялись на пятилетний срок вместе с углеродным бюджетом. Первые три пятилетних плана – 2008–2012, 2013–2017 и 2018–2022 гг. – успешно реализованы. На момент публикации статьи страна начала реализацию двух других – 2023–2027 и 2028–2032 гг.; а в шестой углеродный бюджет 2033–2037 гг. включили долю страны в выбросах международной авиации. Для гарантированного успешного достижения конечной цели упор в вопросе сокращения эмиссии был сделан на диверсификацию энергетического сектора страны, производящего около $\frac{1}{4}$ части глобальной эмиссии CO_2 . Сокращение выбросов авиационного и судоходного секторов британской экономики рассматривалось в качестве целей последующих углеродных бюджетов.

Министерство энергетики и борьбы с изменением климата разрабатывает углеродные бюджеты и предоставляет предложения по их исполнению, а основной консультативный орган и вневедомственная общественная организация – Комитет по изменению климата (*Committee on Climate Change, CCC*) (создана в декабре 2008 г.) – дает рекомендации по формированию бюджетов и следит за их реализацией. В качестве инструмента для достижения целей сокращения выбросов парниковых газов закон создавал схемы торговли квотами на широкий спектр всевозможных вариантов загрязнений атмосферы и окружающей среды в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, схожие с Европейской схемой торговли квотами на эмиссию ПГ. Создавались рамки для адаптации страны к климатическим изменениям. Основные направления развития программы национальной адаптации определялись на пятилетний срок вместе с углеродным бюджетом. Нововведением закона стало включение в соответствии с рекомендациями доклада Н. Стерна положений, направленных на борьбу с изменением климата благодаря изменению образа жизни людей. Для этого создавались схемы сокращения отходов (*waste reduction schemes*), стимулирующие сбор остатков мусора

¹¹ В 2007 г. только 9,5% электроэнергии Великобритании вырабатывалось низкоуглеродным способом: 7,5% – на энергии атома и только 2% на ВИЭ. Последний показатель был гораздо ниже, чем у большинства других стран ЕС. См.: *Speech by the PM, the Right Honorable Gordon Brown...* Op. cit.

¹² *Climate Change Act 2008*. Available at: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2008/pdf/ukpga_20080027_en.pdf (accessed 15.03.2023).

после его переработки за вознаграждение; вводилась плата за одноразовые пластиковые пакеты крупными продавцами товаров; фиксировались перспективные обязательства по переводу транспорта на возобновляемые источники энергии. Проблема повышения энергоэффективности была упомянута в разделе “Прочие вопросы”.

Поскольку глобальный рынок низкоуглеродных экологических товаров и услуг в 2007–2008 гг. был больше 3 трлн ф. ст., а на Британию приходилось 3.5% или 107 млрд ф. ст., правительство Г. Брауна в условиях разразившегося мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. сделало ставку на развитие экологической промышленности как на путь выхода страны из рецессии [6]. Стимулируя развитие британской экономики в этом направлении, в апреле 2009 г. правительство озвучило требование сократить выбросы на 34% к 2020 г.¹³ Тенденция получила дальнейшее развитие в Плане низкоуглеродного перехода страны от 15 июля 2009 г.¹⁴, в рамках которого ставилась задача производить в стране к 2020 г. 30% электроэнергии, 12% тепла и 10% топлива на ВИЭ. Преобразование Великобритании в низкоуглеродную экономику рассматривалось кабинетом Г. Брауна как источник долгосрочного процветания страны благодаря созданию новых рабочих мест, стимулированию развития и внедрения инновационных технологий, привлечению и быстрому накоплению капиталов.

Несмотря на провал в декабре 2009 г. международной конференции сторон Рамочной Конвенции ООН по изменению климата в Копенгагене [7], британский премьер поставил задачу сделать страну глобальным лидером не только в финансировании разработок низкоуглеродных технологий, но и в развитии генерации электроэнергии на ветре, на энергии волн и атома, а также на других низкоуглеродных источниках энергии¹⁵. А в январе 2010 г. Г. Браун объявил о выделении на развитие в стране ветровой шельфовой генерации порядка 75 млрд ф. ст. с тем, чтобы к 2020 г. дополнительно произвести 32 ГВт·ч “чистой энергии”¹⁶. Были также запущены несколько программ помощи населению и бизнесу в области повышения энергоэффективности жилых и офисных помещений, развивалась программа “умных” электросетей, шли разработки низкоуглеродного транспорта.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТОРМОЖЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КЭМЕРОНА–КЛЕГГА

После парламентских выборов 2010 г. решением задачи снижения выбросов ПГ в атмосферу Земли, в том числе и путем создания экологически чистой, низкоуглеродной экономики, стало заниматься коалиционное правительство консерватора Дэвида Кэмерона [8] и либерального демократа Николаса Клегга (11 мая 2010 – 8 мая 2015 г.). Обе партии изначально (вслед за предыдущими лейбористскими правительствами) выступали за эволюцию британской экономики в сторону низкоуглеродной при сокращении выбросов вредных веществ наименее затратными и наиболее эффективными способами: благодаря увеличению энергоэффективности жилого и производственного фондов параллельно с декарбонизацией энергетического сектора экономики. Декарбонизация транспортного сектора (внедрение электрифицированного автомобильного и железнодорожного транспорта) зависела от успехов в области производства “чистой” энергии.

Реализация коалиционным правительством “самой зеленой повестки”, означавшей ускоренное развитие экологической промышленности путем, прежде всего, инвестиций в развитие низкоуглеродной генерации, сохранение лидерства в рамках Евросоюза и на

¹³ Jowit J. Budget 2009: Darling Promises 34% Emissions Cut with World's First Binding Carbon Budgets. *The Guardian*, 22.03.2009. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2009/apr/22/carbon-emissions-budget-20091> (accessed 01.04.2023).

¹⁴ *The UK Low Carbon Transition Plan: National Strategy for Climate and Energy*. Department of Energy and Climate Change. 15.07.2009. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/the-uk-low-carbon-transition-plan-national-strategy-for-climate-and-energy> (accessed 01.04.2023).

¹⁵ *Historic Press Release: A Greener Future for Britain – Gordon Brown*. December 2009. Available at: <https://www.ukpol.co.uk/historic-press-release-a-greener-future-for-britain-gordon-brown-december-2009/> (accessed 10.03.2023).

¹⁶ *Historic Press Release: Gordon Brown Heralds Major Wind Energy Expansion*. January 2010. Available at: <https://www.ukpol.co.uk/historic-press-release-gordon-brown-heralds-major-wind-energy-expansion-january-2010/> (accessed 28.01.2023).

международной арене в вопросах торможения глобального потепления и продвижение новых международных договоренностей в рамках ООН по климату натолкнулись на необходимость выведения страны из чрезвычайно глубокого экономического спада и снижения внешнего долга. Воплощению в жизнь “зеленых” инициатив правительства препятствовало и жесткое противодействие большей части членов Консервативной партии, которая в условиях сокращения ассигнований на оборону страны и на строительство нового социального жилья рассматривала введение налогов на выбросы или новых экологических ограничений как угрозу для безопасности страны и для ее экономического восстановления [9]. Не убеждали эту часть консерваторов в полезности приоритетной реализации “зеленой повестки” росшие даже в период рецессии 2010–2011 гг. показатели низкоуглеродного сектора британской экономики¹⁷.

Приближение сроков закрытия старых угольных ТЭС в условиях стесненных финансовых возможностей заставляли правительство искать баланс между бесперебойной подачей электроэнергии потребителям по доступной цене и выполнением взятых по линии ЕС и ООН обязательств по сокращению эмиссии ПГ.

Несмотря на появившуюся в весеннем бюджете 2011 г. заметную приоритетность мероприятий по оживлению британской экономики над климатической политикой, приверженность правительства Кэмерона–Клегга реализации “зеленой повестки” проявилась в обязательствах правительства сократить выбросы ПГ во время действия четвертого углеродного бюджета (2023–2027) на 50% к 2025 г. и на 80% к 2050 г.¹⁸ Готовность реализовать такую амбициозную климатическую повестку делала Великобританию мировым лидером в переходе к глобальной низкоуглеродной экономике и ставила задачу резкого роста частных инвестиций в “чистую энергию”, в том числе для увеличения финансирования НИОКР по созданию дешевых и более мощных шельфовых ветровых турбин¹⁹.

Летом 2011 г. Д. Кэмерон попытался привлечь новые частные инвестиции в развитие, прежде всего, генерации на ВИЭ, навязав Евросоюзу увеличение обязательств по сокращению ПГ с 20% до 30% (от показателей 1990 г.) к 2020 г. и вызвав таким образом значительный рост стоимости эмиссии ПГ в рамках Европейской системы торговли квотами на выбросы CO₂. Однако члены Консервативной партии в Европейском парламенте провалили предложение британского премьера, считая, что без предварительного заключения международного юридически обязывающего соглашения по климату с четко обозначенными сроками и обязательствами по сокращению ПГ такая инициатива ЕС вела к дальнейшему снижению конкурентоспособности европейских компаний на мировых рынках и к удорожанию электроэнергии для домохозяйств.

В рамках “зеленого курса” коалиционного правительства впервые за 20 лет в июне 2011 г. была опубликована Белая книга по вопросам защиты окружающей среды и расширения естественных мест обитания дикой флоры и фауны в Англии²⁰. А в ожидании появления негативных последствий для экономического роста страны и экологии от потепления климата в сочетании с ростом населения страны в ноябре 2011 г. появилась Белая книга “Вода для жизни”²¹. Загрязнение воздуха выбросами британской промышленности и транспорта вызывало отдельное беспокойство правительства, поскольку обходилось стране ежегодно в 9.5–15.5 млрд ф. ст. в виде нанесения вреда здоровью населения и

¹⁷ Доля Британии в глобальном производстве низкоуглеродных товаров и услуг в 2010–2011 гг. составляла почти 180 млрд долл. Ежегодный прирост глобального рынка этого вида товаров и услуг составлял 5%, а глобальная рыночная стоимость низкоуглеродных и экологических товаров и услуг в конце 2011 г. была больше 5.2 трлн долл. См.: *Foreign Secretary Calls for Carbon Economic Growth*. 19.01.2011. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-calls-for-low-carbon-economic-growth> (accessed 10.03.2023).

¹⁸ Huhne C. *UK Proposes Fourth Carbon Budget*. 17.05.2011. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/uk-proposes-fourth-carbon-budget> (accessed 28.02.2023).

¹⁹ *UK Carbon Budget Will Cut Emissions and Promote Innovation*. 25.05.2011. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/uk-carbon-budget-will-cut-emissions-and-promote-innovation> (accessed 10.03.2023).

²⁰ *The Natural Choice: Securing the Value of Nature*. 2011. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228842/8082.pdf (accessed 10.03.2023).

²¹ *Water for Life*. 2011. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/water-for-life> (accessed 10.03.2023).

экологии. В 2011 г. Британия была третьим эмитентом в Европе после Германии и Польши, развитие экономики которого продолжало почти полностью зависеть от сжигания угля. Она также занимала второе место после Германии (17) по числу загрязняющих атмосферу производств (16)²².

В преддверии очередной конференции сторон Рамочной Конвенции ООН по изменению климата в Дурбане (ЮАР, декабрь 2011 г.), тогдашний министр финансов Дж. Осборн усомнился в верности постулата лейбористского правительства Г. Брауна о пользе развития экологического сектора экономики для выведения страны из рецессии. В свете тяжелого выхода страны из глубокой рецессии он однозначно высказался в пользу приоритетного восстановления и развития британской экономики перед достижением целей сдерживания глобального потепления климата благодаря согласованному на международном уровне сокращению выбросов ПГ. По его мнению, политика по сокращению эмиссии ПГ и защите окружающей среды являлась роскошью, которую можно позволить только в период экономического роста страны.

Тем не менее к 2011 г. (включительно) в стране уже был создан самый крупный в мире, динамично развивавшийся рынок наземных и шельфовых ветровых электростанций. Однако дороговизна технологий строительства шельфовых ветровых и солнечных электростанций (прежде всего из-за того, что меньше трети необходимых для их строительства оборудования, запчастей, материалов и услуг производилось в Великобритании) и низкая эффективность их работы (зависимость от погодных условий и времени суток) заставили тогдашнего министра энергетики Эдварда Дейви усомниться в возможности закрыть только с помощью низкоуглеродной генерации брешь в британской энергетике, возникшую из-за выведения из эксплуатации в течение десятилетия пятой части устаревших ТЭС и АЭС. Сомнения усиливались из-за отсутствия технологий строительства батарейных подстанций для накопления ветровой и солнечной энергии с целью ее доставки потребителям в часы пик и при вынужденном простое таких электростанций. Поскольку развитие атомной энергетики было скомпрометировано аварией на Фукусимской АЭС, а стоимость строительства шельфовых ветровых электростанций все еще оставалась достаточно высокой при низкой эффективности их работы, развитие генерации на газе (особенно в свете планов добычи дешевого британского сланцевого газа) смотрелось наиболее перспективной, гибкой, резервной возможностью для расширения запаса прочности энергетического сектора. Так, газу стала отводиться жизненно важная роль при диверсификации энергетического сектора в сторону создания к 2050 г. низкоуглеродной устойчивой экономики при условии оснащения газовых ТЭС технологиями улавливания и складирования CO₂²³. Однако за семь лет разработок в этой области к 2012 г. на основе технологии улавливания и складирования ПГ в Великобритании не было построено ни демонстрационного, ни коммерческого проектов. Проводить декарбонизацию транспортного или сельскохозяйственного секторов экономики было еще более затратно и технически менее реалистично, чем энергетического.

Несмотря на крен в рамках диверсификации британского энергетического комплекса в сторону развития генерации на газе, 31 октября 2012 г. премьер заявил о неизменности политики его правительства в отношении развития генерации на ВИЭ. Дополнительно ВИЭ-генерация²⁴ рассматривалась низкоуглеродной и надежной альтернативой поставкам нефти и газа из других стран (в свете уменьшения запасов Северного моря). В пользу заявления премьера говорил тот факт, что возобновляемая промышленность и другие низкоуглеродные “зеленые” производства были одной из немногих областей британской экономики, которые показали уверенный рост во время финансового кризиса 2008–2009 и рецессии 2010–2012 гг.²⁵

²² Vidal J., Gersmann H. Industrial Pollution 'Costs UK Billions Each Year'. *The Guardian*, 24.11.2011. Available at: <http://www.guardian.co.uk/environment/2011/nov/24/industrial-pollution-costs-uk-billions> (accessed 28.02.2023).

²³ Davey E. *Davey Sets out Measures to Provide Certainty to Gas Investors*. 17.03.2012. Available at: www.gov.uk/government/news/davey-sets-out-measures-to-provide-certainty-to-gas-investors (accessed 10.03.2023).

²⁴ К этой дате в 324 пунктах в Великобритании уже функционировало 4400 ветровых наземных турбин, вырабатывавших 3% электроэнергии страны. К 2020 г. планировалось строительство еще 4 тыс. турбин такого рода.

²⁵ Harvey F. Green Groups Attack Government Resistance to EU Climate Change Goals. *The Guardian*, 26.05.2013. Available at: <http://www.guardian.co.uk/environment/2013/may/26/green-campaigners-attack-government-climate-change> (accessed 28.02.2023).

В свете международных обязательств по климату в октябре 2012 г. Великобритания организовала новый Фонд окружающей среды и климата заморских территорий, который ежегодно должен был выделять им около 2 млн ф. ст.²⁶ На климатической конференции ООН в Дохе (Катар, декабрь 2012 г.) Великобритания совместно с другими членами Евросоюза убеждала стороны взять обязательства по сокращению ПГ на 42% к 2020 г. и продлить срок действия Киотского протокола до 2020 г., заключив в 2015 г. следующий международный договор, юридически обязывающий стороны сокращать ПГ с 2020 г. [10] Невзирая на проволочки с созданием фонда адаптации развивающихся стран к климатическим изменениям, британская сторона обязалась выделить бедным странам мира до 2015 г. 2 млрд ф. ст.

Несмотря на жесткое противодействие консерваторов-евроскептиков продвижению “зеленых” инициатив, в конце правления коалиционное правительство не снизило показатели сокращения выбросов ПГ четвертого углеродного бюджета (50%-ное сокращение ПГ в течение 2023–2027 гг. от уровня 1990 г.), делавшие Британию мировым лидером в борьбе с изменением климата [11]. При этом к сентябрю 2014 г. страна сократила выбросы парниковых газов на ¼ от уровня 1990 г., за 2010–2014 гг. удвоила возможности выработки электроэнергии на ВИЭ, с помощью ветровой генерации обеспечивала электричеством 4 млн домохозяйств, а с помощью солнечной – почти 1 млн. Великобритания ввела мораторий на строительство новых угольных ТЭС, а лондонский Сити стал мировым финансовым центром торговли квотами на выбросы CO₂. Для развития “зеленой экономики” был создан первый в мире Зеленый инвестиционный банк (*Green Investment Bank*) с бюджетом в 3 млрд ф. ст., а для внедрения технологий улавливания и складирования ПГ был выделен 1 млрд ф. ст. Кроме того, Великобритания была готова потратить в течение пяти лет на проблемы климата около 4 млрд ф. ст. из 0.7% валового национального дохода (ВНД) по линии помощи развитию ООН. Коалиционное правительство стремилось уйти от выбора между достижением экономического роста и снижением углеродных выбросов, с готовностью продвигая все направления низкоуглеродной энергетики, включая атомную энергетику и фрекинг шельфового газа. Формируя бюджет страны на 2015 г., правительство сохранило субсидии на развитие ветровой энергетики, стимулируя шельфовую ветровую генерацию за счет снижения финансирования наземной ветровой генерации в расчете на возможность реализации таким способом целей сокращения ПГ к 2020 г. Для увеличения энергоэффективности жилого фонда развивались программы “зеленая сделка” и “умный дом”.

В преддверии климатического саммита ООН в Париже в декабре 2015 г. в качестве новой климатической цели ЕС Королевство продвигало 40%-ное сокращение выбросов ПГ к 2030 г. (от уровня 1990 г.)²⁷ и, будучи одним из ведущих акторов ЕС в деле торможения глобальных климатических изменений, перечислило по линии международного Зеленого климатического фонда в 2011–2016 гг. 3.87 млрд ф. ст. в поддержку развивающимся странам²⁸.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТОРМОЖЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Д. КЭМЕРОНА

Для пришедшего к власти в мае 2015 г. нового консервативного правительства Д. Кэмерона проблема вывода из эксплуатации в ближайшие годы устаревших угольных ТЭС и АЭС, а также связанных с этим событием перебоев в подаче электроэнергии британским потребителям встала еще острее, чем для предыдущих правительств [12]. Поэтому вслед за одобрением в начале сентября 2015 г. строительства двух проектов по

²⁶ *Government Launches New Environment and Climate Fund for the UK's Overseas Territories*. 17.10.2012. Available at: <http://www.fco.gov.uk/en/news/latest-news/?view=News&id=824235082> (accessed 10.03.2023).

²⁷ *UN Climate Summit 2014: David Cameron's Remarks*. 23.09.2014. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/un-climate-summit-2014-david-camersons-remarks> (accessed 10.03.2023).

²⁸ *European Climate Diplomacy Day*. 17.06.2015. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/european-climate-diplomacy-day-17-june-2015> (accessed 10.03.2023).

улавливанию и складированию CO_2 на двух газовых ТЭС, правительство сделало акцент на форсировании строительства новых, дорогостоящих низкоуглеродных источников энергии – АЭС, гарантировавших бесперебойную подачу энергии в дома британцев. По замыслу тогдашнего министра финансов Дж. Осборна, атомная энергетика должна была стать важной частью будущей структуры британского топливно-энергетического баланса, тогда как газовые ТЭС (на сланцевом газе), а не ВИЭ-генерация, дополняли атомную энергетiku. Существенно подешевевшая за последние 15 лет при строительстве и в эксплуатации безуглеродная генерация на ветре и солнце снижала выбросы ПГ и уязвимость страны перед поставками энергии и топлива из-за рубежа, но в силу эксплуатационных особенностей и снизившихся масштабов строительства не могла закрыть нехватку электроэнергии. Так на первый план в британской политике вышла проблема превалирования обеспечения энергобезопасности страны (гарантированного, бесперебойного обеспечения населения электроэнергией и топливом по доступной цене) над проблемой глобального потепления. А газ и атомная энергия стали рассматриваться как главные ресурсы будущего британского энергетического комплекса.

Долгосрочное политическое вмешательство с помощью прямого инвестирования в низкоуглеродные технологии, такие как ветер, солнечная и атомная энергетика, сделали невыгодным инвестирование в строительство новых газовых ТЭС, а также двух АЭС (которые после введения в эксплуатацию должны были давать $1/3$ низкоуглеродного электричества страны). Поэтому в преддверии решающего саммита ООН по климату в конце ноября 2015 г. правительство начало активное сворачивание 10-летних успешных наработок в деле строительства процветающей низкоуглеродной “зеленой” экономики. Прекратилось финансирование технологий улавливания CO_2 (300 млн евро были возвращены ЕС) и программ “зеленая сделка” и “умный дом”. Финансирование программы строительства новых энергоэффективных домов сократилось на 83%, а на 40% урезалась программа “зеленой” системы теплоснабжения (*green heating scheme*). Упразднили налоговые льготы для покупки электромобилей. Правительство попыталось продать активы Зеленого инвестиционного банка. Прекращалась поддержка строительства наземных ветровых и крупных солнечных электростанций, развития биогазовой энергетики и энергетики на биомассе. Началось субсидирование ускоренной добычи и использования нефти и газа. Снижился рейтинг привлекательности страны для инвестиций в “чистую” энергетiku.

На внешнеполитической арене Британия продолжала участие в продвижении климатической повестки и в переходе к глобальной низкоуглеродной экономике²⁹. Но ее участие в Парижском соглашении (декабрь 2015 г.), закрепившем намерения стран-подписантов двигаться в сторону низкоуглеродного энергетического будущего, также не помешало сворачиванию инвестиций в “зеленую” энергетiku. Так, британское правительство урезало финансирование солнечной энергетики на 65%³⁰ и проинвестировало развитие грязной дизельной энергетики для закрытия бреши в энергопоставках в 2018 г. и последующие годы.

Однако продолжала реализовываться программа закрытия угольных шахт; озвучивались планы улучшения качества воздуха к 2020 г. в ряде британских промышленных городов: в Бирмингеме, Лидсе, Ноттингеме, Дерби, Саутгемптоне. Параллельно с планами развития газовой и нефтяной промышленности Королевства³¹ и строительства новой АЭС Хинкли Пойнт С, в мае 2016 г. британское правительство совместно с шотландским приняло решение о сооружении возле города Петерхед (Абердиншир) самой крупной в мире плавучей шельфовой ветровой электростанции.

На момент проведения референдума о выходе Великобритании из ЕС за счет

²⁹ Vaughan A., Harvey F. UK Has ‘Lost World Climate Leadership Role’ by Axing Domestic Green Policies. *The Guardian*, 10.12.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2015/dec/10/paris-climate-talks-uk-leadership-role-lost-due-axeing-green-policies-home> (accessed 10.03.2023).

³⁰ Macalister T. UK Solar Panel Subsidy Cuts Branded ‘Huge and Misguided’. *The Guardian*, 17.12.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2015/dec/17/uk-solar-panel-subsidies-slashed-paris-climate-change> (accessed 10.03.2023).

³¹ PM Announces Further Boost for UK Oil and Gas Industry. 28.01.2016. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/pm-announces-further-boost-for-uk-oil-and-gas-industry> (accessed 16.03.2023).

диверсификации энергетического сектора с 1990 по 2016 г. страна сократила выбросы быстрее развитых стран Группы семи на 42%. А после проведения референдума и в конце правления кабинета Д. Кэмерона британский парламент принял (30 июня 2016 г.) Пятый углеродный бюджет, обязавший страну радикальнее ЕС сократить эмиссию ПГ между 2028–2033 гг. на 57%.

Одобрение бюджета Парламентом было воспринято британским истеблишментом как ответ большинства членов правительства и парламента на навязывание сначала министром финансов Дж. Осборном в коалиционном правительстве Кэмерона–Клегга, а затем министром энергетики А. Радд в кабинете Д. Кэмерона политики приоритетного развития газовой генерации. Укрепилась уверенность инвесторов в готовности Британии продолжать ускоренное развитие ВИЭ-генерации и форсированное строительство новых АЭС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великобритания стала первой страной в мире, чей премьер-министр с трибуны ООН поставил перед международным сообществом проблему существования одной из наиболее опасных для человечества невоенных угроз – глобального изменения климата вследствие разрушающей атмосферу и экологию планеты деятельности человека. В рассматриваемый в статье период Великобритания придавала большое значение организации многосторонних усилий по линии ООН и Европейского союза в борьбе с потеплением климата. Фактически она играла роль лидера в формировании региональной и глобальной климатической повестки, являясь примером для других стран мира в деле сокращения собственной эмиссии парниковых газов благодаря увеличению энергоэффективности домохозяйств, внедрению ресурсосберегающих технологий и диверсификации энергетического сектора путем активного внедрения дорогой ВИЭ-генерации.

Коммерциализация выбросов парниковых газов с помощью сначала британской, а затем европейской схемы торговли квотами способствовала быстрому развитию “зеленого” сектора экономики и рынков энергоуслуг, открыла широкие возможности для экономического роста страны одновременно с противодействием климатическим изменениям и наметила путь развития национальной экономики в сторону низкоуглеродной экономики будущего. Вывод британских ученых о превалировании преимуществ от решительного сокращения эмиссии парниковых газов в планетарном масштабе над экономическими выгодами бездействия способствовал большей гармонизации и увеличению эффективности международных усилий в рамках ООН и ЕС по сдерживанию глобального потепления климата как фактора, негативно влияющего на динамику роста глобальной экономики и мировое развитие.

Глобальный финансово-экономический кризис и его негативные последствия, а также плановый вывод из эксплуатации в течение ближайших лет парка устаревших угольных ТЭС и АЭС стали проверкой для постулата о совместимости политики в области противодействия изменению климата с ростом экономических показателей. Выявились недостатки британского энергетического комплекса и острая необходимость развития НИОКР в области “зеленых” технологий с целью их удешевления, увеличения надежности и скорейшего внедрения. При этом выбор в пользу приоритетности обеспечения энергобезопасности страны над реализацией климатической повестки, сделанный кабинетом Д. Кэмерона с целью преимущественного строительства новых АЭС и газовых ТЭС, был вынужденной мерой и не смог поставить под сомнение возможность успешного развития британской экономики в сторону низкоуглеродной благодаря и параллельно сокращению выбросов парниковых газов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Helm D. *Climate Change Policy*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 412 p.
2. Bowen A., Rydge J. *Climate Change Policy in the United Kingdom*. Centre for Climate Change Economics

and Policy Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment. August 2011. Available at: https://www.lse.ac.uk/GranthamInstitute/wp-content/uploads/2014/03/PP_climate-change-policy-uk.pdf (accessed 25.11.2023).

3. Mclean I. Climate Change and UK Politics: From Brynle Williams to Sir Nicholas Stern. *The Political Quarterly*, 2008, vol. 79, no. 2, pp. 184-193. DOI:10.1111/j.1467-923X.2008.00916.x
4. *The Economics of Climate Change: The Stern Review*. October 2006. Available at: http://mudancasclimaticas.cptec.inpe.br/~rmclima/pdfs/destaques/sterreview_report_complete.pdf (accessed 01.04.2023).
5. Carter N. Combating Climate Change in the UK: Challenges and Obstacles. *The Political Quarterly*, 2008, vol. 79, no. 2, pp. 194-205. DOI:10.1111/j.1467-923X.2008.00913.x
6. Hepburn C., Helm D. *The Economics and Politics of Climate Change*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 576 p.
7. Layfield D. International Policy on Climate Change: After Kyoto, What Next? *Environmental Politics*, 2010, vol. 19, no. 4, pp. 657-661. DOI:10.1080/09644016.2010.489719
8. Cameron D. *For the Record*. London, William Collins, 2019. 732 p.
9. Lee S., Beech M., eds. *The Cameron-Clegg Government. Coalition Politics in an Age of Austerity*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 123 p.
10. Falkner R., ed. *The Handbook of Global Climate and Environment Policy*. Newark, Wiley-Blackwell, 2013. 552 p.
11. Carter N. The Politics of Climate Change in the UK. *Climate Change*, 2014, vol. 5 (3), pp. 423-433. DOI:10.1002/wcc.274
12. Shin H., Choi B.D. Risk Perceptions in UK Climate Change and Energy Policy Narratives. *Journal of Environmental Policy & Planning*, 2014, vol. 17, no. 1, pp. 84-107. DOI: 10.1080/1523908X.2014.906301

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА Э. МАКРОНА В 2022-2023 ГГ.

© ЗУЕВА К.П., ТИМОФЕЕВ П.П., 2023

ЗУЕВА Кира Павловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (k.p.zueva@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-5684-569X

ТИМОФЕЕВ Павел Петрович, кандидат политических наук, заведующий сектором региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (pavel.timofeyev@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-0512-7436

Зуева К.П., Тимофеев П.П. Французская защита: внешняя политика Франции Э. Макрона в 2022–2023 гг. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 3, сс. 62–78. DOI: 10.20542/afij-2023-3-62-78

DOI: 10.20542/afij-2023-3-62-78

EDN: ZQHEWR

УДК: 327(44)

Поступила в редакцию 10.08.2023.

После доработки 15.09.2023.

Принята к публикации 27.10.2023.

В статье рассмотрены основные направления внешней политики Франции после переизбрания президента Э. Макрона в 2022 г. Авторы анализируют четыре проблемных поля французского курса: европейская интеграция, кризис безопасности в Европе, узел противоречий в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) и ситуация в Африке. Для ответа на основной исследовательский вопрос – какое наполнение станет доминирующим во внешней политике Макрона на втором сроке: преемственность или перемены, – используются методы системного и сравнительного анализа. Авторы приходят к выводу о том, что на внешнеполитический курс Франции в 2022–2023 гг. оказывают влияние три ключевых фактора: переход украинского кризиса в стадию полномасштабных боевых действий, обострение американо-китайских отношений и усиление международной конкуренции за влияние в Африке. В комплексе они сужают свободу маневра Франции в Европе, ИТР и Африке. На европейском направлении реализация амбициозного проекта стратегической автономии ЕС и даже “Европы-державы” с привлечением России, который Э. Макрон отстаивал в ходе своего первого мандата, как минимум временно отложена. Атлантический вектор во внешней политике Пятой республики доминирует на фоне европейского. Ужесточается позиция по Украине, что охлаждает российско-французские отношения. Авторы показывают, что скорее всего лишь с окончанием конфликта внешнеполитическая активность на этом направлении сможет возобновиться. В ИТР Франция пытается сформировать вокруг себя условно “нейтральную” коалицию, но поле для ее маневров сужается, также Парижу сложно концептуально оформить свою политическую стратегию в этом регионе. В Африке французы вынуждены отстаивать свои политические и экономические позиции, и их приоритетом, вероятно, станет поиск новых форматов сотрудничества, привлекательных для африканцев. Авторы приходят к выводу о корректировке предыдущего курса Макрона в условиях новых вызовов, осложняющих фоновую ситуацию для действий французской дипломатии.

Ключевые слова: Франция, Э. Макрон, европеизм, атлантизм, Европейский союз, НАТО, Европейское политическое сообщество, украинский кризис, PESCO, Франсафрика, Индо-Тихоокеанский регион.

Вклад авторов: Зуева К.П. – концептуализация, написание двух разделов (Корректировка евроинтеграционных планов Э. Макрона; Новый курс французской политики в Африке?); Тимофеев П.П. – написание двух разделов (Кризис безопасности в Европе и “атлантизм поневоле”; Борьба Франции за “третий путь” в ИТР), формирование выводов исследования.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

THE FRENCH DEFENSE: MACRON'S FOREIGN POLICY IN 2022–2023

Received 10.08.2023. Revised 15.09.2023. Accepted 27.10.2023.

Kira P. ZUEVA (k.p.zueva@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-5684-569X,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Pavel P. TIMOFEEV (pavel.timofeyev@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-0512-7436,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article considers the main directions of France's foreign policy after the re-election of President E. Macron in 2022. The authors analyze four problematic areas of the French course: European integration, European security crisis, the knot of contradictions in the Indo-Pacific region and the current situation in Africa. Seeking the answer to the key research question of the paper – what will dominate the essence of Macron's foreign policy in his second term, continuity or alteration – the authors use the methods of systemic and comparative analysis. The authors determine the three key factors shaping the foreign policy of France in 2022–2023: the transition of the Ukrainian crisis to large-scale warfare, aggravation of US–China relations and increased international competition for influence in Africa. In total, all this narrows the freedom of maneuver for France in Europe, the IPR and in Africa. Speaking of the European direction, the implementation of an ambitious project of the EU strategic autonomy and even 'Europe-puissance' with the participation of Russia – advocated by Macron during his first mandate – is suspended, to say the least. The Atlantic vector in French foreign policy dominates over the European one. The France's position regarding the Ukrainian crisis is toughening, thus the France–Russia relations are deteriorating. The authors suppose that most likely only with the end of the conflict, France will be able to return to its ambitious foreign policy activity. In the Indo-Pacific region France is trying to shape a conditionally 'neutral' coalition around itself, but the field for its maneuvers is also narrowing. It is also difficult for Paris it to conceptualize its political strategy in the region. In Africa France has to defend its political and economic positions, and its priority will most likely be the search for new formats of cooperation that would appeal to Africans. The authors conclude that the Macron's France adjusts its previous course to new challenges that complicate the background environment for the French diplomacy to take actions in.

Keywords: France, E. Macron, Europeanism, Atlanticism, European Union, NATO, European Political Community, Ukrainian crisis, PESCO, Françafrique, Indo-Pacific region.

About the authors: Kira P. ZUEVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector for European

Integration Political Aspects, Department for European Political Studies.

Pavel P. TIMOFEEV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies.

Authors' contribution: Zueva K.P. – conceptualization, writing of two paragraphs (*Adjustment of European integration plans of E. Macron; A New Deal for French Policy in Africa?*); Timofeev P.P. – writing of two paragraphs (*Security crisis in Europe and 'reluctant Atlanticism'; France's struggle for the 'third way' in the Indo-Pacific region*), interpretation of the research results.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

24 апреля 2022 г. во втором туре президентских выборов во Франции действующий глава государства Эммануэль Макрон был переизбран на второй пятилетний срок (2022–2027). С 2008 г. президент Пятой республики не имеет права на более чем два мандата подряд, поэтому с высокой долей вероятности можно сказать, что новый президентский срок для Макрона – последний. В ходе своего первого срока (2017–2022) молодой президент взялся за решение множества задач, но столкнулся с рядом проблем. Внутри страны попытки оздоровить государственные финансы, доставшиеся ему в тяжелом состоянии, перезагрузить экономику, модернизировать управление страной и расширить возможности “социальных лифтов” встретили возражения со стороны оппозиции и массовые протесты. К этому добавился глобальный пандемический кризис, заставивший президента пересмотреть подходы к социально-экономической сфере. Во внешней политике амбиции Макрона, нацеленные на повышение роли Франции в Европе, Средиземноморье, Африке, Индо-Тихоокеанском регионе, и в целом – укрепление позиций ЕС в мире, также натолкнулись на ряд трудностей. Среди них – непростой диалог с президентом США Д. Трампом, проблемы с осуществлением Минских соглашений 2014–2015 гг., увязание в военных конфликтах в Сахеле. Несмотря на ряд серьезных успехов (включая развитие военно-политических инструментов ЕС – Постоянного структурированного сотрудничества стран – членов ЕС по обороне (PESCO) и Европейской интервенционной инициативы (E12), а также принятие совместно с Германией плана по спасению экономики ЕС в период пандемии [1]), повестка, с которой Макрон шел на первые выборы, оказалась выполнена далеко не полностью. Переизбрание на второй срок давало шанс завершить то, что не было сделано в 2017–2022 гг.

Ключевой вопрос, интересующий исследователей внешней политики Франции при анализе второго мандата Макрона, состоит в следующем: что будет доминирующим в содержании этого курса – преемственность или перемены? Перед тем как на него ответить, следует понять, какие факторы являются для Франции ключевыми во внутренней и внешней обстановке 2022–2023 гг. Во внутренней политике это прежде всего итоги парламентских выборов 2022 г., лишившие президента абсолютного большинства в Национальном собрании и существенно ограничившие его свободу маневра при проведении внутренних реформ, а также массовые протесты 2023 г., связанные с пенсионной реформой и неблагоприятной обстановкой в парижских пригородах. Во внешней политике это специальная военная операция (СВО) России и солидарность стран Запада с Украиной, выразившаяся в военной и экономической поддержке последней. Следствием этого кризиса стало усиление давления США на европейских союзников в отношении России (санкции, разрыв энергетических связей между государствами – членами ЕС с РФ и их переориентация на США, поддержка вступления в НАТО Финляндии и Швеции). Эти события существенно осложнили как положение Макрона внутри страны, так и позиции Франции на международной арене. В этих условиях французскому лидеру придется полагаться на свой предшествующий пятилетний президентский опыт, гибкость и деловой подход, ярко выраженные качества генератора идей, инициативного переговорщика и дипломата, не раз продемонстрированные миру ранее [2].

При анализе внешнеполитического курса Макрона с 2022 г. важно понимать, что, хотя основные его направления остаются традиционными, в силу трансформации международной обстановки меняются и приоритеты страны за рубежом. Ключевыми для Франции сегодня являются: развитие европейской интеграции, кризис безопасности в Европе, узел противоречий в ИТР и сохранение французского присутствия в Африке. Событийная насыщенность на этих направлениях и ограниченный объем статьи не позволяют рассмотреть другие векторы внешней политики Франции, включая Северную Африку, Ближний Восток и Латинскую Америку. Для исследования избранных направлений были использованы классические методы системного и сравнительного анализа.

В силу новизны данной темы глубоких научных публикаций по ней насчитывается немного. Тем не менее следует отметить прежде всего ряд работ французских авторов, среди которых публикации Т. де Монбриаля и Д. Давида [3; 4], Т. Гомара и М. Экера [5]; статьи Ф. Шарильона [6], С. Брэ и Ф. Пармантье [7], доклад М. Дюшателя [8]. Из отечественных публикаций назовем монографию Ю.И. Рубинского и А.А. Синдеева [9], статью Ю.И. Рубинского [10], а также статьи А.Ю. Чихачева [11] в соавторстве с Е.С. Алексеенковой и Е.В. Гуляевым [12; 13], Е.А. Масловой и Е.О. Шебалиной [14], В.О. Чернеги [15]. Все эти исследования освещают различные аспекты текущего этапа внешней политики Франции и очень полезны для его понимания, но общей работы, в которой бы анализировалась внешняя политика Э. Макрона после переизбрания, пока что не появлялось.

КОРРЕКТИРОВКА ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ ПЛАНОВ Э. МАКРОНА

Возникновение военного конфликта в Европе в 2022 г. привело к неизбежной корректировке планов Макрона по реорганизации Евросоюза. Запущенный в мае 2021 г. в Страсбурге опрос населения стран ЕС в отношении характера необходимых изменений в статусе интеграционного объединения, результаты которого президент Франции обещал подвести к середине 2022 г., в новой ситуации оказался неактуальным. События, изменившие первоначальные планы, и возникновение новых политических реалий, в частности, настойчивое стремление Украины и Молдавии как можно быстрее стать членами ЕС, заставили французского президента переосмыслить свою позицию по переустройству Евросоюза. Он выступил с идеей создания “Европейского политического сообщества”, проект которого обсуждался на саммите ЕС в июне 2022 г., и получил одобрение участников. Свое предложение Макрон обосновал необходимостью для членов ЕС иметь специальный рабочий форум для обмена мнениями и продвижения по всем актуальным вопросам с теми, кто разделяет “европейские ценности”. “Европейское политическое сообщество, – заявил французский президент, – позволит лидерам европейского континента – от Исландии до Украины – обсуждать вопросы обороны и безопасности, энергетики, инфраструктуры, санитарного кризиса, экономики”¹.

В “Европейское политическое сообщество” были приглашены 47 государств континента за исключением России. Прошло уже два саммита этого сообщества, но практического результата они не принесли. Кроме того, инициатива Макрона вызвала серьезную критику со стороны государств Балтии, которые обвиняли его в нежелании допустить Украину в ЕС. Особенное возмущение эта идея вызвала у украинского руководства, заявившего, что страна не нуждается в статусе суррогатного кандидата.

Макрон – активный сторонник расширения компетенций наднациональных институтов, в частности, Еврокомиссии. Некоторые эксперты усматривают в этом и чисто личный интерес. Дело в том, что по Конституции президент Республики не может избираться больше двух сроков подряд. Очевидно, что после завершения двух президентских сроков Макрон не собирается оставлять политическую деятельность. В таком случае руководство одним из институтов ЕС могло бы соответствовать его амбициям.

¹ Макрон: “Европейское политическое сообщество” не предполагает в нем участия России. ТАСС, 24.06.2022. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15026285> (accessed 09.08.2023).

Проблемы реформирования ЕС, распределения компетенций и создания собственного оборонного союза оказывают негативное воздействие на отношения Франции с Великобританией и Германией. Окончательный выход Великобритании из ЕС 1 января 2021 г. негативно отразился на международных позициях Союза и его авторитете. Макрон подтвердил, что такой шаг значительно ослабил интеграционное объединение, и назвал его серьезнейшей стратегической ошибкой Лондона. Во время переговоров об условиях выхода Великобритании французский президент занял наиболее жесткую позицию. Отношения между двумя странами ухудшились настолько, что тогдашний британский кандидат в премьер-министры Э. Трасс заявила об отсутствии ясности в том, является ли Макрон “другом или врагом”². Напряженность двусторонних отношений, накопившаяся за пять лет этих переговоров, усугубилась серией новых споров по поводу мигрантов из третьих стран, стремящихся попасть в Великобританию с территории Франции, прав на рыбную ловлю в окружающих страны морях и протокола по Северной Ирландии³.

Однако необходимость решать общие насущные проблемы заставила обе стороны вернуться к более тесному сотрудничеству. 10 марта 2023 г. в Париже состоялся первый после пятилетнего перерыва англо-французский саммит. В ходе встречи премьер-министр Великобритании Р. Сунак и Э. Макрон обсудили шаги, которые необходимо предпринять для решения проблем миграции, энергетики и обороны. Лидеры договорились, что их приоритетом будет отныне поддержка Украины. Сунак объявил о выделении его правительством более 500 млн евро для Франции в течение следующих трех лет. Средства предназначены для искоренения проблемы нелегальной миграции через Ла-Манш. Они позволят Франции направить дополнительные полицейские силы для патрулирования пролива и создать еще один лагерь для беженцев. Таким образом, напряженность в двусторонних отношениях удалось снизить.

Не менее сложными стали и отношения между Францией и Германией. Берлин категорически возражает против продвигаемой Макроном идеи создания “независимой обороны Европы” (фр. *défense européenne indépendante*), ссылаясь на то, что европейскую безопасность могут гарантировать только США и НАТО. Осложняют франко-германский диалог и претензии французского президента на лидерство в ЕС. С ними не согласны новые руководители Германии во главе с канцлером О. Шольцем, поскольку именно ФРГ остается в экономической плане самой мощной страной ЕС (24.5% ВВП ЕС в 2022 г., для сравнения у следующей за ней Франции – 16.7%⁴). Вместе с тем во Франции вызывает недовольство тот факт, что Германия, претендующая на создание самой мощной национальной армии в Европе, закупает военную технику в США. По мнению Парижа, это не отвечает целям стратегической автономии, стремление к которой закреплено в решениях ЕС. Двусторонние разногласия не удалось скрыть даже в ходе празднования 60-летнего юбилея подписания Елисейского договора 1963 г., который закреплял партнерские отношения между двумя странами и обязывал их проводить консультации по вопросам внешней политики, безопасности, культуры и молодежных дел. На заявления Шольца о том, что Франция является самым близким другом Германии, а тандем Париж–Берлин – “локомотивом объединения Европы”, Макрон ответил, что его страна будет продолжать борьбу за единую Европу, “которая была бы хозяйкой собственной судьбы”⁵.

На этом фоне показательно заключение Францией соглашений с Италией (Квиринальский договор 2021 г. о координации действий по вопросам европейской безопасности, внешней политики и обороны, миграционной политики, экономики, образования и культуры) и Испанией (аналогичный Барселонский договор 2023 г.),

² Blanchar J. Liz Truss: 'Jury is Out' on Whether Macron is Britain's Friend or Foe. *Politico*, 25.08.2022. Available at: <https://www.politico.eu/article/uk-liz-truss-jury-is-out-on-whether-emmanuel-macron-is-britains-friend-or-foe/> (accessed 09.08.2023).

³ В 2020 г. Великобритания и ЕС подписали протокол о двойном режиме регулирования товаров, перевозимых из Северной Ирландии в страны ЕС и обратно, которые освобождаются от ненужного административного бремени. Позже протокол был доработан.

⁴ *GDP and Main Components (Output, Expenditure and Income)*. Eurostat. 12.10.2023. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp_custom_7847029/default/bar?lang=en (accessed 15.10.2023).

⁵ Горохов Д. Тандем Париж–Берлин: возможен ли перезапуск отношений? *ТАСС*, 24.01.2023. Available at: <https://tass.ru/opinions/16868901> (accessed 09.08.2023).

позволяющих демонстрировать опору на других партнеров в Евросоюзе. Если до Брекзита Париж в периоды напряженности с Берлином мог рассчитывать на поддержку Лондона, то теперь эту компенсационную роль, судя по всему, могут сыграть Рим и Мадрид – его ключевые союзники на южном фланге ЕС [10; 11; 13].

В целом беспрецедентное осложнение международной ситуации в Европе заставило Макрона скорректировать свои планы по реформированию ЕС. В новых условиях его курс на развитие европейской интеграции останется одним из приоритетов внешней политики Франции, но текущий контекст мало благоприятствует амбициозным инициативам Парижа в области “обороны Европы”. Поэтому до урегулирования украинского кризиса, скорее всего, основной акцент Франция будет делать на развитие евроатлантической солидарности ЕС–НАТО.

КРИЗИС БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ И “АТЛАНТИЗМ ПОНЕВОЛЕ”

Одним из главных изменений внешней политики Франции в течение второго мандата Макрона стала эволюция позиции страны в отношении США, России и всего комплекса вопросов евроатлантической безопасности. Переход украинского кризиса в стадию полномасштабных боевых действий 24 февраля 2022 г. ознаменовал, по мнению ряда аналитиков, окончание периода, начавшегося в 1991 г. Как отмечал, например, журнал *Politique étrangère*, “Украинская трагедия открыла неизвестность. Постбиполярный антракт заканчивается, а пьеса, которая возобновится, еще не написана” [4, с. 7]. По словам Ф. Шарильона, речь, вероятно, пойдет о долгосрочном и тяжелом противостоянии [6]. Кризис произвел “эффект электрошока” для НАТО, способствовал переизбранию Макрона и заставил Париж пересмотреть свои приоритеты в евроатлантическом пространстве. Главными из них стали милитаризация европейского курса Франции и усиление атлантического вектора ее внешней политики. Эту новизну олицетворяют и новые фигуры в правительстве: глава МИД К. Колонна, бывший посол Франции в Великобритании, и министр обороны С. Лекорню. На обновление направлена структурная реформа МИД, увеличение числа персонала и финансирования министерства.

В контексте украинского кризиса первым приоритетом Франции является дальнейший рост расходов на армию. Об этом свидетельствует принятие в 2023 г. нового Закона о военном планировании (ЗВП) на 2024–2030 гг. По сравнению с предыдущим законом 2018 г., рассчитанным на период 2019–2025 гг., налицо 40%-ное увеличение объемов бюджетного финансирования (413.3 млрд евро в 2023 г. против 295 млрд в 2018 г.)⁶. Если в 2019–2023 гг. в среднем на оборону закладывалось 36–44 млрд евро в год (1.5–1.6% ВВП), то теперь годовая смета выросла до 47–67 млрд (в 2025 г. намечено достижение 2% ВВП)⁷. Увеличиваются расходы на закупку боеприпасов (16 млрд евро) и систем ПВО (5 млрд евро), сокращаются – на боевую технику (танки, самолеты и корабли). Новыми сферами потенциального военного противоборства признаны космос, киберсфера и подводный мир, поэтому в новом ЗВП заложен 21 млрд евро для модернизации вооружений и боевой техники в этих областях (10 млрд на инновации, 6 – на космос, 5 – на беспилотники, 4 млрд – на кибервойска). Также запланировано обновление носителей ядерных сил, сухопутной армии и флота⁸.

Весной 2022 г., еще до переизбрания Макрона, Франция разместила ограниченные контингенты военных в Румынии и Эстонии и, будучи страной – председателем Евросоюза, инициировала выход в марте 2022 г. “Стратегического компаса” – программного документа ЕС, призванного сплотить Европейский союз в военно-промышленных вопросах и сформировать

⁶ *Loi de programmation militaire 2019–2025*. La Ministère des Armées. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/ministere/politique-defense/loi-programmation-militaire-2019-2025>; *La loi de programmation militaire 2024–2030: les grandes orientations*. La Ministère des Armées. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/loi-programmation-militaire-2024-2030-grandes-orientations> (accessed 09.08.2023).

⁷ *Les dépenses militaires*. FIPECO. 12.07.2023. Available at: <https://www.fipeco.fr/fiche/Les-d%C3%A9penses-militaires> (accessed 15.10.2023).

⁸ Samama P. Le parlement adopte définitivement la loi de programmation militaire 2024–2030. *BFM TV*, 13.07.2023. Available at: https://www.bfmtv.com/economie/entreprises/defense/le-parlement-adopte-definitivement-la-loi-de-programmation-militaire-2024-2030_AD-202307130388.html (accessed 09.08.2023).

его единую военно-стратегическую культуру к 2030 г.⁹ Но в нынешних условиях Парижу весьма непросто объединять вокруг своих позиций партнеров по ЕС. Германия столкнулась с проблемами перестройки энергетики после отказа от российских углеводородов, необходимостью усиления бундесвера и обратилась к США за помощью как к основному гаранту безопасности. Отношения со странами Восточной Европы у Франции еще более проблемные со времен первого мандата Макрона: страны Балтии и Польша не оценили его усилий по продвижению стратегической автономии ЕС и “духа Брегансона”¹⁰ в российско-французских отношениях, а Франция критиковала политику консервативных правительств в Польше и Венгрии [7].

В этих условиях украинский кризис, усиливший атлантические настроения в странах ЕС, вынуждает Париж пересматривать свои позиции. В Национальном стратегическом обзоре (НСО-2022), опубликованном в ноябре 2022 г. аппаратом премьер-министра Франции с предисловием Макрона, стратегическая автономия ЕС и еврооборона названы дополняющими мерами участия Франции в НАТО. Отмечается, что Североатлантический альянс остается основным форматом коллективной безопасности Европы, а Париж намерен вносить вклад в выполнение решений блока¹¹. Показательны изменения, происходящие с Постоянным структурированным сотрудничеством стран – членов ЕС по обороне – структурой, созданной в 2017 г. на фоне кризиса в отношениях ЕС и США при Д. Трампе и считающейся зародышем еврообороны. Формат *PESCO* упоминается в обзоре лишь дважды с туманным обещанием продолжать путь к технологической автономии ЕС¹². Хотя в рамках *PESCO* запущена уже пятая волна военно-технологических разработок с участием Франции, свидетельствующая о стремлении государств-членов заложить основу будущего ВПК ЕС, гораздо важнее то, что с ноября 2022 г. по май 2023 г. к сотрудничеству присоединились еще три страны (Великобритания, Канада и Дания), две из которых не состоят в ЕС, а одна и вовсе находится на Американском континенте. В ходе 36-го франко-британского саммита (март 2023 г.) Э. Макрон и Р. Сунак договорились продолжать развитие военно-технического сотрудничества, включая ядерное, напомнив о своей приверженности договоренностям 1995 и 2010 гг.¹³ Речь идет о создании к 2030 г. универсальной противокорабельной ракеты *FMAN/FMC*, военно-транспортного самолета *Airbus A400M*, координации программ строительства новых авианосцев, взаимодействия в различных регионах мира. После завершения Брекзита эти договоренности обеспечивают участие Великобритании в “ядерном щите” и военных структурах ЕС.

В новых условиях, еще рельефнее подчеркивающих роль США как лидера западного мира, перед ЕС встает проблема обеспечения своих интересов безопасности и их сочетаемости с расширением НАТО. На саммите G7 в Германии в июне 2022 г. французский лидер подчеркнул общую приверженность стран Группы семи “демократическому многостороннему порядку”¹⁴. Через два дня государства – члены НАТО на саммите организации в Испании приняли новую стратегическую концепцию, в которой обозначили Россию как прямую и главную угрозу безопасности альянса, повторили обещания довести свои расходы на оборону до 2% ВВП, поддержали дальнейшее сближение Украины, Грузии, Молдавии, Боснии и Герцеговины с НАТО, напомнили о принципе “открытых дверей” в отношении дальнейшего расширения блока и официально пригласили Финляндию и Швецию стать членами организации. Уже 2 августа 2022 г. Национальное собрание Франции ратифицировало протоколы

⁹ *Une boussole stratégique en matière de sécurité et de défense*. Conseil de l'Union européenne. 04.05.2022. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-COR-1/fr/pdf> (accessed 09.08.2023).

¹⁰ 19 августа 2019 г. Э. Макрон и В. Путин провели в форте Брегансон – резиденции президента Франции – переговоры по вопросам международной безопасности. Оптимистичные заявления лидеров по итогам встречи породили в СМИ надежды на возможное потепление отношений России с Францией и с ЕС, что выразилось в формуле “дух Брегансона”.

¹¹ *Revue nationale stratégique 2022*. Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. Pp. 7-8, 14, 39. Available at: <https://www.sgdns.gouv.fr/files/files/Revue%20nationale%20strat%C3%A9gique%20-%20Fran%C3%A7ais.pdf> (accessed 09.08.2023).

¹² Ibid. P. 41.

¹³ В совместном заявлении, сделанном в замке Чекерс 30 октября 1995 г., и в Ланкастерских соглашениях 2 ноября 2010 г. лидеры Франции и Великобритании договорились о совместном развитии военно-технического сотрудничества, включая ядерные силы.

¹⁴ *Sommet du G7 à Elmau en Allemagne*. Élysée. 28.06.2022. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/06/28/sommet-du-g7-a-elmau-en-allemande> (accessed 09.08.2023).

о вступлении в НАТО Финляндии и Швеции. В НСО 2022 г. США названы главным поставщиком европейской безопасности¹⁵.

В ноябре–декабре 2022 г. Дж. Байден и Э. Макрон в ходе визита последнего в США подчеркнули солидарность с Украиной, выразили поддержку протестующим в Иране, пообещали координироваться перед лицом угрозы со стороны Китая, по климатическим и энергетическим вопросам и дальнейшему освоению космоса. Президент Франции заявил о готовности страны участвовать в новой лунной программе США “Артемида”. Но сближение Франции с США в рамках НАТО не означает исчезновения проблем во франко-американских отношениях. Об этом свидетельствовал скандал с подводными лодками 2021 г., спровоцированный созданием блока *AUKUS*, где главной пострадавшей оказалась Франция. Хотя после начала событий на Украине в 2022 г. он отошел на второй план, острый для европейцев вопрос сочетания лидерства США в западном мире с амбициями ЕС остается актуальным. Париж настаивает, что Соединенные Штаты не вправе ослаблять ЕС экономически и должны уважать его политическую субъектность. В августе 2022 г. возник новый повод для споров Брюсселя и Вашингтона: принятый в США федеральный Закон о снижении инфляции (англ. *Inflation Reduction Act, IRA*) – пакет протекционистских мер в объеме 370 млн долл.¹⁶, дающий преимущества американским компаниям в конкуренции с европейскими в сфере производства “зеленой” энергетики (солнечных панелей, батарей) и электромобилей [16]. Визиты в США Макрона и его европейских коллег не изменили ситуации, и президент Франции даже предупредил, что *IRA* способен расколоть Запад. В ответ Еврокомиссия предложила Евросоюзу аналогичный документ – Закон о промышленности с нулевым углеродным следом (*Net-Zero Industry Act, NZIA*) с тем, чтобы к 2030 г. производить в ЕС не менее 40% технологий, обеспечивающих потребности ЕС в возобновляемых источниках энергии (солнечные батареи, ветряки, электролизеры и пр.). Но итоговый проект ЕС вызвал разочарование экспертов: в нем прописана необходимость инвестиций в “зеленую” энергетику и перечислены фонды, которые могут стать источниками финансирования проекта, но не указаны конкретный объем финансирования и четкий бюджет¹⁷, поэтому он едва ли может рассматриваться как амбициозный ответ ЕС США.

Действуя в русле западной поддержки, Франция оказывает Украине разнообразную помощь: Киеву были обещаны 0.8 млрд евро по финансовой линии, 0.5 млрд – по военной, 0.36 – по гуманитарной¹⁸. Хотя в целом Франция занимает лишь 15-е место по стоимости переданной ВСУ военной продукции, страна направила им в 2022–2023 гг. летальные вооружения: самоходные артиллерийские установки “Цезарь”, противотанковые управляемые ракеты “Милан”, зенитно-ракетные комплексы “Кроталь”, легкие танки *AMX-10*, дальнобойные ракеты *SCALP* и т.д. Условия предоставления помощи не разглашаются. Макрон дважды принял президента Украины В. Зеленского в Париже. В феврале 2023 г. он наградил украинского коллегу орденом Почетного легиона и заверил в поддержке, а в мае 2023 г. обязался сформировать и экипировать несколько батальонов украинских танкистов. В то же время Париж уклонился от ответа на вопрос о поставках Киеву боевой авиации.

Именно на французском самолете Зеленский прибыл на саммит *G7* в Японию в мае 2023 г. Макрон объявил данную встречу глав государств и правительств Группы семи саммитом единения в поддержку Украины¹⁹, а присутствие Зеленского на этом форуме обосновал целью избежать разделения мира на сторонников Украины и нейтральные государства. По его

¹⁵ *Revue nationale stratégique* 2022. Op. cit. P. 15.

¹⁶ *Building a Clean Energy Economy: a Guidebook to the Inflation Reduction Act's Investments in Clean Energy and Climate Action*. January 2023, Version 2. 184 p. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/12/Inflation-Reduction-Act-Guidebook.pdf> (accessed 15.10.2023).

¹⁷ Oddou J. Le Net-Zero Industry Act n'est qu'une première étape pour défendre l'industrie européenne. *Euractiv*. 17.05.2023. Available at: <https://www.euractiv.fr/section/energie-climat/opinion/le-net-zero-industry-act-nest-quune-premiere-etape-pour-defendre-lindustrie-europeenne/> (accessed 15.10.2023).

¹⁸ *Government Support to Ukraine: Type of Assistance, € billion. Ukraine Support Tracker*. Kiel Institute for World Economy. Available at: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (accessed 15.10.2023).

¹⁹ *Sommet du G7 à Hiroshima, au Japon: retour sur les principales avancées*. Élysée. 21.05.2023. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/05/21/sommet-du-g7-a-hiroshima-au-japon-retour-sur-les-principales-avancees> (accessed 09.08.2023).

словам, мир, который наступит по окончании конфликта, должен базироваться на принципе уважения международного права, а не превратить украинский кризис в замороженный конфликт, чреватый новым обострением. Важнейшим изменением внешнеполитического курса Парижа стала его готовность рассмотреть перспективу вступления Украины в НАТО, что, с одной стороны, дало бы Украине гарантии безопасности, с другой – принудило Киев и Москву к переговорам²⁰. Спустя месяц союзники на саммите в Вильнюсе объявили о создании Совета Украина–НАТО и заявили, что будущее Украины – среди членов альянса²¹. При этом Франция занимает срединную позицию между адептами скорейшего вступления Украины в блок (Польша, страны Балтии) и теми, кто опасается прямой конфронтации НАТО с Россией (США).

Наиболее сложная ситуация сложилась в российско-французских отношениях. После 24 февраля 2022 г. из политической повестки Макрона закономерно исчез как “дух Брегансона”, так и стратегия “требовательного диалога”²² с РФ. Весной 2022 г. президент Франции попытался выступить посредником в начавшемся конфликте, но его инициативы не встретили понимания ни в Москве, ни в Киеве. К первым пяти пакетам антироссийских санкций, принятым ЕС в феврале–апреле 2022 г., на первом сроке Макрона, к настоящему времени добавились еще шесть. Все они нацелены на сокращение экономических связей Евросоюза с РФ и на отсечение последней от мировой экономики. Заявив в июне 2022 г. на саммите G7, что “Россия не может и не должна победить”, Макрон пообещал поддерживать Украину и сохранять санкции против РФ столько, “сколько потребуется”²³. В то же время он отказался считать отношения Франции и Россией состоянием войны, продолжая призывать Москву к переговорам. В ноябре 2022 г. на саммите Группы двадцати в Индонезии Макрон констатировал, что большинство членов G20 (президент России участвовал в ней по видеосвязи) осуждает боевые действия на Украине. Франция также акцентировала на саммите вопрос продовольственной безопасности: участники встречи поддержали усилия ЕС по “зерновой сделке”, нацеленной на поддержку импорта украинского зерна по Черному морю. Вместе с тем попытки Парижа убедить участников G20 принять общее заявление по деэскалации ситуации на Украине не дали результата.

На саммите G7 в Хиросиме (Япония), прошедшем в мае 2023 г. с участием президента Зеленского, Франция и другие участники сосредоточились на мерах по противостоянию действиям России по обходу западных санкций. Они также призвали руководство Китая повлиять на позицию РФ по Украине. Кроме того, в саммите приняли участие лидеры ряда незападных стран (Бразилии, Индии и Индонезии), которые, как предполагалось, установят контакт с президентом Украины и сместят свою равноудаленную от конфликта позицию в сторону поддержки Киева.

В целом в контексте украинского конфликта Франция подчеркивает свою солидарность с США и другими союзниками по НАТО по ряду причин. Конечно, свою роль играет известный нажим США на своих союзников с целью переложить на их плечи часть расходов по поддержке Украины. Но гораздо более важным видится другое: в кризисный момент Макрон стремится поднять статус своей страны внутри НАТО, а главное – обеспечить ей сильную переговорную позицию за дипломатическим столом по итогам конфликта, дабы сохранить за Францией место влиятельной державы в завтрашней Европе. Это помогает объяснить усиление атлантистского вектора во внешней политике Франции в 2022–2023 гг.

БОРЬБА ФРАНЦИИ ЗА “ТРЕТИЙ ПУТЬ” В ИТР

На фоне американско-китайского соперничества индо-тихоокеанское направление

²⁰ Этой теме было посвящено заседание французского Совета по обороне 12 июня 2023 г. См.: Pietralunga C., Ricard Ph. La France se résout à soutenir l'adhésion de l'Ukraine à l'OTAN. *Le Monde*, 20.06.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/international/article/2023/06/20/la-france-se-resout-a-soutenir-l-adhesion-de-l-ukraine-a-l-otan_6178374_3210.html (accessed 09.08.2023).

²¹ *Vilnius Summit Communiqué*. NATO. 11.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=fr (accessed 15.10.2023).

²² Прагматичное сотрудничество по вопросам, интересующим обе стороны, при пристальном внимании Парижа к ценностным вопросам. Этот курс в отношении России Франция провозгласила в стратегических документах 2017 и 2021 гг.

²³ *Sommet du G7 à Elmau en Allemagne...* Op. cit.

становится одним из ключевых во внешней политике Франции. Этому способствуют прежде всего наличие в регионе французских заморских владений²⁴, а следовательно – крупнейшей в мире морской исключительной экономической зоны (ИЭЗ), которую следует охранять²⁵. Но Индо-Тихоокеанский регион важен для Франции и как регион, на который приходится около 60% мирового ВВП²⁶ и через который проходят важные торгово-экономические потоки товаров из Азии в Европу. На первом сроке Макрона Франция утвердила оборонительную стратегию в ИТР (2019 г.) и сыграла ключевую роль в принятии стратегии ЕС по ИТР (2021 г.). В феврале 2022 г. она приняла у себя Министерский форум по сотрудничеству в ИТР (фр. *Forum ministériel pour la coopération dans l'Indopacifique*) с участием представителей 27 стран ЕС, 26 государств ИТР и шести международных организаций, где обсуждались вопросы морской безопасности, цифровизации, энергетики и климата²⁷. На встречу не были приглашены две ключевые для региона страны – США и Китай, что отнюдь не случайно. Цель Франции в регионе заключается в формировании своего рода “третьего пути” – возможной альтернативы для стран ИТР, не желающих принимать сторону США или Китая в случае дальнейшего роста конфронтации между ними. Выступая на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Таиланде в ноябре 2022 г., Макрон подчеркнул, что рассчитывает не на конфронтацию, а на стабильность в регионе, и указал на важность коллективной региональной кооперации, в которой его страна готова сыграть роль объединителя.

Эта позиция пока выглядит малоубедительной. Во-первых, нельзя сказать, что Париж равноудален от Вашингтона и Пекина. Франция и США остаются союзниками по НАТО, партнерами в Группе семи, Организации экономического сотрудничества и развития и других форматах. С 2018 г. они совместно проводят в ИТР авиационные военные учения “Пегас”. Китай же для Франции играет тройственную роль: партнера в борьбе с глобальными вызовами (проблемами климата, здравоохранения и пр.) и в двусторонней торговле, экономического конкурента и “системного соперника” в политическом плане²⁸. Третий из перечисленных статус Китая был подтвержден на саммите НАТО в Мадриде в 2022 г. и в Вильнюсе в 2023 г.: государства – члены блока указали в совместных документах, что политика КНР, особенно “стратегическое партнерство” Пекина с Москвой, “наносит ущерб интересам, безопасности и ценностям” стран – членов альянса и подрывает “миропорядок, основанный на правилах”²⁹. В марте 2023 г. Макрон и Сунак заявили на франко-британском саммите о намерении сотрудничать в ИТР для обеспечения региональной безопасности, выразив обеспокоенность в адрес Китая.

Во-вторых, Франции до сих пор трудно подкрепить свои амбиции в регионе военной силой. На весь ИТР приходится около 4 тыс. французских солдат, разбросанных по военным базам Франции от ОАЭ и Джибути до тихоокеанских островов, семь кораблей, девять самолетов и пять вертолетов³⁰, что, как признают французские эксперты, не

²⁴ Острова Майотта и Реюньон; группа островов, составляющих Французские южные и антарктические территории; Уоллис и Футуна, Французская Полинезия, Новая Каледония, Клиппертон.

²⁵ Исключительная экономическая зона – морской район на расстоянии до 200 морских миль от береговой границы государства. Государство на территории своей ИЭЗ имеет исключительное право на разведку, разработку и сохранение природных ресурсов, создание и использование искусственных островов, установок и сооружений, проведение морских научных исследований и проч.

²⁶ *Indopacifique: 8 questions pour comprendre la stratégie de la France dans la région*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2023. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/strategies-regionales/indopacifique/indopacifique-8-questions-pour-comprendre-la-strategie-de-la-france-dans-la-65258/> (accessed 09.08.2023).

²⁷ *Forum ministériel pour la coopération dans l'Indopacifique (Paris, 22 février 2022)*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/strategies-regionales/indopacifique/evenements-et-conferences-internationales/article/forum-ministeriel-pour-la-cooperation-dans-l-indopacifique-paris-22-02-22> (accessed 15.10.2023).

²⁸ *Indopacifique: 8 questions pour comprendre la stratégie de la France dans la région*. Op. cit.

²⁹ *Concept stratégique 2022 de l'OTAN*. NATO. 29.06.2022. P. 5. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-fr.pdf; Vilnius Summit Communiqué... Op. cit.

³⁰ Lagneau L. La France a-t-elle vraiment les moyens de ses ambitions dans la région Indo-Pacifique? *Opex360*, 24.09.2021. Available at: <https://www.opex360.com/2021/09/24/la-france-a-t-elle-vraiment-les-moyens-de-ses-ambitions-dans-la-region-indo-pacifique/> (accessed 09.08.2023).

позволяет проводить наступательную политику в регионе³¹. Как показал скандал 2021 г. с созданием *AUKUS* и австралийскими подлодками, интересы Франции в ИТР будут учитываться США постольку, поскольку они не будут противоречить американским целям.

Поэтому Париж продолжает работать над созданием сети региональных партнерств. В НСО-2022 перечислены пять ключевых партнеров Франции в ИТР: Индия, Австралия, Япония, Индонезия и Сингапур³². Данный список в целом соответствует аналогичным перечням в обзорах 2017 и 2021 гг. (с оговоркой, что в 2017 г. в нем также значились Малайзия, Вьетнам и Новая Зеландия³³). Франция, будучи одним из главных экспортеров вооружений и военной техники, делает ставку прежде всего на двустороннее военно-техническое сотрудничество. Еще в декабре 2021 г. она подписала с ОАЭ контракты о поставке 80 истребителей "Рафаль" *F4.1* и 12 боевых вертолетов *H-225M* "Каракал" на сумму около 17 млрд евро³⁴. В феврале 2022 г. за этим последовал контракт с Индонезией на поставку 42 "Рафалей" (около 8.1 млрд евро)³⁵. В июне 2022 г. Франция и Сингапур заключили соглашение о военном сотрудничестве, позволяющее французам базировать и ремонтировать свои самолеты-дозаправщики на сингапурской земле³⁶.

Важные для Франции перемены произошли в мае 2022 г. в Австралии, где на выборах победили лейбористы во главе с Э. Албанизом. После выплаты австралийским правительством неустойки за сорванный контракт на поставку Францией атомных подлодок, в июле 2022 г. Макрон принял Албаниза в Париже. Лидеры двух стран договорились сотрудничать в вопросах обмена разведанными, особенно в сферах морской и космической безопасности, и борьбы с терроризмом. Осенью 2022 г. Макрон дал понять Албанизу, что Франция не прочь вернуться к обсуждению строительства новых подлодок. Свидетельством улучшения франко-австралийских отношений в январе 2023 г. стало проведение в Париже консультаций глав МИД и военных ведомств двух стран по формуле 2+2. Аналогичные консультации Франция провела с Японией в мае 2023 г., стороны подтвердили совпадение позиций по ряду вопросов, включая украинский кризис, и выступили против попыток изменить статус-кво в ситуации вокруг Тайваня силой или принуждением. Франция поддержала заявления премьера Японии Ф. Кисиды, сделанные в Нью-Дели в марте 2023 г., о "свободном и открытом ИТР"³⁷. Наконец, Индия подтвердила свой статус стратегического партнера Франции, дав в июле 2023 г. согласие на закупку 26 "Рафалей" и трех субмарин "Скорпена". В целом за 2018–2022 гг. Франция стала второй в списке поставщиков оружия Индии (30% импорта вооружений), после России (45%) и далеко опережая США (11%)³⁸.

В отличие от Соединенных Штатов Франция предпочитает не обострять отношения с Китаем, разделяя политические противоречия и экономические вопросы. В НСО-2022 отмечалось, что Франция намерена не допустить расширения ответственности НАТО на

³¹ Vincent E. Dans l'Indo-Pacifique, les armées françaises confrontées à leurs limites capacitaires. *Le Monde*, 28.07.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/international/article/2023/07/28/dans-l-indo-pacifique-les-armees-francaises-confrontees-a-leurs-limites-capacitaires_6183644_3210.html (accessed 09.08.2023).

³² *Revue nationale stratégique* 2022. Op. cit. P. 44.

³³ *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2017. P. 65. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/2017-revue_strategique_dsn_cle4b3beb.pdf (accessed 09.08.2023).

³⁴ Bauer A. Rafale: les raisons d'une percée historique dans la péninsule arabique. *Les Echos*, 03.12.2021. Available at: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/les-emirats-arabes-unis-commandent-80-rafale-un-record-historique-1369396> (accessed 09.08.2023).

³⁵ L'Indonésie signe une commande de 42 Rafale, un contrat estimé à \$8,1 mds. *Les Echos*, 10.02.2022. Available at: <https://investir.lesechos.fr/marches-indices/economie-politique/lindonesie-signe-une-commande-de-42-rafale-un-contrat-estime-a-81-mds-1865568> (accessed 09.08.2023).

³⁶ Falletti S. La "diplomatie aérienne" de la France en Asie-Pacifique. *Le Figaro*, 21.09.2022. Available at: <https://www.lefigaro.fr/international/la-diplomatie-aerienne-de-la-france-en-asie-pacifique-20220921> (accessed 09.08.2023).

³⁷ *Japon-Déclaration conjointe-7e consultations ministérielles des ministres des Affaires étrangères et de la Défense de la République française et du Japon (9 mai 2023)*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/japon/evénements/article/japon-declaration-conjointe-7e-consultations-ministerielles-des-ministres-des> (accessed 09.08.2023).

³⁸ Vincent E., Philip B. L'Inde a donné son accord de principe pour l'achat de 26 Rafale et 3 sous-marins français. *Le Monde*, 13.07.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/international/article/2023/07/13/l-armee-indienne-pourrait-acquerir-26-avions-de-combat-rafale_6181774_3210.html (accessed 09.08.2023).

ИТР³⁹. В апреле 2023 г. Э. Макрон в сопровождении главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен совершил государственный визит в Китай, причем в этом тандеме зримо играл ключевую роль. В экономическом плане визит стал для него успешным: Франция и Китай подписали ряд выгодных контрактов (об учреждении второй линии сборки “Аэробуса” в Китае, о строительстве компанией *Suez* завода по опреснению морской воды в провинции Шаньдун, об экспорте свинины в Китай и т.д.). С политической точки зрения итоги визита оказались менее однозначными: Макрон предостерег Си Цзиньпина от поставок оружия России и добился от китайского лидера согласия на “поддержку любых усилий ради возвращения мира на Украину”, но не осуждения действий РФ⁴⁰. Он довел до партнера по переговорам позицию Франции о нежелательности эскалации кризиса вокруг Тайваня, но также признал, что его страна не желает вступать в межблоковую конфронтацию. Рутинные заявления президента о важности построения стратегической автономии для ЕС по итогам визита в КНР и вовсе вызвали непонимание в США и среди европейских атлантистов. На саммите G7 в Японии в 2023 г. Макрон заявил, что страны Запада не нацелены на конфронтацию с Китаем.

Важное значение Франция придает своему участию в многостороннем сотрудничестве, что должно закрепить за ней статус значимой страны в регионе. В ноябре 2022 г. Макрон участвовал в саммите G20 в Индонезии и в саммите АТЭС в Таиланде (он стал первым президентом из стран ЕС, приглашенным на этот форум), в мае 2023 г. – в саммите Группы семи в Японии. На саммите АТЭС он подчеркнул, что Франция является не только европейской, но и индо-тихоокеанской страной: “Если смотреть на карту, то Франция находится в Европе, это верно. Но благодаря своим заморским территориям Франция – это нечто иное”⁴¹. Развивая этот подход, Франция в ноябре 2022 г. вошла в круг стран-наблюдателей на неформальных встречах министров обороны АСЕАН+.

Еще одной новацией стали попытки стимулировать отношения со странами, ранее не привлекавшими внимание Франции. В мае 2023 г. Макрон стал первым французским президентом, посетившим Монголию. Он не скрывал, что поощряет стремление этой азиатской страны разнообразить круг экономических и политических партнеров. В конце июля 2023 г. президент посетил заморское владение Новую Каледонию, где в 2021 г. прошел референдум о сохранении островов в составе Франции, а также государства Вануату и Папуа-Новая Гвинея.

Несмотря на видимую активизацию в ИТР, положение Франции в регионе скорее ставит больше вопросов, чем дает ясные ответы. Республика, безусловно, имеет здесь точки опоры в виде островных владений и некоторое влияние, может опираться на поддержку европейских партнеров, отчасти – США и Австралии. В то же время ее силовые средства в ИТР годятся скорее для патрулирования региона, чем для сдерживания других держав. Отсюда попытки привлечь в ИТР военно-политические ресурсы ЕС. Но основная проблема Франции в этой части земного шара не столько техническая, сколько идейная и во вторую очередь – экономическая. В докладе Сената 2023 г. отмечено, что стратегия Франции в ИТР носит декларативный характер и опирается в основном на инструменты “мягкой силы”, без четко обозначенных целей и расчета нужных средств. Ее экономическое присутствие в регионе весьма скромное: по данным 2020 г. на рынках Индии, Индонезии, Вьетнама и Малайзии Франция, имевшая долю в 0.6-1.1%, уступала не только Китаю (10–18%) и США (5–8%), но и Японии (2.7–7.7%) с Германией (1.3–3.5%). Не случайно сенаторы отмечали, что экономических средств Франции для реализации стратегии явно недостаточно⁴². Вопрос, что именно Париж может предложить государствам региона, опасаясь американо-китайской конфронтации, в идейном, экономическом и военном планах, и как французы планируют продвигать

³⁹ *Revue nationale stratégique* 2022. Op. cit. P. 39.

⁴⁰ Brunet R. Emmanuel Macron en Chine: “Le but était de faire passer des messages, le bilan est mitigé”. *France 24*, 07.04.2023. Available at: <https://www.france24.com/fr/asie-pacifique/20230407-emmanuel-macron-en-chine-le-but-%C3%A9tait-de-faire-passer-des-messages-le-bilan-est-mitig%C3%A9> (accessed 09.08.2023).

⁴¹ Discours du Président Emmanuel Macron au Sommet de l’APEC. *Agence News Press*, 21.11.2022. Available at: http://www.newspress.fr/Communiqu%C3%A9_FR_316359_592.aspx (accessed 09.08.2023).

⁴² *La stratégie française pour l’Indopacifique: des ambitions à la réalité*. Rapport d’information n° 285 (2022-2023), déposé le 25 janvier 2023. Senat. Available at: <https://www.senat.fr/rap/r22-285/r22-285.html> (accessed 15.10.2023).

свои интересы в среде столь разных партнеров, на которых они делают ставку, остается открытым. Но в ближайшие годы Франция, вероятно, будет стремиться повышать свое экономическое и военное присутствие в регионе, чтобы затем активнее вербовать себе союзников.

НОВЫЙ КУРС ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ В АФРИКЕ?

Африка продолжает оставаться одним из приоритетных направлений во внешней политике президента Макрона. Этому есть ряд причин: экономическая (континент важен для Франции как источник жизненно необходимого сырья – например, урана для атомной промышленности – и как выгодный рынок сбыта для французских товаров), политическая (решение актуальных вопросов, включая миграционные) и культурная (сохранение своей сферы влияния для воспроизводства лояльных элит и популяризации французского языка, образования и искусства). После завершения деколонизации в 1960-е–1970-е годы свое влияние на континенте Республика обеспечивала с помощью неокOLONИАЛЬНЫХ рычагов: не только экономическими средствами, связывая африканские страны кабальными кредитами, но и с помощью военных переворотов, организуя свержение негодных ей режимов, как это происходило, например, в ЦАР, Мали или Кот-д’Ивуаре. До сих пор отношения со странами Африки строились в соответствии с доктриной “Франсафрика”, основанной на комбинации формальных и неформальных отношений Парижа с африканскими партнерами. Символом военного присутствия Франции в Африке являются военные базы в шести африканских странах: Джибути, Сенегале, Нигере, Чаде, Кот-д’Ивуаре и Габоне.

В последние годы эти ставшие традиционными методы вызывают резкую критику со стороны африканской общественности, авторитет Франции на “Черном континенте” заметно падает. Не добавляет ей популярности и отказ Макрона извиниться перед жителями Африки за колониальное прошлое. Одновременно с этим на континенте усиливается влияние Китая и России. КНР стала для него крупнейшим инвестором, а Россия активно помогает африканским государствам в борьбе с терроризмом и в строительстве национальных армий. С терроризмом в ряде стран Африки французы столкнулись и сами, они пытаются бороться с ним, используя свои регулярные воинские подразделения и даже Иностраннный легион. Но справиться с этим опасным явлением им не удалось, в результате чего, в частности, Макрон заявил об уходе Франции из Мали.

В марте 2023 г. накануне своего уже 18-го визита в Африку он провозгласил, что отныне политика Пятой республики на этом континенте будет строиться на базе сбалансированного партнерства по вопросам климата, экономической и индустриальной диверсификации, в целях защиты французских интересов и работы на общее благо. По сути речь шла о замене военного вмешательства Франции в дела африканских стран на механизмы “мягкой силы” и переложении военного бремени на многосторонние миротворческие силы. Макрон стал далеко не первым из французских президентов, кто заявил об окончании политики “Франсафрики”, но, похоже, на самом деле он стремится отказаться от роли Франции как “континентального жандарма”.

За время своего очередного африканского турне французский президент посетил четыре столицы, в которых не бывал ранее: Либревиль (Габон), Луанду (Ангола), Браззавиль (Конго) и Киншасу (Демократическая Республика Конго). В столице Анголы он заявил, что сокращение военного присутствия Франции на континенте не означает урезания помощи странам Африки в борьбе с терроризмом. Он сообщил также, что французские военные базы в Либревиле, Абиджане и Дакаре будут реорганизованы, а в управлении ими примут участие военнослужащие тех стран, на территории которых они находятся. Во время посещения Луанды, Браззавиля и Киншасы Макрон выразил серьезную обеспокоенность конфликтом, существующим между ДРК и Руандой⁴³, и

⁴³ Вооруженный конфликт между Руандой и ДРК возник из-за того, что власти Руанды поддерживают подпольную группировку “Движение 23 марта” в ДРК и снабжают ее оружием. Движение объединяет конголезских тутси, поднявших восстание против правительства ДРК, обвинив его в невыполнении своих обещаний в отношении этого народа.

подтвердил, что Франция отныне не будет вмешиваться с помощью военных в дела африканских стран.

Военные перевороты в Нигере 26 июля и в Габоне 30 августа 2023 г., где были свергнуты профранцузские президенты М. Базум и А. Бонго Ондимба соответственно, поставили под вопрос новый африканский курс Макрона. В конце июня 2023 г. пресс-служба Елисейского дворца заявила, что президент Франции не потерпит нападков на свою страну и ее интересы в Нигере, и Париж готов дать “немедленный и непреклонный” ответ⁴⁴. Официальные представители подчеркнули, что поддерживают все инициативы, направленные на восстановление конституционного порядка в Нигере и возвращение к власти свергнутого президента М. Базума. Поскольку власти Алжира, Гвинеи, Буркина-Фасо и Мали подвергли критике возможное вторжение Франции в Нигер, памятуя о практике “Франсафрики”, Макрон, судя по всему, предпочел не вмешиваться в конфликт напрямую военными средствами, мобилизуя на борьбу с повстанцами Нигера союзников среди африканских стран (Сенегал, Кот-д’Ивуар).

Франция еще сохраняет мощные экономические и финансовые рычаги для удержания своего влияния в Африке. Она печатает деньги для 14 государств континента, а их местная валюта привязана к евро. Метрополия и ее бывшие колонии создали единый экономический механизм, в который входят восемь стран Западной и шесть стран Центральной Африки⁴⁵ (сейчас существуют два франка КФА – для двух регионов). При этом государства – члены зоны обязаны держать половину своих денежных резервов и все золото во французском казначействе. Еще около 20% их финансовых ресурсов должны быть зарезервированы на исполнение внешних обязательств этих стран. Таким образом, даже лидеры этих сообществ до сих пор не имеют доступа к большей части собственных средств и не могут самостоятельно менять курс валюты. В случае нехватки финансов им приходится прибегать к кредиту, который Франция предоставляет под высокий процент, используя иногда их же средства. Свободный поток капиталов позволяет французским компаниям беспрепятственно вывозить свою прибыль, при этом продукция африканских стран во Франции реализуется по крайне низким ценам, нанося серьезный экономический ущерб экспортерам. В то же время привязка франков КФА к евро позволяет им иметь определенный запас прочности в случае финансовых кризисов.

Третьим рычагом Франции в Африке остается культурное влияние, которое она осуществляет с помощью Международной организации франкофонии. Всего в нее входит 54 страны, среди них – 29 африканских⁴⁶, причем необязательно это бывшие французские колонии. Сам Макрон не раз подчеркивал, что не намерен ограничиваться в своей африканской политике развитием отношений лишь с франкоязычными государствами. Это свидетельствует об интересе к сохранению своих позиций в Африке в целом.

Объявляя об изменении французской политики на “Черном континенте”, Макрон признал, что оно не означает уход Франции из Африки. По сути лишь частично меняется форма африканского курса: сворачивая или сокращая военное присутствие, Франция с помощью “мягкой силы”, используя экономическую и финансовую зависимость государств Африки, стремится сохранить свое влияние на них. Это прекрасно понимают и в африканских странах. К примеру, накануне визита Макрона в столицу ДРК в марте 2023 г. у посольства Франции в Киншасе состоялась демонстрация, участники которой выразили протест в связи с предстоящим визитом. Демонстрации прошли под лозунгами “Макрон – убийца”, “Макрон – крестный отец балканизации ДРК”.

⁴⁴ Coup d’Etat au Niger: l’ambassade de France visée par des manifestants, la Cedeao exige un retour à l’ordre d’ici à une semaine. *Le Monde*, 30.07.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2023/07/30/coup-d-etat-au-niger-des-milliers-de-manifestants-pro-putsch-rassemblements-devant-l-ambassade-de-france-a-niamey_6183892_3212.html (accessed 09.08.2023).

⁴⁵ В Западноафриканский экономический и валютный союз входят Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д’Ивуар, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал, Того. В Центральноафриканское экономическое и валютное сообщество – Габон, Камерун, Республика Конго, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея.

⁴⁶ Подсчитано авторами по данным: 88 *Etats et gouvernements*. OIF. Available at: <https://www.francophonie.org/88-etats-et-gouvernements-125> (accessed 09.08.2023).

Реакция африканской общественности в странах, которые посетил в ходе своего турне французский президент, свидетельствует о том, что объявленная им смена курса наталкивается на серьезнейшие препятствия, в частности, в виде инерции традиционных инструментов влияния (экономических, военных и культурных), запущенных еще во времена “Франсафрики”. С одной стороны, это позволяет Франции удерживать ряд африканских стран в орбите своего влияния, но с другой – не способствует росту ее авторитета среди африканцев и осложняет конкуренцию с другими державами, имеющими свои интересы на континенте.

В условиях роста интереса к Африке со стороны других держав (Китая, США, Турции, России и др.) основной курс Франции на континенте состоит в максимальном удержании своего экономического, политического и культурно-языкового влияния. Макрон стремится изменить среди африканцев сложившейся образ Франции как державы-колонизатора на образ державы-партнера, обновляя прежде всего инструментарий средств. Цель Парижа – минимизировать применение военной силы, делая упор на экономические рычаги и “мягкую силу”. В ближайшие годы Францию, скорее всего, ожидает серьезная борьба за сохранение своей роли в Африке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика Э. Макрона в первый год второго мандата подвергалась серьезным изменениям под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. На его внешнеполитический курс оказывают влияние три ключевых внешних фактора: это переход украинского кризиса в “горячую” стадию, обострение американо-китайских отношений и усиление международной конкуренции за влияние в Африке. В совокупности они серьезно осложнили позиции Франции в мире и в известном смысле сковали инициативность ее президента, заставив его, говоря шахматным языком, “играть от обороны”.

Наиболее зримые последствия пока демонстрирует развитие украинского кризиса, вылившегося в кризис безопасности в Европе. Непосредственным результатом событий 2022–2023 гг. стало сужение свободы политического маневра Франции. В текущих условиях реализация амбициозного проекта стратегической автономии ЕС и даже “Европы-державы” с привлечением России, который Э. Макрон отстаивал в ходе своего первого мандата, как минимум отложен. Изменение общего контекста в Европе заставляет французского лидера бороться за сохранение роли Франции как влиятельной державы в Старом свете, причем не только во время украинского конфликта, но и с прицелом на период постконфликтного урегулирования. Именно эти соображения определяют курс Парижа на поддержку Украины и солидарность в рамках НАТО, доминирование атлантизма над европеизмом, а следовательно, и беспрецедентное с 1992 г. ухудшение отношений Франции с Россией. За прошедшие полтора года позиция Франции по Украине значительно ужесточилась, а французская дипломатия делает упор на принуждение Москвы и Киева к переговорам (на условиях второго), в которых Париж намерен принять участие. Очевидно, что лишь с окончанием конфликта Франция получит большую свободу рук.

Обострение американо-китайских отношений, в частности, в Индо-Тихоокеанском регионе, пока не достигло такой степени конфликтности, какая наблюдается в Европе, но имеет серьезный конфронтационный потенциал. В этих условиях Франция по-прежнему стремится укрепляться в ИТР, поскольку располагает там владениями, а регион играет все более важную роль в мировой экономике. Она стремится с помощью союзников по ЕС сформировать вокруг себя условно нейтральную коалицию из региональных игроков. Но на фоне США и Китая ресурсов в ИТР ни у ЕС, ни тем более у самой Франции явно недостаточно при том, что поле для маневров Парижа также сужается по мере обострения ситуации вокруг Тайваня. Тем не менее Франция продолжит курс на более тесное встраивание в ИТР в экономическом и в политическом смысле, опираясь на существующие ресурсы и двусторонние связи со странами региона. Иная ситуация складывается для Франции в Африке. Усиление международной конкуренции за влияние на “Черный континент” стало настоящим вызовом для Парижа. Столкнувшись с угрозой падения своего влияния в регионе, Франция при Макроне вынуждена бороться за удержание своих позиций. В отличие от ИТР, Франция видит в лице европейских стран

(Германии, Великобритании и др.) в Африке скорее конкурентов, чем партнеров и не стремится привлекать их для решения своих проблем. Хотя есть лояльные к Франции африканские государства, их явно недостаточно для выстраивания коалиции союзников. Поэтому текущий французский курс в Африке нацелен на борьбу за умы африканцев, с тем чтобы изменить образ Франции с отрицательного на положительный и нащупать новые форматы сотрудничества с африканскими странами. Отсюда и перемены в подходе Франции к урегулированию кризисов безопасности в Африке.

Таким образом, во внешней политике Франции наблюдается определенная преемственность, но с заметной корректировкой предыдущего курса в связи с возникновением новых вызовов, прежде всего – украинского конфликта. При этом Макрон остается активным переговорщиком в самых разных форматах в Европе, ИТР и в Африке. Но вышеперечисленные вызовы создают серьезные испытания для французской дипломатии. В этих условиях от Макрона и его команды потребуется недюжинное умение лавировать в новых обстоятельствах, продолжая борьбу за лидерство внутри ЕС и за защиту интересов Франции в других регионах мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Зуева К.П., Тимофеев П.П. Внешняя политика президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 12, сс. 83-91. [Zueva K.P., Timofeev P.P. Foreign Policy of the President of France E. Macron: Pragmatism Behind the Mask of Atlantism? *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 83-91. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91
2. Зуева К.П., Тимофеев П.П. Президентство Э. Макрона во Франции: итоги первого пятилетия (2017–2022). *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 10, сс. 45-55. [Zueva K.P., Timofeev P.P. The Presidency of E. Macron in France: the Results of the First Term (2017–2022). *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 10, pp. 45-55. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-45-55
3. De Montbrial Th., David D., eds. *RAMSES 2023. L'Europe dans la guerre*. Paris, Dunod/Ifri, 2022. 376 p.
4. Editorial. *Politique étrangère*, 2022, vol. 87, no. 2, pp. 6-8. DOI: 10.3917/pe.232.0005
5. Gomart T., Hecker, M., eds. *Chine/États-Unis: l'Europe en déséquilibre*. Paris, Ifri, 2023. 62 p. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/gomart-hecker_chine_etats-unis_2023.pdf (accessed 09.08.2023).
6. Charillon F. Enjeux et défis d'une nouvelle politique étrangère française. *Areion 24 News*, 16.05.2022. Available at: <https://www.areion24.news/2022/05/16/enjeux-et-defis-dune-nouvelle-politique-etrangere-francaise/> (accessed 09.08.2023).
7. Bret C., Parmentier F. *Macron et l'Europe centrale et orientale: les défis du second mandat*. TELOS, 07.07.2022. Available at: <https://www.telos-eu.com/fr/politique-francaise-et-internationale/macron-et-leurope-centrale-et-orientale-les-defis-.html> (accessed 09.08.2023).
8. Duchâtel M. *La crédibilité de la France dans l'Indopacifique: premières pistes*. Paris, L'Institut Montaigne, 2023. 30 p. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/la-credibilite-de-la-france-dans-lindopacifique-premier-pistes-note-denjeux.pdf> (accessed 09.08.2023).
9. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. *Эволюция франко-германского тандема*. Москва, ИЕ РАН, 2023. 92 с. [Rubinsky Yu.I., Sindeev A.A. *Evolution of Franco-German Tandem*. Moscow, IE RAN, 2023. 92 p. (In Russ.)] DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52023_402
10. Рубинский Ю.И. Агония “Франсафрики”. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 2023, № 321, сс. 12-17. [Rubinsky Yu. I. The Agony of “Françafrika”. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, 2023, no. 321, pp. 12-17. (In Russ.)] Available at: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2023/an321.pdf> (accessed 15.10.2023). DOI 10.15211/analytiks42420231217
11. Чихачев А.Ю. *Франция и Европа: испанский аккорд*. Российский совет по международным делам. 06.02.2023. [Chikhachev A.Yu. *France and Europe: Spanish Chord*. Russian International Affairs Council. 06.02.2023. (In Russ.)]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/frantsiya-i-evropa-ispanskiy-akkord/> (accessed 09.08.2023).
12. Алексеенкова Е.С., Чихачев А.Ю. Квиринальский трактат – двусторонний договор о будущем ЕС? *Современная Европа*, 2022, № 3, сс. 33-48. [Alekseenkova E.S., Chikhachev A.Yu. The Quirinal Treaty: Bilateral Agreement on the EU's Future? *Contemporary Europe*, 2022, no. 3, pp. 33-48. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708322030032
13. Чихачев А.Ю., Гуляев Е.В. Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 5, сс. 59-67. [Chikhachev A.Yu., Guliaev E.V. French and German Strategies in the Indo-Pacific. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 5, pp. 59-67. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-59-67
14. Маслова Е.А., Шебалина Е.О. Италия в треугольнике Рим – Париж – Берлин. *Современная Европа*, 2023, № 2 (116), сс. 5-18. [Maslova E.A., Shebalina E.O. Italy in the Rome – Paris – Berlin Triangle. *Contemporary Europe*, 2023, no. 2 (116), pp. 5-18. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708323020018
15. Чернега В.Н. “Европейская общая оборона” и украинский кризис. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, 2022, № 66 (82), сс. 2-6. [Chernega V.N. ‘European common defense’ and the Ukrainian Crisis. *Evropeiskaya bezopasnost’: sobytiya, otsenki, prognozy*, 2022, no. 66 (82),

- pp. 2-6. (In Russ.) Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49595961&ysclid=lm9761jr0841639833> (accessed 09.08.2023).
16. Lenain P. *Inflation Reduction Act versus Pacte vert. Les divergences transatlantiques sur la transition énergétique*. The Institut français des relations internationales (IFRI). 28.02.2023. Available at: <https://www.ifri.org/fr/publications/editoriaux-de-lifri/chroniques-americaines/inflation-reduction-act-versus-pacte-vert> (accessed 09.08.2023).

ДЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ БРИТАНСКИХ РЕГИОНОВ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА: КЕЙСЫ ШОТЛАНДИИ И УЭЛЬСА

© ШЕИН С.А., БЕЛОУС Ю.А., ЧУПРИЯНОВА П.И., СЕМЕНОВА Н.О.,
КОРОЛЁВА Л.В., 2023

ШЕИН Сергей Александрович, кандидат политических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. М. Ордынка, д. 17 (sshein@hse.ru), ORCID: 0000-0001-9749-9116

БЕЛОУС Юлия Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. М. Ордынка, д. 17 (ybelous@hse.ru), ORCID: 0000-0002-0871-8223

ЧУПРИЯНОВА Полина Игоревна, студент факультета мировой политики и мировой экономики, программный координатор Российского совета по международным делам (РСМД).

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. М. Ордынка, д. 17 (pichupriyanova@edu.hse.ru) ORCID: 0009-0005-5982-3380, Российский совет по международным делам (РСМД), РФ, 119049 Москва, ул. 4-й Добрынинский переулок, 8 (pchupriyanova@russiancouncil.ru)

СЕМЕНОВА Наталья Олеговна, студент факультета мировой политики и мировой экономики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. М. Ордынка, д. 17 (nosemenova@edu.hse.ru)

КОРОЛЁВА Лолита Витальевна, стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка 17, стр.1 (lkrasikova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-5112-7875

Шеин С.А., Белоус Ю.А., Чуприянова П.И., Семенова Н.О., Королёва Л.В. Деволюция как фактор политической субъектности британских регионов после Брексита: кейсы Шотландии и Уэльса. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 3, сс. 79-90. DOI: 10.20542/afij-2023-3-79-90

DOI: 10.20542/afij-2023-3-79-90

EDN: SZQVQO

УДК: 323(410)

Поступила в редакцию 07.12.2022.

После доработки 25.10.2023.

Принята к публикации 04.12.2023.

Брексит как глубокое политико-институциональное потрясение для Соединенного Королевства и интеграционного объединения – Европейского союза в целом – существенным образом изменил контекст функционирования британских этнорегиональных автономий. Выход Великобритании из состава Европейского союза трансформировал параметры политической субъектности британских регионов в условиях продолжающейся деволуции. Деволуционная рамка,

характеризующаяся асимметричными отношениями центра с регионами, а также половинчатым характером проведенных преобразований, создала барьеры для развития политической субъектности регионов в ситуации перераспределения полномочий после ликвидации наднационального уровня управления в результате Брекзита. Одним из последствий выхода Великобритании из ЕС стала попытка рецентрализации внутренней политики консервативным правительством Бориса Джонсона, который действовал в русле проводимой ранее деволюционной политики. Авторы статьи поставили целью выявить влияние Брекзита на политическую субъектность британских регионов Соединенного Королевства – Шотландии и Уэльса, используя теоретические построения исторического институционализма. В результате исследования сделан вывод о том, что возросший запрос на расширение политической субъектности британских регионов после Брекзита не приводит к росту полномочий и предпочтений региональных администраций, исходя из существующей деволюционной рамки, ограничивающей возможности регионов бороться за свой статус, полномочия и предпочтения в рамках существующей политической системы. Последняя определяет пределы стратегии региональных властей в условиях отсутствия четкой многоуровневой политики в Соединенном Королевстве и нехватки институциональных механизмов повышения субъектности регионов. Выявлено, что центральные власти используют исключительную политику “мягкой рецентрализации” после Брекзита во взаимодействиях с регионами. Шотландия и Уэльс в свою очередь реализуют стратегии “управляемой конфронтации” и “вынужденного сотрудничества” соответственно, исходя из отсутствия институциональных механизмов повышения собственного статуса в рамках национальной политической системы.

Ключевые слова: деволюция, Брекзит, этнорегиональные автономии, политическая субъектность, Соединенное Королевство, Шотландия, Уэльс.

Вклад авторов: Шеин С.А. – концептуализация, редактирование, утверждение окончательного варианта статьи; Белоус Ю.А. – методология исследования, формулирование выводов исследования; Чуприянова П.И. – подготовка раздела о стратегии центра с Шотландией и Уэльсом относительно политической субъектности этнорегиональных автономий; Семенова Н.О. – анализ стратегии центра с Уэльсом относительно политической субъектности этнорегиональных автономий; Королева Л.В. – критический анализ литературы, описание результатов исследования.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: исследование выполнено в рамках проекта № 22-00-047 Научного фонда НИУ ВШЭ по созданию научно-учебной группы “Оценка политической субъектности этнорегиональных автономий” в 2022 г.

DEVOLUTION AS A POST-BREXIT FACTOR OF THE BRITISH REGIONS POLITICAL ACTORNESS: THE CASES OF SCOTLAND AND WALES

Received 07.12.2022. Revised 25.10.2023. Accepted 04.12.2023.

*Sergei A. SHEIN (sshein@hse.ru), ORCID: 0000-0001-9749-9116,
National Research University 'Higher School of Economics', 17 Malaya Ordynka Str.1, Moscow
119017, Russian Federation.*

*Yulia A. BELOUS (ybelous@hse.ru), ORCID: 0000-0002-0871-8223,
National Research University 'Higher School of Economics', 17 Malaya Ordynka Str.1, Moscow
119017, Russian Federation.*

*Polina I. CHUPRIYANOVA (pichupriyanova@edu.hse.ru ; pchupriyanova@russiancouncil.ru),
ORCID: 0009-0005-5982-3380,*

National Research University 'Higher School of Economics', 17 Malaya Ordynka Str.1, Moscow 119017, Russian Federation,
Russian International Affairs Council, 8, 4th Dobryninsky Pereulok, Moscow 119049, Russian Federation.

Natalia O. SEMENOVA (nosemenova@edu.hse.ru),
National Research University 'Higher School of Economics', 17 Malaya Ordynka Str.1, Moscow 119017, Russian Federation.

Lolita V. KOROLEVA (lkrasikova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-5112-7875,
National Research University 'Higher School of Economics', 17 Malaya Ordynka Str.1, Moscow 119017, Russian Federation.

Brexit, as a profound political and institutional shock for the United Kingdom and the whole European Union as an integration organization, has significantly changed the context of the functioning of British ethno-regional autonomies. The UK's exit from the European Union has transformed the parameters of the political actorness of British regions in the context of an ongoing devolution. The devolutionary framework, characterized by asymmetrical relations between the center and the regions, as well as the unthorough nature of the reforms carried out, created barriers to the development of the political actorness of the regions in a situation of redistribution of powers after the elimination of the supranational level of governance after Brexit. Britain's exit from the EU led to an attempt to recentralize domestic policy by the Conservative government of Boris Johnson, following which he acted in line with the previously pursued devolutionary policy. The authors of the article set out to identify the impact of Brexit on the political actorness of the British regions of the United Kingdom – Scotland and Wales – using theoretical tools of historical institutionalism. The study concluded that the increased demand for expanding the political actorness of British regions after Brexit does not lead to an increase in the powers and preferences of regional administrations, based on the existing devolutionary framework that limits the ability of regions to fight for their status, powers and preferences within the existing political system. The system determines the limits of the strategy of regional government actors in the absence of a clear configuration of multi-level politics in the United Kingdom and the lack of institutional mechanisms to increase the actorness of the regions. It was revealed that the central authorities use an exclusionary policy of 'soft recentralization' after Brexit in relations with the regions. Scotland and Wales, in turn, implement strategies of 'managable confrontation' and 'forced cooperation' in relation to the center based on the lack of effective institutional mechanisms for increasing their own status within the national political system.

Keywords: devolution, Brexit, political subjectness, the United Kingdom, Scotland, Wales.

About the authors:

Sergei A. SHEIN, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, International Regional Studies Department, Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS);

Yulia A. BELOUS, Cand. Sci. (Hist.), Research Fellow, Deputy Director, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS);

Polina I. CHUPRIYANOVA, Student, Faculty of World Economy and International Affairs, Program Coordinator at the Russian International Affairs Council (RIAC);

Natalia O. SEMENOVA, Student, Faculty of World Economy and International Affairs;

Lolita V. KOROLEVA, Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS).

Authors' contribution: Shein S.A. – conceptualization, editing, approval of the final version of the article; Belous Yu.A. – research methodology, formation of research conclusions; Chupriyanova P.I. – writing a part about the center's strategy on Scotland and Wales regarding the political actorness of the ethno-regional autonomies; Semenova N.O. – writing a part about the center's strategy on Wales regarding the political actorness of the ethno-regional autonomies; Koroleva L.V. – critical analysis of the literature, description of the results.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Financial support: The study was conducted in 2022 as a part of the project No. 22-00-047 of the Scientific Foundation of the National Research University 'Higher School of Economics' for the creation of a scientific and educational group 'Evaluation of the political acrtorness of ethno-regional autonomies'.

ВВЕДЕНИЕ

Отношения между центром и регионами в государствах, имеющих в своем составе этнорегиональные автономии (ЭРА), то есть регионы с высоким уровнем автономности в принятии решений и опирающиеся в достижении своей автономии на этнический базис [1], имеют особую динамику. Брекзит как критически осязаемое политико-институциональное потрясение для Соединенного Королевства и проекта европейской интеграции в целом существенным образом изменил контекст функционирования британских ЭРА, трансформируя их политическую субъектность в условиях продолжающейся деволюции.

Под политической субъектностью понимается способность региона участвовать в определении собственного статуса [2]. Основным критерием политической субъектности является наличие институционализированных механизмов взаимодействия с центром относительно распределения полномочий и предпочтений в процессе реализации политического курса. Посредством этих механизмов регионалистские партии и движения стремятся отстаивать/укреплять автономность от центральной власти. Обладая высокими степенью политической представленности и уровнем электоральной поддержки, указанные политические силы имеют потенциал для продвижения повестки расширения автономии региона в рамках сложившихся в государстве институциональных механизмов.

Выход Великобритании из состава Европейского союза (ЕС) 31 января 2020 г. актуализировал вопрос относительно потенциальных возможностей расширения автономии британских регионов. В 2017 г. в Белой книге британского правительства "Законодательство о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза", посвященной нормативным правовым изменениям на фоне Брекзита¹, подчеркивалось, что одним из результатов выхода страны из Евросоюза станет существенный рост возможностей региональных администраций в сфере принятия решений по широкому спектру вопросов, "вернувшихся" из Брюсселя. К примеру, ожидалось, что Уэльс как регион с наименьшим количеством полномочий и предпочтений с 1 января 2021 г. получит 70 новых полномочий в 160 областях, которые ранее контролировались институтами ЕС, в том числе в сфере углеродного регулирования, экологического законодательства, включая регулирование деятельности энергетических компаний и сельского хозяйства².

Однако Брекзит не стал "окном возможностей" для пересмотра или масштабной корректировки институциональной рамки взаимоотношений центра и регионов, возникшей после начала процесса деволюции в 1998 г. Эксперты британского Института государственного управления отмечали, что Брекзит создал почву для новых разногласий по многим важным направлениям политики, ранее относившимся к законодательной компетенции Евросоюза³. На практике это выразилось в том, что поддержанный в 2019–2022 гг. значительным парламентским большинством премьер-министр Великобритании Б. Джонсон не принял решение осуществлять передачу полномочий регионам в соответствии с Законом о Европейском союзе 2018 г., представляющем собой описание нормативного правового регулирования жизни британского общества

¹ *Legislating for the United Kingdom's Withdrawal from the European Union*. Department for Exiting the European Union. March 2017. 39 p. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/604516/Great_repeal_bill_white_paper_accessible.pdf (accessed 10.10.2022).

² Hughes D., Barry S. Increased Powers for Wales After Brexit Causes Row. *Wales Online*, 16.07.2020. Available at: <https://www.walesonline.co.uk/news/wales-news/welsh-government-devolution-powers-brexit-18604165> (accessed 10.10.2022).

³ *The Impact of Brexit on Devolution*. Scottish Parliament. 22.09.2022. Available at: <https://digitalpublications.parliament.scot/Committees/Report/CEEAC/2022/9/22/1b7a03d8-e93c-45a4-834a-180d669f7f42#Introduction> (accessed 10.10.2022).

после Брексита. Среди сфер, полномочия по которым предполагалось вернуть на региональный уровень управления, были транспорт, окружающая среда и сельское хозяйство. Подобный подход премьер-министра явился отражением и предшествующей логики реализации деволюции в Великобритании, и восприятия той желаемой модели распределения полномочий между центром и регионами, которая сформировалась у Консервативной партии в постдеволюционный период.

Данное исследование ставит целью выявить влияние Брексита на политическую субъектность британских регионов. Гипотеза авторов заключается в том, что возросший запрос на расширение политической субъектности регионов страны после решения о выходе из ЕС не приводит к росту полномочий и преференций региональных администраций и парламентов, исходя из существующей деволюционной рамки, которая ограничивает возможности регионов менять собственный статус в рамках политической системы в одностороннем порядке. Британский вариант децентрализации определяет стратегии региональных акторов в условиях отсутствия четкой конфигурации многоуровневой политики в Соединенном Королевстве, а также институциональных механизмов взаимодействия центра и регионов с целью расширения автономии последних.

Анализ влияния Брексита на политическую субъектность регионов формирует новое направление исследований несмотря на то, что растущее в Европе XX в. число ЭРА стало поводом для появления работ, где предпринимались попытки осмысления основных принципов и характерных черт европейского регионализма [3; 4]. Так, важными с точки зрения разработки предложенной темы представляются исследования этнорегиональных автономий [1; 5; 6]. В них акцентируются такие черты ЭРА, как определенная степень самостоятельности в рамках государства, выраженная в реализации регионалистской политической программы через орган представительной власти; этнический характер, лежащий в основе конструирования автономии. Учитывая, что европейский интеграционный проект актуализировал вопрос о сочетании запроса ЭРА на собственную субъектность, их стремления к политической и экономической самостоятельности и территориальной целостности государства, исследователи уделяют особое внимание феномену европеизации национальных и этнорегиональных партий и становлению последних в качестве инструмента защиты/повышения политической субъектности региона [7; 8].

Несмотря на значительный объем и содержательность существующих исследований применительно к Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсу, несколько “в тени” остается вопрос о том, как меняется политическая субъектность этнорегиональных автономий после подобных Брекзиту политико-институциональных потрясений.

В качестве теоретико-методологической рамки в статье использовался исторический институционализм, который концентрирует внимание на темпоральном изменении институтов и институционального дизайна. Представители этого подхода уделяют особое внимание “тропе зависимости” – ситуации, когда однажды выбранная институциональная траектория определяет дальнейшую политику. Таким образом, аналитические инструменты исторического институционализма позволяют определить стратегии центра и регионов после Брексита в контексте предшествующего институционального развития (проведенной в конце 1990-х годов деволюционной реформы).

Исходя из поставленной цели исследования, авторы разделили текст статьи на две основные части. В первой выявлена динамика деволюции как институционального фактора политической субъектности ЭРА в Великобритании. Во второй проанализированы стратегии центра и регионов после выхода страны из состава ЕС в контексте существующего деволюционного соглашения.

ДЕВОЛЮЦИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РАМКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЭРА

Деволюция “как передача полномочий по принятию решений от центральных органов власти к субнациональным парламентам и администрациям” [9, р. 279] стала реальностью британской политической жизни в 1998 г. вместе с принятием актов о Шотландии и Уэльсе. Создание органов представительной власти в регионах “кельтской периферии” было обусловлено эволюцией Британии от государства одной “британской нации” к “союзному государству” [10, р. 109], для которого стало важным наличие законодательных органов в этнорегионах.

Однако деволуционные практики не ограничились созданием новых политических институтов. По верному замечанию в 1998 г. тогдашнего министра по делам Уэльса Рона Дэвида в правительстве лейбористов, “деволюция – это процесс, а не событие” [9, р. 311]. За прошедшую четверть века объем полномочий представительных органов поступательно расширялся, одновременно росла и асимметрия в отношениях центра и регионов и между самими регионами.

Отсутствие четко распределенных полномочий различных уровней власти и двусторонний характер соглашений центра и регионов позволяли британским политическим элитам использовать “тонкую настройку” деволуционных моделей, учитывающих региональную специфику: законодательную деволуцию в Шотландии, исполнительную деволуцию с акцентом на развитии институтов поддержания валлийского языка в Уэльсе, внедрение принципов консоциативной демократии в работу представительного органа Северной Ирландии (Стормонта) [11].

Подходы правительства к региональным моделям деволуции объяснялись различной степенью развития шотландского и валлийского национализма и акцентом последнего на культурной автономии. Поэтому если Шотландия получила законодательную деволуцию, то в Уэльсе был реализован более “мягкий” вариант, позволяющий говорить об административном (по крайней мере на начальном этапе), а не законодательном характере деволуции.

Анализируя деволуционную динамику при лейбористском (1997–2010 гг.), коалиционном (2010–2015 гг.) и консервативном правительствах (с 2015 г.), можно заметить значительный уход от первоначальных замыслов “новых лейбористов” Тони Блэра ограничить функционал новых органов власти в регионах в процессе деволуции. Так, шотландская модель деволуции уже в 1998 г. предполагала возможность учреждения местного законодательства в области здравоохранения, образования, развития инфраструктуры и т.д., что выступило в качестве фактора роста шотландского регионализма. После победы Шотландской национальной партии на выборах в региональный парламент (Холируд) в 2007 г. наметился курс на активную передачу Вестминстером фискальных полномочий шотландскому парламенту в качестве альтернативы независимости. Основным событием в этом плане стал Акт о Шотландии 2012 г., позволивший законодательному органу Шотландии самостоятельно менять ставку подоходного налога во всех налоговых диапазонах (в размере 10 пенсов с каждого фунта стерлинга ежегодно)⁴.

Национальная ассамблея Уэльса (с 2020 г. – Парламент Уэльса), задуманная как проект “деволюции-лайт”, также значительно расширила свои компетенции со времени своего создания в 1998 г. До 2006 г. ассамблея представляла собой единый орган с законодательными и исполнительными полномочиями. Правительством Уэльса назывался исполнительный комитет ассамблеи, а первым секретарем – его председатель. Законодательный функционал ассамблеи был минимален и укладывался в рамки национального законодательства. Переданные полномочия в целом были эквивалентны

⁴ Scotland Act 2012. Chapter 11. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/11/pdfs/ukpga_20120011_en.pdf (accessed 10.10.2023).

тем, которые ранее имел министр по делам Уэльса⁵.

Принятый в 2006 г. Акт об Уэльсе не только отделил исполнительную власть от законодательной, но и предусмотрел институциональные механизмы дальнейшей деволюции, чем и воспользовались депутаты Национальной ассамблеи Уэльса, проведя в 2011 г. через референдум решение вопроса о первичном характере местного законодательства. Очевидно, что ассамблея двигалась в сторону холирудской (шотландской) модели как некоего идеального типа деволюции для уэльского парламента.

Если рассматривать деволюцию британского государства в категориях исторического институционализма, она представляется “критической развилкой” в институциональном развитии Британии, ознаменовавшей новый этап в отношениях центра и регионов. Фактически, пользуясь типологией институционального развития политолога К. Телен [12, сс. 57-58], которая различает “институциональное наслаивание” (введение новых структур дополнительно к уже существующим), “институциональную конверсию” (перепрофилирование существующих структур), “институциональный дрейф” (изменение роли института) и “институциональное замещение” (вытеснение института конкурентами), деволюция представляет собой именно первый вариант – “институциональное наслаивание”, поскольку в дополнение к существующим институтам были созданы новые, перенявшие ряд их функций. Полномочия представительных органов Шотландии и Уэльса первоначально совпадали с полномочиями территориальных министерств в центральном правительстве. Исследователь британской деволюции Д. Галахер, оценивая проведенные изменения, замечал, что “деволюция включала реорганизацию власти, но цена проведенных изменений оставалась низкой” [9, р. 28]. Это означало, что британский политический класс не пошел на кардинальные изменения основных принципов функционирования центр-региональных отношений в ходе деволюции.

В результате компромиссного характера формата “институционального наслаивания” регионы постепенно, но последовательно стали требовать расширения полномочий своих представительных органов. Лейбористские правительства в Лондоне и в регионах “кельтской периферии” имели ресурсы сдерживать данный процесс, не форсируя тему дальнейшей передачи полномочий региональным парламентам и администрациям. Однако на фоне кризиса “нового лейборизма”, связанного с падением популярности Т. Блэра из-за активного участия Великобритании в военной кампании в Ираке и его “рыночных” реформ в образовании и здравоохранении, Шотландская национальная партия (ШНП) стала доминирующей силой в местной политике. В то же время партия взяла курс на референдум о независимости, особенно в контексте Брексита, за который Шотландия не голосовала.

Таким образом, изначально возможности британских регионов по вопросу расширения своих полномочий и предпочтений в рамках системы государственного управления были ограничены компромиссным характером деволюции, по сути перераспредившей власть от министерских офисов по делам кельтских регионов в пользу новых региональных администраций и выборных законодательных ассамблей. Принцип “институционального замещения” в процессе деволюции был выбран исходя из по большей части неконфликтного характера отношений центра и регионов в ходе доминирования лейбористов в партийно-политической системе и управленческих структурах национального и регионального уровня. Лишь впоследствии эти взаимоотношения приобрели выраженный конфликтный характер (в Шотландии после формирования правительства меньшинства ШНП в 2007 г., в Уэльсе чуть позже – в 2010 г.).

Как результат, деволюция создала “тропу зависимости” от выбранной в 1998 г. институциональной траектории. Это выступает структурным ограничением развития политической субъектности регионов несмотря на то, что возрастающая роль региональных органов законодательной власти способствовала запросу на продолжение

⁵ National Assembly of Wales Official Site. Available at: <http://www.assemblywales.org/en/abthome/role-of-assembly-how-it-works/Pages/history-welsh-devolution.aspx> (accessed 01.04.2023).

деволюции со стороны как жителей этнорегионов, так и политических акторов, манифестирующих региональную политическую субъектность.

Полномочия Шотландии и Уэльса благодаря их взаимодействию с центром за последние 25 лет расширились, однако их возможности по определению объема этих полномочий ограничивались асимметричными и фрагментарными договоренностями с центром, формальным перераспределением власти от министерских офисов территориального управления к региональным администрациям и отсутствием эффективных институциональных механизмов, позволяющих регионам бороться за расширение автономии в рамках политической системы. Брекзит стал катализатором тех процессов, которые были запрограммированы деволуционной рамкой в Соединенном Королевстве в конце XX в.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЭРА В СТРАТЕГИЯХ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ

В условиях ограничений деволуционной рамки регионы вынуждены были добиваться расширения субъектности через формальные институты, которые во многом дублировали существовавшие в Британии до деволуции и носили консультативный характер. В этой ситуации логика консерваторов в британском Парламенте до и в ходе реализации Брекзита (с 2015 по 2020 гг.) в отношении передачи полномочий с наднационального (от институтов ЕС) на региональный уровень объяснялась не только стремлением сохранить территориальную целостность Соединенного Королевства. Британские консерваторы преследовали цель не допустить существенной трансформации центр-региональных отношений в условиях Брекзита и снизить накал шотландского национализма. В этой связи Консервативная партия стремилась восстановить контроль Вестминстера над региональным политическим процессом, который во многом был подорван на фоне принятия Актов о деволуции 1998 г. и созданием представительных органов в указанных регионах.

Как полагал старший преподаватель политологии Эдинбургского университета А. Конвери [13], использовавший типологию центр-периферийных отношений политолога Д. Булпита, еще на начальном этапе деволуции консерваторы ориентировались на сохранение модели "автономии центра". Данная модель разграничивала "высокую" (*high politics*) и "низкую" политики (*low politics*) во избежание конфликта между центром и периферией. "Высокая" политика, включающая макроэкономику и внешнюю политику, осталась под полным контролем Парламента и кабинета министров Соединенного Королевства после принятия Актов о деволуции 1998 г. Тем самым новые институты власти не создавали угрозы центральной власти и занимались регулированием вопросов, относящихся к "низкой" политике: образования, здравоохранения, развития инфраструктуры и т.д. Однако динамика деволуции актуализировала вопрос сохранения "высокой" политики в руках национального правительства.

Брекзит создал возможности для Консервативной партии провести "мягкую" рецентрализацию в условиях видоизмененной деволуцией системы центр-региональных отношений, не учитывая мнение субнациональных властей в процессе согласования условий выхода Соединенного Королевства из Евросоюза и закрыв им доступ к тем полномочиям, которые "возвращались" с наднационального уровня. Так произошло в ходе принятия Закона о внутреннем рынке Великобритании. Регионы не получили законодательных полномочий по вопросам, которые ранее были в ведении ЕС. Работа совместного министерского комитета по переговорам с ЕС, состоявшего из представителей национального правительства и региональных администраций, свелась к коммуникации и консультации центра и регионов, не предполагая создания механизмов согласования интересов властей различного территориального уровня при разработке проекта выхода из ЕС.

Важно, что согласно модели "зарезервированных" полномочий, заложенной в британский деволуционный механизм, формирование и реализация внешней политики являются сферой исключительной компетенции национального правительства. Таким образом, Брекзит, относящийся преимущественно к вопросам регулирования внешних

связей, неизбежно способствует централизации управления и расширению полномочий национального правительства. Одним из наиболее ярких подтверждений этого является п. 11 "Соглашения о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза"⁶, который касается вопросов деволюции и сфер исключительных полномочий центральной власти после Брекзита в целях "гармонизации внутреннего рынка". В списке перечислены 153 сферы деятельности государства, из которых 63 относятся к Уэльсу, 107 – к Шотландии и 151 – к Северной Ирландии. Во всех данных сферах действия региональных властей ранее регулировались общеевропейским законодательством, однако после принятия соглашения определяющим фактором являются законы Великобритании, что неизбежно расширяет влияние правительства на формирование повестки в регионах и региональные модели управления.

Таким образом, центр выбрал для себя исключаящую участие регионов стратегию "мягкой" рецентрализации в процессе выхода страны из ЕС. При этом Лондон опирался на модель "автономии центра", которой придерживался с самого начала деволюционного процесса, сохраняя при этом верность деволюционному соглашению.

Стратегия "мягкой" рецентрализации контрастирует с запросом Шотландии и Уэльса на расширение своей политической субъектности. Этот запрос нашел выражение как в постепенном наращивании полномочий региональных органов власти в ходе деволюционных преобразований, так и в устойчивой поддержке националистических сил в кельтских регионах.

Тогдашние первые министры Шотландии и Уэльса, Никола Стерджен и Каруин Джонс соответственно, назвали законопроект о выходе из Европейского Союза 2018 г., в котором были установлены условия Брекзита, "захватом власти"⁷, исходя из того, что фактически Вестминстер получал возможность в одностороннем порядке менять законодательство, относящееся к деволюции.

Несмотря на существование коалиции в отношении укрепления и расширения шотландской автономии общенациональных и региональных партий в Шотландии (ШНП, лейбористы, либерал-демократы, "зеленые"), выступавших за будущее региона в Евросоюзе и эффективную деволюционную политику, отсутствие реальных механизмов повышения субъектности (помимо совместного министерского комитета по переговорам с ЕС, комитета по делам Шотландии в Палате общин, шотландской фракции в Палате общин, где доминируют шотландские националисты и т.д.) привело к амбивалентной ситуации.

Брекзит повысил запрос на субъектность Шотландии, но вместе с тем отсутствие институциональных механизмов для ее повышения ввиду изначально половинчатого и непродуманного характера деволюционных соглашений оставляло внеинституциональный путь мобилизации общественного мнения в поддержку идеи независимости и монополизацию регионального политического поля в пользу ШНП для последующего торга с центром за расширение полномочий. Внеинституциональные способы расширения политической субъектности представлены стратегией Шотландской национальной партии борьбы за проведение нового референдума о независимости параллельно торгу с центром относительно новых полномочий для администрации и парламента региона.

Брекзит снизил возможности повышения политической субъектности региона в новых обстоятельствах. Для Шотландской национальной партии условием независимости было нахождение в составе Европейского союза и поддержка бюджетных фондов ЕС. Как следствие, Брекзит вызвал кардинальный пересмотр политического курса ШНП. В то же

⁶ *Agreement on the Withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community*. Legislation.gov.UK. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/eut/withdrawal-agreement/contents/adopted> (accessed 12.05.2023).

⁷ *Scotland, Wales Blast London's Post-Brexit Power Grab*. Anadolu Agency. 13.07.2020. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/europe/scotland-wales-blast-londons-post-brexit-power-grab/1909338> (accessed 12.05.2023).

время ШНП оказалась заложницей переданных Шотландии по Акту о Шотландии 2012 г. полномочий в сфере здравоохранения, образования и налогообложения. Правящая партия на региональных выборах в 2011, 2016 и 2021 гг. была вынуждена обещать масштабные финансовые вливания в социальную сферу для конкуренции с лейбористами.

Шотландское правительство, при наличии партийного большинства ШНП в Холируде, будет иметь возможность монополизации ряда направлений политического курса, отстраняя правительство в Лондоне от решения вопросов региональной политики. При этом бюджетное финансирование автономии и совместное с Лондоном регулирование такой чувствительной для избирателей области, как пенсионное обеспечение, создает серьезные барьеры для по-настоящему автономного политического курса регионального правительства и как следствие – высокой степени региональной политической субъектности.

Таким образом, с учетом сложившегося после Брекзита институционального контекста и опыта взаимодействия центра и региона в постдеволюционных условиях, стратегию правительства ШНП можно назвать “управляемой конфронтацией”, подразумевая, что регион вступает в политический торг с центром, используя сепаратистские лозунги и требование нового референдума о независимости, а не опирается на существующие институциональные механизмы диалога между центром и регионами в рамках Вестминстерской системы, такие как, например, Межправительственный совет. При этом правительство ШНП не стремится к скоординированной позиции регионов исходя из различия региональных интересов и региональной специфики стран Соединенного Королевства.

В свою очередь для Уэльса характерна модель “вынужденной кооперации” в отношениях с центром после Брекзита. Регион отличают проевропейская позиция политических элит и поляризация общественного мнения по вопросу членства в ЕС. В этой ситуации выбор именно такой стратегии объясняется тем, что: 1) 52.5% населения проголосовали за выход из Евросоюза в 2016 г.; 2) валлийская законодательная ассамблея имеет право принимать лишь подзаконные акты; 3) Уэльс в большей степени, чем другие регионы страны, был заинтересован в финансовых средствах бюджетных фондов ЕС вследствие аграрного характера региональной экономики. Так, в период с 2014 по 2020 г. регион получил финансирование от Евросоюза в размере 5 млрд евро⁸ из которых 1.908 млрд из Европейского сельскохозяйственного консультационного и гарантийного фонда и 692 млн в рамках Программы развития сельского хозяйства Уэльса, финансируемой ЕС. Таким образом, финансовая зависимость от центра в условиях Брекзита и поляризация мнений внутри региона относительно выхода из ЕС объясняют выбор ориентированной на сотрудничество с центром стратегии со стороны региональной администрации Уэльса.

Правительство Уэльса, как и шотландское, охарактеризовало Закон о Европейском союзе 2018 г. как “захват власти”, потенциально разрушительный для деволюции. Однако Уэльс продолжил сотрудничать с Вестминстером и Вайтхоллом в разработке нормативной правовой базы после Брекзита, в частности, Закона о внутреннем рынке Великобритании 2020 г. Правительство Соединенного Королевства также заявило, что создаст Фонд общего процветания для замены финансирования из бюджетных фондов ЕС. Уэльс проявил заинтересованность в создании такого фонда, который стал бы альтернативой финансирования из средств Евросоюза⁹.

По мнению экспертов из университета Кардиффа Д. Ханта, Р. Минто, Э. Пула и Г. Ифана, изучающих развитие деволюционной политики после Брекзита, с точки зрения влияния на переговоры Соединенного Королевства и Европейского союза, власти Уэльса

⁸ Bird N., Phillips D. *Preparations for Replacing EU Funding for Wales. Response to the Finance Committee of the National Assembly of Wales's Call for Evidence*. Institute for Fiscal Studies. Available at: <https://business.senedd.wales/documents/s75423/EUF%2021%20Institute%20for%20Fiscal%20Studies.pdf> (accessed 12.05.2023).

⁹ Wincott D. *Wales, Post-Brexit. UK in a Changing Europe*, 28.02.2020. Available at: <https://ukandeu.ac.uk/wales-post-brexit/> (accessed 14.01.2023).

не формулировали жестких требований и не сумели занять сильной позиции, поскольку у них фактически отсутствовали рычаги воздействия на центральную власть¹⁰. Регион участвовал во внутрибританских переговорах в рамках совместного министерского комитета, но действовал в русле решений Вестминстера и Вайтхола, приняв их условия перераспределения полномочий между центром и регионом после выхода Великобритании из ЕС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Брекзит стал катализатором реконфигурации центр-региональных отношений в Соединенном Королевстве. Как внешнеполитическое явление, относящееся к сфере “высокой политики”, он стимулирует стремление правительства консерваторов сохранить “автономию центра” при принятии решений, касающихся последствий выхода из Евросоюза – как участия ЭРА в процессе согласований условий этого выхода, так и их функционирования после него. Брексит также усилил запрос на политическую субъектность со стороны Шотландии, но не создал новых институциональных механизмов для ее повышения. У британских регионов отсутствуют механизмы помешать британскому правительству вернуть регионам полномочия, переданные в свое время на наднациональный уровень. В результате региональные институты, призванные расширить субъектность ЭРА в конце 1990-х годов, стали ее ограничителем в условиях после Брексита.

Причиной низкой эффективности отношений центра и регионов, мешающей повышению политической субъектности ЭРА и расширению их полномочий после Брексита, является неудачный выбор в конце XX в. формата деволюционной рамки. Асимметричные двусторонние деволюционные соглашения с центральным правительством тормозят региональную борьбу за эти цели.

При отсутствии в стране четкой конфигурации многоуровневой политики как “системы постоянных переговоров между связанными друг с другом правительствами на различных территориальных уровнях – наднациональном, национальном, региональном и локальном уровнях” [14] создается эффект “тропы зависимости” в том, что касается дальнейшего развития центр-региональных отношений. Многоуровневая политика как указанная выше “система постоянных переговоров” центра и регионов в Соединенном Королевстве не сложилась ввиду ориентации британских элит на сохранение основ Вестминстерской модели, пусть и весьма изменившейся в сторону движения унитарного государства к квазифедеративной модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Минаева Э.Ю., Панов П.В. Этнические региональные автономии: вариативность соотношения этнических и политико-административных границ. *Политическая наука*, 2017, № 4, сс. 178-205. [Minaeva E.Y., Panov P.V. Ethnic Regional Autonomies: Variation of the Correlation Between Sub-State Boundaries and Ethnic Groups' Settlements. *Political Science*, 2017, no. 4, pp. 178-205 (In Russ.)]
2. Сулимов К.А. Динамика субъектности этнических региональных автономий и поддержание баланса в межнациональных отношениях. *Политическая наука*, 2017, № 4, сс. 206-225. [Sulimov K.A. The Dynamics of Ethnic Regional Autonomies' Subjectness and the Balance in Interethnic Relations. *Political Science*, 2017, no. 4, pp. 206-225. (In Russ.)]
3. Keating M. Reforging the Union: Devolution and Constitutional Change in the United Kingdom. *Winter*, 1998, vol. 28, no. 1, pp. 217-234. DOI: 10.1093/oxfordjournals.pubjof.a029948
4. Downs W.M. Regionalism in the European Union: Key Concepts and Project Overview. *Journal of European Integration*, 2002, vol. 24, no. 3, pp. 171-177. DOI: 10.1080/07036330220152204
5. Ghai Y. Ethnicity and Autonomy: A Framework for Analysis. *Autonomy and Ethnicity: Negotiating Competing Claims in Multi-Ethnic States*. Ghai Y., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. Vol. 1. Pp.1-26.
6. Семенов А.В. Политические эффекты этнических территориальных автономий: обзор исследований. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2016, № 1, сс. 127-152. [Semenov A.V. Political Effects of Ethnic Territorial Autonomies: Review of Studies. *Bulletin of Perm*

¹⁰ Understanding a Welsh Brexit. CHALLENGECARDIFF. *The Research Magazine for Cardiff University*, Winter 2016/17. Available at: https://www.cardiff.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0009/533673/13309-Challenge-Cardiff-AutumnWinter-2016_Pages-LR.pdf (accessed 14.01.2023).

- University. Political Science*, 2016, no. 1, pp.127-152. (In Russ.)]
7. Прохоренко И.Л. *Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 93 с. [Prokhorenko I.L. *European Integration and a Problem of Separatism in the European Union Member States*. Moscow, IMEMO RAS, 2018. 93 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0521-5
 8. Ерёмкина Н.В. *Этнорегиональные сообщества в процессах трансформации политической системы современной Великобритании (на примере Шотландии и Уэльса)*. Дисс. докт. полит.н. Санкт-Петербург, 2012. 572 с. [Eremina N.V. *Ethno-Regional Communities in the Transformation of the Political System in Modern Britain (Examples of Scotland and Wales)*. Dr. Diss. (Polit.) Saint-Petersburg, 2012. 572 p. (In Russ.)]
 9. Garnett M., Lynch P. *Exploring British Politics*. London, Routledge, 2009. 682 p.
 10. Bogdanor V. *The New British Constitution*. Oxford, Hard Publishing, 2009. 336 p.
 11. Шейн С.А. "Деволуция – это процесс, а не событие". Деволуционная динамика в Шотландии и Уэльсе (1998–2018). *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 2018, № 2(2), сс. 194-199. [Shein S.A. 'Devolution is a Process, not an Event'. The Dynamics of Devolution in Scotland and Wales (1998–2018). *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 194-199. (In Russ.)]
 12. Патцельт В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? *Политическая наука*, 2012, № 3, сс. 50-70. [Patzelt W.J. Institutional Evolution, Morphology and Lessons from History. *Political Science*, 2012, no. 3, pp. 50-70. (In Russ.)]
 13. Convery A. Devolution and the Limits of Tory Statecraft: The Conservative Party in Coalition and Scotland and Wales. *Parliamentary Affairs*, 2014, vol. 67, no. 1, pp. 25-44. DOI:10.1093/pa/gst020
 14. Чихарев И.А., Рамонова М.А. Понятие и основные концепции многоуровневого управления в мирополитическом дискурсе. *Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки*, 2011, № 5, сс. 3-16. [Chikharev I.A., Ramonova M.A. The Concept and Basic Concepts of Multilevel Governance in the World Political Discourse. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2011, no. 5, pp. 3-16. (In Russ.)]

